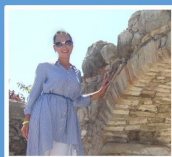

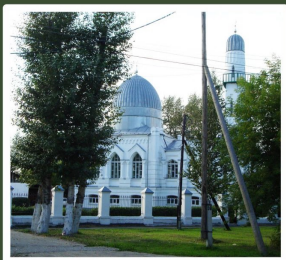
Дашковский Пётр Константинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета. Автор более 450 научных и учебно-методических публикаций, в т.ч. 16 монографий, опубликованных в России и за рубежом.

Сфера научных интересов: этнокультурная и этноконфессиональная история Сибири и Центральной Азии; история государственно-конфессиональной и национальной политики в России.

Шершнёва Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Автор более 40 научных и учебно-методических публикаций, в т.ч. 4 монографий, опубликованных в России и за рубежом.

Сфера научных интересов: история государственно-конфессиональных отношений на территории Сибири; история ислама; современные этноконфессиональные процессы в трансграничном пространстве Сибири и Центральной Азии

Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX — начале XX в.

**П.К. Дашковский,
Е.А. Шершнёва**

*** Выпуск 2**

**Этнокультурные и религиоведческие исследования в Евразии
Выпуск 2**

П.К. Дашковский, Е.А. Шершнёва

**Ислам и империя:
положение мусульманских общин
Западной Сибири в контексте
государственно-конфессиональной политики
во второй половине XIX — начале XX в.**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
Алтайский государственный университет
Кафедра регионоведения России, национальных
и государственно-конфессиональных отношений
Лаборатория этнокультурных и религиоведческих исследований

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В ЕВРАЗИИ
ВЫПУСК 2**

П.К. Дашковский, Е.А. Шершнёва

**ИСЛАМ И ИМПЕРИЯ:
ПОЛОЖЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ
ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

МОНОГРАФИЯ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

УДК 28 67(470+571)

ББК 86.38(2)

Д 217

Научный редактор:

доктор исторических наук Т.Г. Недзелюк

Рецензенты:

доктор исторических наук Ю.А. Лысенко;

доктор исторических наук А.П. Ярков;

кандидат исторических наук А.Г. Селезнев

Д 217 **Дашковский, Петр Константинович**

Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX в. : монография / Петр Константинович Дашковский, Елена Александровна Шершнёва ; науч. ред. Т.Г. Недзелюк ; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. — 162 с. (Этнокультурные и религиоведческие исследования в Евразии. Выпуск 2).

ISBN 978-5-7904-2443-4

В монографии рассматривается политика государства во второй половине XIX – начале XX в. в отношении мусульман, проживающих на территории Российской империи. Использование ранее неопубликованного материала из различных архивных учреждений страны и анализ нормативно-правовых документов позволяет проследить историческую динамику в государственно-конфессиональной политике, проводимой Российской империей в Западной Сибири. Особое внимание уделено изучению организации духовной жизни мусульманских приходов Западной Сибири в правовом пространстве Российской империи. Приводятся результаты исследования социально-экономической жизни мусульманских общин в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Подробно рассматриваются вопросы конфессионального образования в регионе, служба мусульман в вооруженных силах и участие в миграционных процессах в России. Определенное освещение в работе получила тематика, связанная с вопросами межрелигиозных отношений в регионе.

Монография рассчитана на религиоведов, историков, регионоведов, политологов, а также государственных служащих, курирующих вопросы реализации национальной и государственно-конфессиональной политики. Издание также полезно студентам, обучающимся по направлениям «Религиоведение», «Регионоведение России», «История», «Зарубежное регионоведение», «Политология», а также тем, кто интересуется историей государственно-конфессиональных отношений и историей религиозных общин в России.

УДК 28 67(470+571)

ББК 86.38(2)

Издание подготовлено в рамках выполнения гранта РНФ

по теме «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.»

(проект №19-18-00023)

ISBN 978-5-7904-2443-4

© Дашковский П.К., Шершнёва Е.А., 2020

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
ALTAI STATE UNIVERSITY
INSTITUTE OF MASS COMMUNICATIONS, PHILOLOGY AND POLITICAL SCIENCE
DEPARTMENT OF POLITICAL HISTORY, NATIONAL
AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS
LABORATORY OF ETHNO-CULTURAL AND RELIGIOUS STUDIES

**ETHNO- CULTURAL AND RELIGIOUS
RESEARCHS IN EURASIA
ISSUE 2**

P.K. Dashkovskiy, E.A. Sherhneva

**THE POSITION OF MUSLIM COMMUNITIES
IN WESTERN SIBERIA IN THE CONTEXT
OF STATE-CONFESSIONAL POLICY**

MONOGRAPH

Barnaul

Publishing house
of Altai State
University
2020

UDC 28 67(470+571)

BBC 86.38(2)

D 217

Scientific editor:

doctor of historical sciences T.G. Nedzeluk

Reviewers:

doctor of historical sciences U.A. Lysenko

doctor of historical sciences A.P. Yarkov

kandidat of historical sciences A.G. Seleznev

D 217 **Dashkovskiy, Petr Konstantinovich**

The position of muslim communities in western siberia in the context of state-confessional policy:
monograph / Petr Konstantinovich Dashkovskiy, Elena Aleksandrovna Shershneva ; Scientific editor
T.G. Nedzeluk ; Ministry of science and higher education the Federal State Budget , Altai State University. –
Barnaul : Publishing House of the Altai State University, 2020. — 162 c. (Ethnocultural and religious studies
in Eurasia. Issue 2)

ISBN 978-5-7904-2443-4

The monograph overviews the state policy in the second half of the XIX - early XX centuries regarding the Muslims living on the territory of the Russian Empire. The use of previously unpublished materials from various archival institutions of the country and the analysis of regulatory documents allows tracking the historical dynamics in the state-confessional policy pursued by the Russian Empire in Western Siberia. Special attention is paid to research of organization of the religious life of the Muslim parishes of Western Siberia in the legal space of the Russian Empire. The monograph presents the results of a study of the social and economic life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of the XIX - early XX centuries. The work examines in detail the confessional education in the region, the participation of Muslims in the armed forces and in migration processes in Russia. The topics related to issues of inter-religious relations in the region are considered as well.

The monograph is targeted for theologians, historians, regional studies researchers, political scientists, as well as government officials in charge of the implementation of national and state-confessional policies. The publication can also be useful to students studying in the areas of “Religious Studies”, “Regional Studies of Russia”, “History”, “Foreign Regional Studies”, “Political Science”, as well as to those who are interested in the history of state-confessional relations and the history of religious communities in Russia.

UDC 28 67(470+571)

BBC 86.38(2)

*The publication was prepared within the framework of the RSF grant on the theme
“Religion and power: historical experience of state regulation of religious communities
in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX-XX centuries”
(project #19-18-00023)*

ISBN 978-5-7904-2443-4

© Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A., 2020

© Decoration. Publishing House of the Altai
State University, 2020

Оглавление

Введение	7
Глава 1	
Правовое положение мусульманских народов в системе государственно-конфессиональной политики Российской империи	18
1.1. Положение мусульман в XVIII – первой половине XIX в.....	18
1.2. Положение мусульманских народов во второй половине XIX – начале XX в.....	29
Глава 2	
Организация духовной жизни мусульманских приходов Западной Сибири в правовом пространстве Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.	42
2.1. Система формирования мусульманских приходов и назначение при них духовенства	42
2.2. Влияние государственной политики на положение духовенства в мусульманских общинах Западной Сибири.....	52
2.3. Исламский фактор в вооруженных силах Российской империи	63
Глава 3	
Социально-экономическая жизнь мусульманских общин в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.....	71
3.1. Мусульманское образование в Западной Сибири.....	71
3.2. Аграрная политика государства в отношении мусульманских народов.....	85
3.3. Взаимодействие мусульманской общины с Русской православной церковью	97
3.4. Миграционные процессы в жизни мусульманских общин Западной Сибири.....	107
Заключение	114
Conclusion	117
Библиографический список.....	119
Список сокращений	141
Приложения	142

Contents

Introduction	7
Chapter 1	
The legal status of Muslim nations in the system of state-confessional policy of the Russian Empire	18
1.1. The position of Muslims in the XVIII - first half of the XIX century.....	18
1.2. The position of Muslim nations in the second half of the XIX — beginning of XX centuries.....	29
Chapter 2	
Organization of religious life of Muslim parishes of Western Siberia in the legal space of the Russian empire in the second half of XIX - beginning of XX century	42
2.1. The system of formation of Muslim parishes and the assignment of clergy	42
2.2. The impact of public policy on the position of clergy in Muslim communities in Western Siberia.....	52
2.3. The Islamic factor in the armed forces of the Russian Empire.....	63
Chapter 3	
The social and economic life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of the XIX - early XX century	71
3.1. Muslim education in Western Siberia	71
3.2. The state agrarian policy regarding Muslim nations	85
3.3. The interaction of the Muslim community with the Russian Orthodox Church.....	97
3.4. Migration processes in the life of Muslim communities in Western Siberia	107
Conclusion	117
List of sources and literature	119
List of abbreviations and shortenings	141
Applications	142

Своим родителям с благодарностью посвящаем...

Введение

В силу сложившихся исторических условий Россия стала многонациональным государством, в которое вошли народы, имеющие отличную от русского компонента культуру, а также конфессиональную принадлежность. Одно из ведущих мест в этом межконфессиональном взаимодействии занимали мусульманские народы. На сегодняшний день тема роли и места мусульманских народов в составе Российского государства становится как никогда актуальной. Связано это с возрождением мусульманской духовности среди народов Российской Федерации. Происходит восстановление духовных институтов и конфессиональных учебных заведений. Усилившаяся роль исламского фактора во всем мире, а также его влияние на национальные и политические процессы заставляют ученых обратить более пристальное внимание на ислам, его духовные ценности и значение.

Оценка государственно-конфессиональных отношений в имперской России позволяет осмыслить накопленный исторический опыт государства в отношении ислама и способствует выстраиванию отношений на современном этапе. Этнокультурные реалии современного общественного развития Российской Федерации приводят к необходимости обратиться к истории сложения многонационального государства, когда вставал вопрос положения мусульманских народов в составе христианского государства. Подробное изучение этноконфессионального аспекта имперской политики России в отношении мусульманских народов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. позволит не только понять процессы, которые происходили в те годы, но и поможет ответить на многие вопросы межконфессионального взаимодействия в современном мире. В работе анализируются стоящие перед современным обществом проблемы, которые были актуальны еще в XIX в., как межэтническое и межконфессиональное взаимодействие, правовой статус отдельных этнических групп, система конфессионального образования, а также миграционные процессы.

В отечественной исторической науке существует немало исследований, посвященных изучению мусульманских народов, как на территории России, так и в Западной Сибири. Специфика монографии заключается в изучении этнической многокомпонентности мусульманских народов на территории Западно-Сибирского региона. Население, исповедующее ислам, в Западной Сибири было неоднородным: включало татар, киргизов (казахов), бухарцев и другие народности¹. К тому же территория изучаемого региона являлась приграничным регионом Российской империи с «мусульманским миром» Азиатской степи. Необходимо учитывать и то, что окончательная исламизация некоторых тюркских племен Сибири произошла только в XIX в., тогда как проникновение ислама на данную территорию, по разным источникам, датируется XIV–XVI вв.²

Первые труды, посвященные положению мусульманских народов в Российской империи в целом и Западной Сибири в частности, относятся ко второй половине XIX в. Анализ литературы дореволюционного периода позволяет говорить о характерной конфессиональной и идеологической акцентированности и практически полном отсутствии критичности. Большинство работ носило более описательный характер состояния мусульманских народов, входивших в состав Российского государства³. В публикациях того времени четко прослеживались идея ислама как чужеродного и опасного для российского православного общества элемента, подчеркивалась необходимость борьбы с ним. Многие авторы того периода отмечали презрительное отношение к инородцам, говорили о недостаточной разви-

¹ Елецкий К. Инородцы Сибири и среднеазиатских владений России : этнографические очерки. СПб., 1908; Томилов Н.А. Сибирь – Северо-Восточная ветвь исламской цивилизации // Ислам, общество и культура / отв. ред. Н.А. Томилов, А.Г. Селезнев. Омск, 1994. С. 160–163.

² Белич И.В. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Проблемы истории Казани: современный взгляд : сб. ст. Казань, 2004. С. 480–503.

³ Елецкий К. Инородцы Сибири и Среднеазиатских владений России : этнографические очерки. СПб., 1908; Баязинов М.А. Отношения ислама к науке и инородцам. СПб., 1887; Крымский А. Мусульманство и его будущность. М., 1899.

тости мусульманского населения⁴. В основной своей массе в исследованиях активно разрабатывалась политика «охранительного» отношения к государственной власти и Русской православной церкви. Практически во всех трудах этого периода прослеживалась обеспокоенность правительства усилением влияния ислама на инородческое население империи.

В книге Н.Н. Балкашина «О киргизах и вообще о подданных России мусульманах» (1887) дается обзор распространения ислама на российских территориях, показаны количественный состав мусульман, подвластных Российской империи, и их взаимоотношение с правительством. Автор писал об общности христианской и мусульманской веры. Причины возникновения вражды между представителями этих конфессий ученый видел в политике духовенства. По его мнению, именно священнослужители указывали на рознь этих конфессий, возбуждая в своих паствах негативное отношение к представителям других вероисповеданий. Будучи представителем Министерства внутренних дел, Н.Н. Балкашин приводил в заключение работы меры, которые должно принимать правительство по отношению к мусульманским народам России. Решение всех проблем он видел во внедрении русского языка среди народов, исповедующих ислам в Российской империи, а также в надзоре за преподаванием мусульманского богословия.

Не оставалась в стороне от «мусульманского вопроса» и Русская православная церковь. Так, в 1894 г. была опубликована работа основателя Алтайской духовной миссии о. Макария (Глухарева), в которой он отмечал положительные моменты в распространении христианства в инородческой среде, а также предлагал наиболее эффективные способы ведения миссионерской деятельности для получения положительных результатов⁵.

Рассматривая исследования дореволюционного периода, правомерно сказать о том, что для российской историографии конца XIX – начала XX в. была характерна тенденция, когда отсутствие христианской традиции рассматривалось как нечто враждебное. Такой подход зародился, по мнению М.А. Барга, в Европе еще в эпоху Возрождения. Он характеризует отношение со стороны государства к подданным нехристианского исповедания, видя в них потенциальную опасность для политического устройства страны⁶. Следует заметить, что у всех этих авторов отсутствовал научный критический подход. Связано это было с тем, что они являлись либо представителями государственного аппарата управления, либо служителями официальной Церкви. Их труды были направлены в первую очередь на утверждение враждебности мусульман к правительству Российской империи. Любыми способами авторы стремились оправдать политику государства и церкви по отношению к инородческому населению империи. При всех своих недостатках, а именно отсутствии критического подхода, работы А.Е. Алекторова, Н.В. Никольского, Н.Н. Балкашина, К. Елецкого, М. Глухарева занимают определенное место в изучении вопроса положения мусульман в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Очевидно, следует подчеркнуть, что историография XIX в. не была однородной. Нельзя сказать, что ей была присуща только государственная и конфессиональная направленность. Во второй половине XIX – начале XX в. закладываются основные подходы к трактовке «мусульманского вопроса» в России, в соответствии с ними освещалась история мусульманских народов страны. В это время в умах российской интеллигенции происходят значительные перемены. Именно в XIX в. появляются первые попытки осмысления развития мусульманской культуры. Так, П.Я. Чаадаев считал, что ислам мешает татарам в раскрытии их самобытной культуры⁷.

В середине XIX – начале XX в. теоретико-методологический инструментарий исследований обогащается под влиянием позитивистского подхода, позволившего расширить диапазон научного анализа,

⁴ Алекторов А.Е. *Инородцы в России*. СПб., 1906; Наиболее важные статистические сведения об инородцах восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама / под ред. Н.В. Никольского. Казань, 1912; Балкашин Н.Н. *О киргизах и вообще о подданных России мусульманах*. СПб., 1887.

⁵ Глухарев М. Мысли о способах к дальнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской империи. М., 1894.

⁶ Бург М.А. *Эпохи и идеи. Становление историзма*. М., 1987.

⁷ Чаадаев П.Я. *Полное собрание сочинений и избранные письма*. М., 1991. Т. 1. С. 429, 469.

высказать важные выводы и суждения⁸. На этом этапе выделяются труды Н.М. Ядринцева, В.В. Радлова, С.С. Шашкова и других исследователей. К тому же в этот период получает широкое распространение новая форма организации научной деятельности – различные общества. Наибольшее значение для изучения истории сибирского ислама имела деятельность Русского географического общества (особенно его Западно-Сибирского отдела). Данная организация объединяла в своих рядах как профессиональных историков, так и краеведов-любителей, что способствовало развитию в провинции интереса к истории региона. В разное время членами этого общества были В.В. Радлов, Н.М. Ядринцев и другие исследователи Сибири.

На фоне работ, посвященных изучению ислама в западносибирском регионе, выделяются труды В.В. Радлова, сочетавшие в себе лингвистические, этнографические сведения и данные археологии⁹. Исследователь обладал выдающимся даром аналитика и в своих трудах отразил воздействие ислама на жизнь населения. В книге «Из Сибири: страницы дневника» он описывает народы, населяющие территорию Сибири, и их религиозные представления¹⁰.

Одной из важных для историографии ислама в Сибири и выявления динамики развития коммуникативных связей двух культур является идеология областничества, который придерживались Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин и ряд других исследователей Сибири¹¹. В свое время Н.М. Ядринцева обвиняли в сепаратизме, так как он писал о самобытности Сибирского края, а также о конфессиональном и этническом многообразии региона. Н.М. Ядринцев видел причину всех инородческих несчастий во взаимном непонимании сибиряков и жителей Европейской России, возникших предубеждениях. Решение данной проблемы он видел в образованности и изучении инородческого быта и культуры. Н.М. Ядринцев также отмечал негативное влияние русского населения на инородческую среду¹². Позицию Н.М. Ядринцева разделял С.С. Шашков – еще один представитель областнического движения, писавший о вреде реформ, проводимых М.М. Сперанским в отношении инородческого населения Сибири. Однако следует отметить, что С.С. Шашков, осуждая политику государства, не обходит стороной в своей критике и представителей мусульманского духовенства¹³.

Особо необходимо указать на научный анализ прироста инородческого населения, сделанный С.К. Паткановым. В работе «О приросте инородческого населения Сибири» (1911) он анализировал данные переписей населения за разные периоды и, опираясь на Первую всеобщую перепись населения Российской империи 1897 г., делает выводы о расселении и этническом составе мусульманского населения Западной Сибири. Учитывая результаты исследований, С.К. Патканов подверг критическому анализу выводы о вымирании бухарцев и татар, сделанные Н.М. Ядринцевым¹⁴.

Активную позицию в изучении ислама на территории Российской империи в этот момент занимают и сами представители мусульманской мысли. Одним из таких представителей был крымский татарин И.Б. Гаспринский. Следует отметить, что в XIX в. зарождается новое реформаторское дви-

⁸ Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подданных России мусульманах. СПб., 1887; Патканов С.К. О природе инородческого населения Сибири. СПб., 1911.

⁹ Вайнштейн С.И., Кляшторный С.Г. В.В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов // Тюркологический сборник 1971 г. М., 1972. С. 20–31; Кононов А.Н. В.В. Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник – 1971 г. М., 1972. С. 7–15; Щербак А.М. В.В. Радлов и изучение памятников рунической письменности // Тюркологический сборник – 1971 г. М., 1972. С. 54–63; Решетов А.М. Академик В.В. Радлов – востоковед и музеевед (основные этапы деятельности) // Радловские чтения – 2002. СПб., 2002. С. 95–101; Артюх Е.А. Алтайский период в научной деятельности В.В. Радлова. Барнаул, 2010. 295 с.; Дашковский П.К. Мирозрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул, 2011. С. 26–27; и др.

¹⁰ Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. М., 1989. 749 с.

¹¹ Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. 138 с.; Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. 323 с.; Емельянова Т.Н. Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб., 2004. 130 с.; др.

¹² Ядринцев Н.М. Алтай и его инородческое царство // Исторический вестник. 1885. Т. XX, №6; Он же. Об алтайцах и черневых татарах (Отчет в ЗСОИГО – отдел этнографии). СПб., 1881; Он же. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003; Он же. Сочинения : в 2 т. Т. 2: Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень, 2000.

¹³ Шашков С.С. Собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1898.

¹⁴ Патканов С.К. О природе инородческого населения Сибири. СПб., 1911.

жение – джадидизм, которое внесло изменения в общественную мысль мусульман. Идеи джадидизма не затрагивали политической системы государства, а были построены на принципах просвещения. Именно в этот период татарские ученые и мыслители поднимают вопрос реформирования мусульманского образования в соответствии с запросами жизни и прогресса. И.Б. Гаспринский в разговоре с одним из своих современников указывал на оторванность мусульман от российского общества. В конце XIX – начале XX в. представители мусульманской общественной мысли отмечала преимущественно отрицательное влияние русского государства на развитие инородческого населения империи. Именно в результате политики тотального контроля мусульмане отстали от требований современного общества. Примечательно, что И.Б. Гаспринский говорил о том, что «русское господство не ведет мусульман к прогрессу, а приводит в упадок такие средства умственного развития татар, как школа и письменность»¹⁵. Именно в школе он видел решение всех проблем взаимодействия мусульманского населения с правительством.

Еще одним представителем исламской традиции можно назвать Ч.Ч. Валиханова, который, несмотря на свою принадлежность к исламскому миру, отличался склонностью к европейскому взгляду на историю мусульманских народов. В работе «О мусульманах в степи» он писал о необходимости свободы для мусульманских народов, активно критиковал политику государства, проводимую в отношении инородческого населения Российской империи, причем как в отношении насильственного крещения, так и в поддержании мусульманского закона. Для Ч.Ч. Валиханова было очень важным этнографическое разделение народов. Так, в татарах, например, он видел враждебный элемент для казахов, достаточно жестко высказывался о вредном влиянии мусульманского изуверства и вообще всякого религиозного фанатизма на социальное развитие народов. Исследователь выступал за территориально-административное отделение Киргизской степи от Оренбургского муфтията, указывая, что киргизы (казахи) отличаются от татар в религиозном исповедании¹⁶. Ч.Ч. Валиханов активно использовал сравнительно-исторический метод при анализе влияния государственной политики на религиозные взгляды инородцев казахской степи.

Необходимо подчеркнуть, что в XIX в. активно собирают краеведческие материалы, которые также будут способствовать знакомству с мусульманскими народами как ученых, так и широкой общественности. Во второй половине XIX в. исследователи перешли от накопления и систематизации эмпирических знаний о сибирском исламе к первым аналитическим работам по истории мусульманских народов Западной Сибири. В этот период происходит становление историко-этнографического подхода в исследованиях, который получил широкое распространение при изучении истории, культуры и мировоззрения разных народов Сибири и сопредельных регионов.

В советской историографии изучение какого-либо события и фактов, отражающих взаимоотношения государства и религиозных институтов, рассматривалось исключительно с точки зрения материалистического мировоззрения и идеологии¹⁷. В целом в данный период авторы изобличали «реакционную», «классовую» сущность ислама, как и требовала от них господствовавшая в государстве идеология. В историографии советского периода вопросы, касающиеся религиозного сознания, отходят на второй план. Работы этого периода затрагивали в основном лишь этнический и культурный контексты изучения мусульманских народов, проживающих в регионах с традиционно мусульманским населением.

В то же время нельзя не заметить, что в советской исторической науке стали уделять серьезное внимание обозначенной проблематике в 50-е гг. XX в. Отечественные исследователи начали обращать внимание на религиозную составляющую истории мусульманских народов Сибири. В 1956 г. выходит

¹⁵ Гаспринский И.Б. Русское мусульманство // ЭО. 1992. №6.

¹⁶ Валиханов Ч.Ч. О мусульманах в степи // Собрание сочинений : в 4 т. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 71–76.

¹⁷ Климович Л. Ислам в царской России. М., 1936; Дарженев С. Политика царского правительства в отношении ислама в конце XIX – начале XX в. // Ученые записки историко-юридического факультета Киргизского университета. Серия: История. Фрунзе, 1964; Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965; Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск, 1978; Бояршикова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.

сборник «Народы Сибири», где публикуется статья В.В. Храмовой «Западносибирские татары»¹⁸, в которой освещались отдельные аспекты истории материальной и духовной культуры сибирских татар с древнейших времен до середины XX в.

В 1950–1980-е гг. появляется ряд работ, посвященных не только этногенетическим, но и религиозным связям населения Средней Азии и Сибири. В этот период заметно выделяются труды таких исследователей, как Ф.Т. Валеев и Н.А. Томилов¹⁹. Однако о религиозной составляющей культуры было по-прежнему не очень уместно говорить и писать.

Ситуация в стране и в исторической науке стала заметно меняться с середины 1980-х гг. с так называемого периода перестройки. Именно во второй половине 80-х гг. XX в. появляется исследование Л.М. Дамешека, специально посвященное политике государственной власти по отношению к народам Сибири (1986 г.), хотя работа над книгой началась гораздо раньше²⁰. В этом исследовании затрагивается положение мусульманских народов Сибири, аграрной политики государства по отношению к инородческому населению Российской империи. Не остается без внимания и взаимоотношение православной церкви и мусульманского населения. Автор писал о том, что на политику правительства влияли развитие капиталистических отношений и нарастающее освободительное движение нерусских народов. Кроме того, в соответствии с господствующей идеологией ученый замечал, что сдвиг, произошедший в культурном развитии населения, объясняется не деятельностью церкви, а благодаря потребностям капиталистического развития и возросшим самосознанием народа.

Нужно подчеркнуть, что советские исследователи оценивали проблему взаимоотношений мусульманского населения с православным государством прежде всего с атеистической точки зрения. В этой связи все их работы носили односторонний характер. В результате господствующей идеологии они старались избегать в своих трудах вопросов, касающихся религии. Их либо опускали вообще, либо заменяли понятием «традиция». Общая потребность в анализе социокультурного прошлого косвенно коснулась ислама. Еще в начале XX в. замечены первые попытки применения метода ретроспекции.

В советский период религиозоведческая проблематика отчасти развивалась в русле этнографии. В то же время нельзя не отметить, что именно в это время в научный оборот вводятся ценнейшие этнографические материалы, в том числе и по конфессиональной истории. Активно изучают и публикуют неизвестные ранее архивные материалы. В целом, в исследованиях начинает преобладать сравнительно-исторический подход. С другой стороны, формируется подход, при котором любая религия или аборигенная культура вторичны, а их место в социальной организации этнических общностей опосредованно.

С начала 90-х гг. XX в. в нашей стране появляется возможность детального изучения исламской религии на территории Российской империи в общем и в ее регионах в частности. Одной из первых серьезных попыток комплексного изучения ислама на указанной территории стал энциклопедический словарь «Ислам на территории бывшей Российской империи»²¹, где дано описание многообразных форм ислама, бытующих на территории Российского государства. Авторский коллектив данного издания попытался сформировать представление об исламе в России как неотъемлемой части российской культуры и истории.

Особое внимание начинают уделять правовому положению мусульманских народов, а также положению инославных конфессий в Российском государстве. Огромную роль при этом сыграли труды

¹⁸ Храмова В.В. Западносибирские татары // Народы Сибири. М., 1956.

¹⁹ Валеев Ф. Т. О религиозных представлениях западносибирских татар // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1976; Он же. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX в. (историко-этнографические очерки). Казань, 1980; Томилов Н.А. Общественный быт и духовная культура томских татар // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980; Он же. Поволжские татары Западной Сибири в XVI – первой четверти XIX в. // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983; Он же. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск, 1981.

²⁰ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск, 1986.

²¹ Ислам на территории бывшей Российской империи : энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 2006.

Д.Ю. Арапова, Е.И. Воробьевой, А.К. Тихонова, Ф.М. Кулиева²², в которых авторы исследовали историю взаимоотношений исповедующих ислам с государственной властью. Д.Ю. Арапов подвергает глубокому анализу российское законодательство и его отношение к мусульманам в России в целом.

Е.И. Воробьева, анализируя литературу 60-х гг. XIX в., пришла к выводу, что в этот период в России начинают рассматривать и активно обсуждать «мусульманский вопрос». К началу XX в. инородческий вопрос стали рассматривать как сближение инородцев с русским населением. По замыслу российских властей решение инородческого вопроса виделось именно в таком сближении. По мнению ученых, политика государства в отношении нерусского населения не представляла собой целостного политического курса и строилась в зависимости от степени развития антиправительственных настроений в среде отдельных этносов. Особое место занимают труды Д.Д. Азаматова, посвященные изучению создания и функционирования Оренбургского магометанского духовного собрания²³. Данные работы содержат не опубликованный ранее богатый архивный материал, отражающий деятельность данного органа и его взаимодействие с мусульманскими общинами в регионах.

Не остается без внимания и исследование регионального аспекта ислама. Именно в этот период начинает складываться традиция изучения сибирского ислама. Ряд современных работ (А.Ю. Конева, Г.Т. Бакиевой, В.П. Ключевой, Г.Л. Файзрахманова) посвящен истории сибирских татар, политической, экономической и духовной жизни этого народа. Указанные исследования основываются на архивных материалах, что особенно ценно. Кроме положения татар и их взаимодействия с государственными структурами, выходят работы, посвященные другим мусульманским народам Западной Сибири. В.Н. Басилов в книге «Ислам у казахов (до 1917 г.)», изданной в соавторстве с Дж. Х. Кармышевой в 1997 г., показывает негативное влияние татарского населения на степняков. Автор считал, что казахам необходима была независимость как от правительственных структур, так и от фанатичного мусульманского духовенства.

В монографии «Мусульманские общины Азиатской части Российской империи в середине XIX – начале XX в.: по материалам учетных ведомостей ОМДС» (2018) авторы анализируют развитие мусульманских общин на территории Сибири, Урала и Дальнего Востока. Исследователи обращают внимание на специфику развития уммы на региональном уровне и роль миграционных процессов на их формирование. Особое внимание авторы уделяют системе формирования культовых учреждений, а также формированию мусульманского духовенства.

Основной тенденцией, характерной для постсоветской научной литературы, является более глубокое и объективное, по сравнению с предыдущими периодами, изучение мусульманского вопроса. Более детально и объективно рассматривается законодательство Российской империи, а также имперская политика в отношении мусульманских народов страны. Появляется ряд работ (Е.Н. Коноваловой, В.Ю. Софронова, Е.Л. Савкиной, Г.Ш. Мавлютовой, О.П. Цысь), посвященных проблемам взаимодействия мусульман с православной церковью во второй половине XIX – начале XX в. Все исследователи сходятся в одном мнении, что христианизация мусульманского населения Западной Сибири не принесла никаких существенных изменений в их жизнь. К тому же следует отметить, что лишь небольшая часть мусульманского населения принимала православие под давлением миссионеров.

²² Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2008; Арапов Д. Ю. Правила устройства духовной жизни татар-мусульман в Тобольском конном полку (1853 г.) // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / отв. ред. А.В. Нескоров. Тобольск ; Омск, 2002. С. 126–127; Он же. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004; Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д. Ю. Арапов. М., 2001; Он же. Мусульманское дворянство в Российской империи // Международный исторический журнал. 1999. №3. URL: <http://history.machaon.ru>; Воробьева Е.И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Исторический ежегодник. 1997. URL:<http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles>; Арапов Д. Ю. Ислам в архивных материалах высших государственных учреждений Российской империи (1721–1917) // Мусульмане в новой имперской истории. М., 2017. С. 23–38; Бакиева Г.Т. Обычаи и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX века. Новосибирск, 2011.

²³ Азаматов Д. Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX в. Уфа, 2000; Он же. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX в. Уфа, 1999; Воробьева (Кэмпбелл) Е.И. «Единая и неделимая Россия» и «Инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001.

Г.Т. Бакиева в монографии «Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII–XX вв.)» (2003) рассматривает религиозную функцию общин, христианизацию татар и участие служителей культа в делах общины. Автор показывает противоречивость политики государства в отношении мусульман, а также рассматривает деятельность Русской православной церкви по христианизации татар. Не меньшего внимания заслуживает коллективная монография «Сибирь в составе Российской империи», изданная в 2007 г. Она посвящена проблеме управления сибирскими инородцами. При этом авторы указывают на то, что к концу XIX в. имперская политика в отношении населения сибирских окраин приобретает новые черты, направленные на ликвидацию инородческого сословия.

На региональном уровне появляются работы, посвященные конкретным проблемам в жизни народов, исповедующих ислам. В частности, например, особое внимание начинает уделяться вопросам инородческого образования²⁴, а также в целом развития мусульманских общин в Сибири.²⁵

В современной российской историографии, освободившейся от идеологических стереотипов советской эпохи, сложилось две позиции на отношение мусульман с Российским правительством. Сторонники этих направлений находят соответствующие аргументы в истории российско-исламских взаимоотношений. Одним из этих направлений является агрессивная позиция. Она характеризуется насильственной ассимиляцией мусульманских народов на основе господствующей идеологии. Второе направление – прагматичное, оно было направлено на сохранение стабильности и спокойствия в империи путем сотрудничества с мусульманскими элитами и терпимости к исламу²⁶. Мнения о том, что политика государства в XIX – начале XX в. не была колониальной в отношении инородцев, придерживается, например, А.В. Малашенко. Этот исламовед считал, что дискриминации по религиозному признаку в нашей стране не было, а приверженцы ислама к 1917 г. были равноправны с немусульманским большинством Российской империи²⁷. Кроме того, работы Р.Г. Ланда, Е.И. Воробьевой, А.В. Малашенко основываются на широком круге источников, в них авторы старались дать наиболее объективную картину взаимоотношений мусульман с представителями имперской государственной власти. Основными авторами этого направления являются такие исследователи, как Д.М. Усманова, А.В. Ремнев, Л.М. Дамешек.

Одна из особенностей современного этапа историографии – публикация работ, написанных в русле проблемной историографии. Среди них монография «Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Т. 1: Источники и историография» (2007), выполненная коллективом исследователей под руководством А.П. Яркова. В постсоветский период расширяется круг доступных источников, а у исследователей появляется возможность работать с ранее недоступными архивными фондами. Издаются работы, посвященные религиозному аспекту жизни инородческого населения Западной Сибири. С начала 90-х гг. XX в. в науке постепенно происходит дистанцирование от советской методологии исторического процесса и негативной оценки миссии ислама. Однако исследования, касающиеся мусульманской общины в традиционно немусульманских регионах, пока немногочисленны²⁸.

²⁴ Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009. 500 с.; Нам И.В. Институционализация этничности в сибирском переселенческом обществе (конец XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского гос. ун-та. 2014. Т. 10. Серия: Политология. Религиоведение. С. 34–49; Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. 272 с.; Стурова М.В. Конфессиональная доминанта в интеграции славянского населения: церковно-школьное строительство в Степном крае (80-е гг. XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского гос. ун-та. 2014. №4. С. 212–216; Она же. Система начального школьного образования в Степном крае во второй половине XIX – начале XX века: этноконфессиональный аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 24 с.; Любичанский С.В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Оренбург, 2018. 264 с.; Абакиров М.Ш. Татары Новосибирской области. Новосибирск, 2012. 264 с.

²⁵ Павлинова Р.Н., Старостин А.Н., Ярков А.П. Мусульманские общины азиатской части Российской империи в середине XIX – начале XX в.: по материалам учетных ведомостей ОМДС. Казань, 2018. 492 с.

²⁶ Каппелер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 2003. №2. С. 130.

²⁷ Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. С. 33.

²⁸ Загидуллин И.К. Предисловие // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX в.: материалы одноименного научного семинара, посвящ. 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири. Казань, 2011. С. 3–11; Он же. Публичные сборы пожертвований для строительства мечетей в горо-

Усиление миграционных процессов в настоящее время вызвало потребность изучения данного явления на территории России. К тому же следует отметить, что представители исламской религиозной традиции, как сейчас, так и в имперский период, являлись непосредственными участниками данного процесса. Проблемами миграционной политики на территории Российской империи занимались Ю.А. Гаврилов, А.Г. Шевченко, В.М. Кабузан, А.В. Квакин, С.К. Иванов, А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова, Т.М. Регент, И.А. Нуриманов и некоторые другие исследователи. В работах указанных специалистов отмечается, что к концу XIX в. в Российском государстве усиливается политическая активность мусульманских народов, которая не могла не сказаться на миграционных процессах, происходящих в стране. Еще одним фактором, который также оказывал влияние на процессы оттока мусульманского населения за пределы государства, стала внешняя политика Российской империи и ее отношение с Османской империей²⁹. Решение проблемы выезда мусульманского населения за пределы страны правительство видело в переносе процессов миграции во внутренние границы России, активно осуществляя переселенческую политику именно на окраины империи³⁰.

Ряд исследователей также отмечают усиливающееся влияние на российских мусульман со стороны единоверцев, проживавших за границей³¹. Особое внимание авторы уделяют вопросам совершения хаджа российскими мусульманами и правовому обеспечению данного вопроса³².

Важное место в изучении положения мусульманских народов в составе Российского государства занимают работы, посвященные роли мусульман в революционных событиях. Авторы анализируют отношение мусульман, как на региональном, так и общероссийском уровне, к политическим событиям, протекающим в Российской империи в начале XX в.³³

Таким образом, краткий обзор историографии исследуемого вопроса показывает наличие обширных трудов, касающихся этнографии и быта инородцев Сибири. Рассмотренные работы позволяют судить о возросшем интересе к положению мусульманских народов в составе Российского государства на современном этапе. Со второй половины XIX в. начинает зарождаться интерес к изучению государственно-конфессиональной политики в России. На оценку данной проблемы огромное влияние оказывал политический строй и господствующая идеология. Работы дореволюционного периода были написаны в русле господствующей «охранительной» идеологии государства. В советский пери-

дах европейской части России и Сибири (XIX – начало XX в.) // Источники существования исламских институтов в Российской империи: сб. ст. / сост. и отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань, 2009. С. 70–104; Он же. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (европейская часть России и Сибирь). Казань, 2006; Он же. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность: материалы Всерос. семинара. Казань, 2006. С. 44–103; Он же. Пятивременные и сборные (джами) мечети в округе Оренбургского магометанского духовного собрания // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.): материалы Всерос. научно-практ. конф. / отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань, 2006. С. 93–123; Он же. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007. 416 с.

²⁹ Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998. 350 с.; Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Русские мусульмане в поле российской идентичности // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М., 2008. Вып. 7. С. 289–303. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gavrilov_Russkie_mus.pdf (дата обращения: 20.12.2015); Исаков Д. М. Татары: популярная этнография. Казань, 2005. 159 с. URL: <http://miraska.narod.ru/tatars/tatars2.htm> (дата обращения: 24.10.2016); Павлинова Р.Н., Старостин А.Н., Ярков А.П. Мусульманские общины Азиатской части Российской империи в середине XIX – начале XX в.: по материалам учетных ведомостей ОМДС. Казань, 2018. 492 с.

³⁰ Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на Азиатских окраинах Российской империи // Политика. 2010. №3–4 (58–59). С. 152.

³¹ Машитлев Р.М. Мусульманский вопрос в региональной политике Кубанской области в конце XIX – начале XX вв. // Научно-творческое наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность: материалы XII Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2012. URL: <http://zema.su/blog/musulmanskii-vopros-na-kavkaze-v-dorevoljutsionnoi-rossii> (дата обращения: 15.08.2016).

³² Гусева Ю.Н. Проблема хаджа российских мусульман в решениях и документах советских государственных органов (1923 год) // Форумы российских мусульман. Ежегодный научно-аналитический бюллетень № 8 / под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. Москва; Н. Новгород, 2012. URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?5709> (дата обращения: 12.07.2016); Нуриманов И.А. Сравнительный анализ паломнической традиции мусульман Российской империи и христианского паломничества // Современные проблемы и перспективы развития исламоведения, востоковедения и тюркологии. Москва; Н. Новгород, 2007. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/histori_nurimanov.htm? (дата обращения: 30.10.2016).

³³ Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революции 1917 г.: монография / отв. ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул, 2017. 384 с.; Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009. 500 с.; Гатауллина Л.Р. Татарская пресса 1914–1915 гг. об отношении российских мусульман к Первой мировой войне // Ученые записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2008. №1. С. 133–139; Усманова Д. М. «Вайсовский Божий полк староверов-мусульман»: языки религиозного, сословного, политического и национального противостояния в Российской империи // Мусульмане в новой имперской истории. М., 2017. С. 156–171.

од на первый план выходит марксистская идеология, однако именно в это время продолжается накопление ценнейшего материала по истории мусульманского населения Российской империи. В трудах авторов советского периода активно используется историко-этнографический подход, в рамках которого рассматривается духовная культура инородческого населения Российского государства. В постсоветской историографии получают распространение историко-антропологический, историософский и другие подходы исследования сибирского ислама. В современной историографии преобладает более объективное рассмотрение данной проблемы. Особое внимание в историографии занимает изучение правового положения инородческого населения в составе Российской империи.

Данная монография отражает результаты исследования положения мусульманских народов Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Территориальные рамки исследования определяются границами Томской и Тобольской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей, которые сложились на начало XX в. В современном административно-территориальном делении это Томская, Новосибирская, Кемеровская, Тюменская, Омская области, Алтайский край, Республика Алтай и часть Восточно-Казахстанской и Павлодарской областей Республики Казахстан.

Хронологические рамки работы охватывают период с 60-х гг. XIX в. и до 1917 г. Нижняя хронологическая граница обусловлена началом реформ в Российской империи и попытками преобразования структуры духовного управления мусульманскими народами. Кроме того, начиная с этого периода происходит окончательное включение в состав Российской империи территорий с традиционно мусульманским населением. Верхняя граница связана с падением самодержавия в стране и сменой общественно-политического строя.

Методологию и основные методы исследования составили принципы объективности, детерминизма и историзма, которые предполагают всесторонний критический анализ исторических процессов и явлений в их формировании, становлении и развитии. В отношении тематики диссертационной работы положение мусульманских общин Западной Сибири рассматривается как процесс, обусловленный не только внутренними факторами развития самой религии на региональном уровне, но и спецификой государственно-конфессиональной политики Российской империи. При этом последняя понимается, с одной стороны, как совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей и взаимоотношений институтов государства, а с другой – институциональных образований конфессий, в данном случае ислама. Подобный подход является важным методологическим принципом в изучении проблематики государственно-конфессиональных отношений в современной отечественной науке.

При исследовании использовались сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, конкретно-социологический и ретроспективный методы. Применение сравнительно-исторического метода позволило проследить правовое положение мусульманских народов Российской империи в сравнении с господствующей Русской православной церковью и терпимыми конфессиями государства. Кроме того, данный метод позволяет провести сравнительный анализ в отношении грамотности православного и мусульманского населения, а также показать количество перешедших в православие мусульманских народов на территории Западной Сибири.

Проблемно-хронологический метод предполагает разделение темы на конкретные проблемы, где каждая рассматривается в хронологической последовательности. В процессе исследования появилась возможность рассмотреть государственную политику в отношении правового положения мусульманских народов, месте исламского духовенства в системе государственного устройства страны. Ретроспективный метод дает возможность выявить причины политической активности мусульман, возникшей в начале XX в., а также понять тенденцию возвращения из православия в ислам инородческого населения.

Использование совокупности вышеуказанных методов позволяет подвергнуть тщательному анализу широкий круг источников, дает возможность проследить основные тенденции истории взаимоотношений исламского духовенства и прихожан, а также государства к религии.

Основной источниковой базой исследования стал широкий круг опубликованных и неопубликованных источников, которые можно разделить на следующие группы.

Первая группа источников включает в себя законодательные акты, сконцентрированные преимущественно в Полном собрании законов Российской империи и Своде законов Российской империи и регламентирующие правовое положение мусульман в Западной Сибири. Они позволяют проследить внутрисполитический курс правительства по отношению к мусульманам, религиозным институтам и его духовенству. «Свод законов Российской империи» представляет собой систематизированное изложение действовавших законов, регулировавших систему управления духовными делами мусульман, прав и обязанностей духовных лиц, приходов, строительства мечетей, религиозные права российских подданных, правовой статус различных сословных групп населения и др.

Вторая группа источников представлена статистическими данными, благодаря которым можно проследить примерную численность мусульманских общин на территории Западной Сибири, их образовательный статус, количество духовенства и мечетей. Эти источники представлены данными Всероссийской переписи населения (1897 г.), Ведомостями о числе приходов и духовных лиц по различным губерниям (Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан, Ф. 295 и др.).

Наиболее многочисленна третья группа, включающая делопроизводственные источники: рапорты на имя Оренбургского муфтия, переписка с губернскими властями и Министерством внутренних дел Оренбургского муфтията по вопросам образования мусульманских народов в Российской империи, а также об исполнении своих обязанностей священнослужителями. К данной группе источников можно отнести и свидетельства о присвоении духовного звания лицам мусульманского вероисповедания. Указанная группа источников сформирована на основе анализа архивных документов в следующих архивных учреждениях: Государственный архив Алтайского края (Барнаул), Государственный архив Томской области (Томск), Государственный архив в г. Тобольске, Исторический архив Омской области (Омск), Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (Уфа).

Четвертая группа источников характеризует взаимоотношение Русской православной церкви с мусульманскими народами Западной Сибири и представлена следующими фондами: Ф. 164 Государственного архива Алтайского края, Ф. 184 Государственного архива Томской области, Ф. 3 Исторического архива Омской области и др. В данных фондах содержатся воспоминания миссионеров о положении инородческого населения, а также о контактах с мусульманским населением православных священнослужителей.

Новизна данной монографии заключается в том, что в ней впервые предприняты попытки специального комплексного исследования положения мусульман Западной Сибири на основе анализа архивных материалов и российского законодательства второй половины XIX – начала XX в. Во-первых, была рассмотрена эволюция государственной политики по отношению к мусульманам в Российской империи с момента принятия Указа «О терпимости всех вероисповеданий» (1773 г.) Екатериной II и до 1917 г., когда происходит смена политического режима. Данный период фиксирует разные моменты в государственно-конфессиональной политике Российского государства: от наметившегося в 60-е гг. XIX в. либерального курса в отношении мусульманских народов к активной «охранительной политике» в 80-е гг. того же столетия и возросшей политической и общественной активности инородческого населения в начале XX в.

Во-вторых, в монографии на основе архивного материала осуществляется детальное рассмотрение социального положения мусульманского духовенства, правовых основ его деятельности, роли в общественно-политической и духовной жизни мусульманской общины Западной Сибири.

В-третьих, особое внимание уделено анализу образовательной и хозяйственной деятельности мусульманской общины на территории Западной Сибири. Проанализировано значение религиозного фактора в образовательной и общественной жизни инородческого населения Российской империи.

В-четвертых, в монографии сделаны попытки оценки миссионерской деятельности Русской православной церкви среди мусульманского населения в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи.

Авторы считают своим долгом выразить благодарность родителям, родным и близким за многолетнюю поддержку. Особые слова благодарности коллегам, которые способствовали проведению наших историко-религиоведческих исследований, давали ценные советы, рекомендации: доктору исторических наук, академику Академии наук Республики Казахстан К.М. Байпакову (Алматы, Казахстан), докторам исторических наук А.В. Горбатову (Кемерово), М.А. Демину (Барнаул), А.С. Жанбасиновой (Усть-Каменогорск, Казахстан), Ю.А. Лысенко (Барнаул), Т.Г. Недзелюк, В.А. Овчинникову (Кемерово), Т.Д. Скрынниковой (Санкт-Петербург), Л.И. Шерстовой (Томск), А.П. Яркову (Тюмень), докторам филологических наук А.П. Забияко (Благовещенск), О.М. Хомушку (Кызыл), кандидату исторических наук А.Г. Селезневу (Омск), кандидату педагогических наук Н. Цэдэву (Уланбатор, Монголия).

Глава 1

Правовое положение мусульманских народов в системе государственно-конфессиональной политики Российской империи

1.1. Положение мусульман в XVIII – первой половине XIX в.

Начиная с XVI и до начала XX в. мусульманские народы, вошедшие в состав Российского государства, различными методами вели борьбу за свои национальные и религиозные права. Правительство и православная церковь в свою очередь всевозможными способами стремились к русификации и христианизации инородческого населения. Политика, проводимая в государстве в зависимости от внешних и внутренних изменений, имела разные стадии активности, однако отличалась постоянством³⁴. Ислам оказался раньше других конфессий в сфере влияния государства. Государственная власть стремилась к привлечению мусульманского населения в православную веру, причем не только насильственными методами, используемыми в начале XVIII в., но и предоставлением различных льгот и денежных поощрений. Последняя практика стала активно использоваться уже в 20–40-е гг. XVIII в.³⁵ Подобный интерес к конфессиональной составляющей политики был тесным образом связан с тем, что религиозная принадлежность в жизни народов, населяющих Российскую империю, имела огромное значение. До первых десятилетий XVIII в. именно она являлась определяющим фактором в приобретении статуса подданного Российского государства³⁶.

В связи с рядом внутривластных потрясений, в которых не последнюю роль играли мусульманские народы, вошедшие в состав империи, в 1735 г. принимаются меры по ограничению деятельности ахунов. В первую очередь такое ограничение было направлено на ослабление их влияния на башкирское население. При этом в рамках принятых законов значительно сужались должностные полномочия ахунов. Теперь вопрос открытия новых мечетей и школ в башкирских селениях целиком зависел от усмотрения представителей российского правительства на региональном уровне. Не избежали ограничений и мусульманские духовные суды. С этого момента за ними был оставлен только разбор семейных неурядиц, дел по семейным разделам и споров о наследстве. Взята была под особое наблюдение вся грамотная часть населения, особенно муллы и абызы³⁷. Именно абызы занимали особое место в жизни татарского населения страны, поскольку являлись хранителями мусульманских традиций и просветителями мусульманских народов Российской империи. Им было суждено стать связующим компонентом между духовенством Казанского ханства и официальным духовенством Оренбургского магометанского духовного собрания. Абызы как представители духовной власти мусульман видели

³⁴ Галлям Р.Г., Гариф Н.Г. «Дело по прошению Казанских мурз и татар о даровании большей свободы для магометанской веры» от 1770 г. как памятник борьбы татар в Российской империи за религиозные права и свободы // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.): материалы Всерос. научно-практ. конф. / отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань, 2006. С. 45.

³⁵ Бакиева Г.Т. Российское государство и сибирские татары в XVII – начале XX в.: конфессиональный аспект // Известия Алтайского гос. ун-та. 2008. №4. С. 7.

³⁶ Конев А.Ю. О роли конфессионального фактора в процессе интеграции народов Западной Сибири в состав России XVII в. // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень, 2004. Вып. 5. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DM/1-kon.htm>.

³⁷ Сулейманова Ю.Ф. Политика российских властей по отношению к мусульманам на Южном Урале в 30–50-е гг. XVIII в. // Государственная национальная политика, межэтнические и этноконфессиональные отношения в Оренбуржье: проблемы формирования установок толерантного сознания : материалы межрегион. научно-практ. конф. / под общ. ред. В.В. Амелина. Оренбург, 2011. С. 58.

в имаме автономно избранного духовного главы мусульманской общины, что противоречило государственной политике второй половины XVIII в.³⁸

Уже в начале 30-х гг. XVIII в. делается первая попытка по регламентации положения мусульман в составе Российского государства, в результате чего устанавливается контроль за мусульманским духовенством с целью пресечения распространения ислама на территории Сибири и Поволжья³⁹. Однако приобщение к исламской цивилизации тюркских народов Поволжья, Приуралья и Западной Сибири продолжалось. В результате, во-первых, номинальные мусульмане все глубже усваивали ислам. Во-вторых, хотя некоторая часть татар принимала христианство, гораздо больше было не мусульман, обратившихся в ислам в условиях официального господства православного христианства как государственной религии⁴⁰.

Несмотря на довольно строгие ограничительные меры в отношении мусульманского населения Российской империи в первой половине XVIII в. уже к 1744 г. начинает остро ощущаться недостаточность нужного количества мечетей. В этот период императрица Елизавета Петровна признает важность для живущих в России татар приносить присягу по своему закону в своих культовых сооружениях. Одновременно с этим встал вопрос и о наличии достаточного числа священнослужителей, которые непосредственно участвовали в принятии присяги. Однако, невзирая на некоторые послабления, контроль со стороны государства в этом процессе не был утрачен. Во время принесения присяги было обязательно присутствие толмача, который контролировал точность произнесенного мусульманином текста⁴¹. Свобода вероисповедания гарантировалась по «Манифесту о присоединении к России Великого княжества Литовского» 1735 г. не только католическому населению края, но и литовским татарам-мусульманам⁴².

Таким образом, становление империи приводит к кардинально новому принципу взаимодействия между религиозными институтами и государством. Отношения начинают строиться на главенстве государя над всеми конфессиями на подвластных ему территориях. Не только православная церковь становится частью государственной структуры российского общества, где государь является главой церкви. Этот процесс начинает затрагивать и все «терпимые» религиозные объединения в Российской империи. Подчиняя духовные учреждения светской власти, им придается государственный характер.

Со времен правления Екатерины II по Указу от 17 июня 1773 г. ислам получает статус «терпимой» религии⁴³. В результате мусульманам разрешается открытие мечетей, а при них медресе и мектабе. Такие заведения использовались наиболее прогрессивным мусульманским населением XVIII–XIX вв. как создание базы для распространения прогрессивных идей в русле национально-освободительного движения. С этого момента правительство понимает, что введение контроля за мусульманскими народами империи должно осуществляться не путем насильственной христианизации, а посредством надзора за духовенством, которое имеет на них влияние⁴⁴. В правление Екатерины II начинается процесс институционализации мусульманского общества, и в первую очередь это касалось религиозной и социальной элиты. Впервые на населении Поволжья начинает отрабатываться система вхождения мусульманских народов в состав Российской империи. Результатом такого подхода стало снижение уровня образованности населения, сокращение количества выпускаемой мусульманской литературы.

³⁸ Набиев Р.А. Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань, 2002. С. 31.

³⁹ Лысенко Ю.А. Политика России в отношении ислама в 20–60-е гг. XVIII в. (по материалам Полного собрания законов Российской империи) // Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: актуальные вопросы истории и международных отношений. Четвертые научные чтения памяти Е.М. Залкинда / под ред. А.В. Старцева. Барнаул, 2009. С. 66.

⁴⁰ Кобищанов Ю.М. Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии – России // ОНС. 1996. №2. С. 97.

⁴¹ Зайцев И.В. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX вв. // Отечественная история. 2008. №4. С. 6.

⁴² Арапов Д. И. Мусульманское дворянство в Российской империи // Международный исторический журнал. 1999. №3. URL: <http://history.machaon.ru>.

⁴³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание I. Т. XIX. С. 775–776; Наследие. Вып. 1: Религия – общество – государство: институты, процессы, мысль. Кн. 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI в.): хрестоматия: в 2 ч. / сост. Ю.П. Зуев; под общ. ред. Ю.П. Зуева, В.В. Шмидта. Ч. I: X – начало XX в. М., 2010. С. 166.

⁴⁴ Мухаметшин Р.М. Ислам в Российской империи. К проблеме формирования религиозных традиций у татар // Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX в. Казань, 2003 URL: <http://www.archipelag.ru/authors/muhametchin/?library=2397>.

Кроме того, такие действия вызвали значительный отток большей части татарского населения с этих территорий в Турцию, Дагестан, а также частично в Сибирь. В связи с этим к началу XIX в. наблюдается возрастание в мусульманской среде процессов, направленных против российского влияния⁴⁵.

Главной задачей правительства на протяжении всего периода совместного существования в рамках одного государства, по мнению исследователей, была не христианизация, а установление контроля над духовной и религиозной жизнью мусульман. Одновременно с принятием нового курса правительства, во-первых, признавался провал массовой христианизации инородческого населения страны, во-вторых, такими действиями подтверждалась значимость мусульманской общины в экономической и социальной жизни страны⁴⁶.

Несмотря на это в рамках Российской империи мусульманские общины испытывали социальное, религиозное и национальное притеснение, так как ограничивались их связи с центрами мусульманской цивилизации. Таким образом, в рамках Российского государства формируется особое явление, которое в конце XIX в. получило название «русское мусульманство»⁴⁷.

В конце XVIII в. правление Екатерины II приносит существенные изменения в правовую жизнь многонационального государства. В этот период коренным образом изменяется положение мусульманских народов в Российской империи. В частности, татарская элита достигает компромисса с имперской властью. При этом политика Российской империи все активнее начинает строиться на диалоге с мусульманскими народами. Признание официального статуса ислама дало возможность мусульманам империи получить в определенном смысле религиозную автономию, хотя и достаточно ограниченную. В этот период все мусульмане, кроме мусульман Крыма, входят в единую административную единицу. В 1756 г. правительство делает первые уступки мусульманскому населению путем разрешения строить мечети и открывать при них школы. При этом нужно было, чтобы мусульманское население в данном регионе составляло 10% от общего числа населения. К тому же мусульмане освобождались на один год от рекрутских наборов⁴⁸.

Следует отметить, что Екатериной II был принят ряд мер, направленных не только на приостановление произвола в отношении народов, исповедующих ислам, но и на интеграцию их в российское общество. Стремясь к вливанию мусульманского населения в состав Российской империи, правительство пытается обрести опору не только в духовенстве, но и в высших слоях татарского общества. В результате этого 22 февраля 1784 г. выходит Указ об уравнивании татарских мурз и князей в правах и привилегиях с русским дворянством, кроме владения крепостными христианами⁴⁹. Наряду с мусульманами в правление Екатерины II получают ряд свобод последователи других религий – иудаизма, лютеранства и католицизма. В частности, иудеи получили право свободно отправлять свои культы. Однако их свобода ограничивалась установлением так называемой черты оседлости. Следует подчеркнуть, что в этот период, как и ранее, на государственную и военную службу привлекались иностранные специалисты, которые оказывались преимущественно лютеранами по вероисповеданию. Последователям лютеранства аналогичным образом гарантировалась свобода в отправлении культов, строительстве молитвенных домов. Кроме того, им разрешалось иметь необходимое на их усмотрение количество священнослужителей.

Именно при Екатерине II происходит бюрократизация структуры мусульманского духовенства, а также появляются зачатки выделения его в отдельное, привилегированное сословие. В данном случае интересно заметить, что Россией были заимствованы отдельные моменты из политической системы

⁴⁵ Алексеев И.Л. Институционализация ислама в имперском пространстве и эволюция системы управления мусульманским населением Центральной России // Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия / под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. Н. Новгород, 2006. С. 106.

⁴⁶ Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. С. 26.

⁴⁷ Валеев Р.М., Набиев Р.А. История ислама в России // Ислам и мусульмане в России: сб. ст. / под общ. ред. М.Ф. Муртазина, А.А. Нуруллаева. М., 1999. С. 108.

⁴⁸ Набиев Р.А. Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань, 2002. С. 35; Нуруллаев А.А., Нуруллаев Ал.А. Религия и политика. М., 2006. С. 201.

⁴⁹ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 54; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание I. Т. XXIII. С. 51–52.

Османской империи, в которой разрешалось, при некоторой лояльности к официальной власти, сохранять свое вероисповедание. Ислам, таким образом, приобрел в Российской империи статус «покровительственного религиозного меньшинства»⁵⁰. Российская империя в своей вероисповедной политике исходила из того, что всякое христианское государство обязано уважать религиозную самобытность населяющих ее народов со всеми их характерными чертами, и практически не применяло принудительных мер с целью религиозной ассимиляции своих неправославных подданных⁵¹.

Важно подчеркнуть, что признание ислама в рамках государственно-конфессиональной системы Российской империи приводит к непосредственному вмешательству государства в духовную жизнь мусульманских народов. Ислам никогда не имел церковной структуры, однако правительство всеми своими действиями стремилось к созданию «исламской церкви»⁵². Указы 70–80-х гг. XVIII в. показывают, что именно с этого времени имперская власть пришла к пониманию необходимости соблюдать в отношениях с различными по вере и языкам подданными важнейший принцип терпимости. Однако и при Екатерине II, и при всех ее преемниках главным обязательным условием для всех жителей страны, в том числе и мусульман, оставалось требование абсолютной лояльности и преданности существующему строю.

Необходимо обратить внимание на то, что курс на политику веротерпимости в России в конце XVIII в. был обусловлен еще рядом внешнеполитических событий, таких как первый раздел Речи Посполитой в 1772 г., а также Русско-турецкая война 1768–1774 гг. Оказали влияние на политику, проводимую Екатериной II, и внутригосударственные потрясения, например Пугачевское восстание 1773–1775 гг., которое имеет неоднозначные оценки в отечественной историографии. В сложившейся ситуации как законное правительство в лице Екатерины II, так и бунтарское в лице Емельяна Пугачева видели укрепление своих позиций в реформировании конфессиональной структуры российского общества. В сложившейся ситуации следовало уделить особое внимание мусульманским народам России. Правление Екатерины II демонстрирует политику взаимной лояльности в рамках конфессиональной политики, и в первую очередь по отношению именно к мусульманским народам⁵³. 17 июня 1773 г. веротерпимость была провозглашена в Указе Синода, в котором православным архиереям запрещалось вмешиваться в дела «магометанского закона» и законодательно разрешалось строительство мечетей для мусульман России⁵⁴.

Несмотря на ранее установленные разрешения, 28 января 1783 г. Екатерина II издала Указ «О дозволении подданным Магометанского закона избирать самим у себя ахунов»⁵⁵. По данному закону мусульманам рекомендовалось не увеличивать количество мечетей и не приглашать иностранных священнослужителей. Таким образом, закреплялось право на получение духовных должностей за российскими мусульманами.

В связи с данными ограничениями 22 сентября 1788 г. вышел именной Указ Екатерины II о создании Оренбургского магометанского духовного собрания⁵⁶, по которому все духовенство Российской империи, за исключением Таврической области, подчинялось вновь созданному теперь органу. В этот же день по именованному Указу Сената ахун Каргалы Мухаммеджан Хусаин стал муфтием всех мусульман России⁵⁷. Однако сам принцип назначения муфтия, а также трех кадий при нем из числа казанского

⁵⁰ Алексеев И.Л. Институционализация ислама в имперском пространстве и эволюция системы управления мусульманским населением Центральной России // Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия / под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. Н. Новгород, 2006. С. 114–115.

⁵¹ Бендин А.Ю. Веротерпимость и проблемы национальной политики Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Русская православная церковь. URL: <http://www.church.by/resource/Dir0176/Dir0692/>.

⁵² Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 47.

⁵³ Васильев Д. В. История исламской политики в Российской империи // Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия / под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. Н. Новгород, 2006. С. 28.

⁵⁴ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание I. Т. XIX. С. 775–776.

⁵⁵ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание I. Т. XXI. С. 805.

⁵⁶ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXII. Собрание I. С. 1107–1108.

⁵⁷ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>

духовенства, был закреплен только в 1891 г. В результате такого устройства сочетались интересы как имперской власти, так и самих мусульман.

Следует подчеркнуть, что государство видело в создании Оренбургского магометанского духовного собрания возможность контролировать мусульманское духовенство. В этой связи не случайно, что в первую очередь правительство интересовала лояльность мусульманского духовенства к императорской России со всем особенностями государственной структуры и управления. В рамках проводимой политики в декабре 1789 г. на имя Екатерины II от генерал-губернатора Симбирской и Уфимской губерний О.А. Игельстрома поступает проект Положения о компетенциях Оренбургского магометанского духовного собрания. В Положении оговаривалось, как должны проходить выборы на должность муфтия, кто принимает в них участие, а также какими правами обладают муфтий и его помощник. Были определены количество ахунов и их должностные обязанности. Особое место в организации выборов на должности высшего мусульманского духовенства занимало губернское правление. Таким образом, таврический губернатор открывал выборное заседание, а вся процедура выборов проходила под надзором губернской администрации⁵⁸.

В действительности никаких выборов не проходило, муфтии назначались царем по представлению Министерства внутренних дел, а члены собрания – оренбургским генерал-губернатором⁵⁹. В данном Положении определялся весь механизм получения духовного звания, а также то, какую роль в этой процедуре должны были играть губернские власти. К 1800 г. контроль был установлен практически над всеми мусульманскими приходами в империи. Это подтверждают свидетельства на получение должности приходского духовенства, выданные 1921 человеку мусульманского вероисповедания, выдержавшему экзамен на получение данной должности⁶⁰.

С момента создания нового органа – Оренбургского магометанского духовного собрания – оно взяло на себя функции взаимодействия с государством. Ахуны становятся промежуточным звеном между приходским духовенством и Оренбургским магометанским духовным собранием. Однако из-за удаленности некоторых приходов полномочия ахунов возрастали. В связи с этим приходское духовенство стремилось занять эту должность, в результате чего с момента создания Оренбургского магометанского духовного собрания к середине XIX в. их количество резко возрастает.

На особенности политики Российской империи в отношении мусульман оказывали влияние и некоторые внешнеполитические события. Так, в 1774 г. по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору Россия признала духовный авторитет турецкого султана над мусульманами Таврической области. В 1783 г. происходят ликвидация Крымского ханства и включение Крыма и Кубани в состав Российского государства⁶¹. В связи с этими событиями 8 апреля 1783 г. выходит Манифест, по которому русское правительство гарантировало со своей стороны защиту религиозных прав мусульман вновь присоединенных территорий⁶². В рамках политики, проводимой по отношению к народам Таврической области, Указом 23 января 1794 г. было создано Таврическое магометанское духовное правление и назначен его глава⁶³. С созданием данного органа правительство определило жалование муфтию, его помощнику и пяти членам правления. Следует отметить, что организация данного органа носила скорее формальный характер, поскольку не был определен круг обязанностей и права нового органа, отсутствовало четкое разграничение действий государственного законодательства и норм мусульманского права⁶⁴.

⁵⁸ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 51.

⁵⁹ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб., 1998. С. 18.

⁶⁰ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>; Алексеев И.Л. Институционализация ислама в имперском пространстве и эволюция системы управления мусульманским населением Центральной России // Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия. Н. Новгород, 2006. С. 107; Приложение 2.

⁶¹ Алексеев И.Л. Институционализация ислама в имперском пространстве и эволюция системы управления мусульманским населением Центральной России // Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия. Н. Новгород, 2006. С. 105.

⁶² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание I. Т. XXI. С. 897–898.

⁶³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание I. Т. XXIII. С. 484.

⁶⁴ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 53.

Лишь 23 декабря 1831 г. Николаем I было принято Положение об устройстве Таврического магометанского духовного правления и утвержден его штат⁶⁵. Было установлено, что Таврическое магометанское духовное правление непосредственно подчиняется Таврическому губернскому правлению и Министерству внутренних дел. Под юрисдикцию Таврического магометанского духовного правления попадали мусульмане западных губерний России: Виленской, Волынской, Гродненской, Ковенской, Курляндской и Минской.

К числу «гражданских» служащих Таврического магометанского духовного правления были «причислены» чины его канцелярии: секретарь, два столоначальника, переводчик, архивариус, состоящие в имперских классных рангах чиновники, которые числились по МВД. Все они получали казенное жалованье, а также имели право на выслугу лет и пенсионное обеспечение. Кроме них при муфтияте состоял ряд «внеклассных» канцелярских и технических служащих и служителей⁶⁶.

К началу XIX в. за исламом окончательно закрепилось положение «терпимой» конфессии. В целом XIX в. стал периодом бюрократизации Российского государства и активной законотворческой деятельности. Подобного рода действия касались и отношения к религиозным конфессиям, права и обязанности которых в этот период четко регламентируются. В ходе разработки религиозного законодательства первой половины XIX в. реализовывался следующий принцип – продемонстрировать терпимое отношение власти к различным религиозным организациям. Причем новым было то, что правительство требовало такого же терпимого отношения конфессий друг к другу. Как следствие, было изменено правовое положение тех религиозных организаций, которые подвергались ограничениям либо преследованиям. Все правовые акты, относящиеся к ним, были долгосрочного действия. На реализацию многих из них требовалось не только время, но и государственное финансирование. Однако в условиях активной внешней политики ни того, ни другого не хватало. В результате большинство из принятых в данный период указов остались лишь на бумаге.

В первой половине XIX в. правительство всячески демонстрировало политику невмешательства в дела мусульман, а зачастую его поддержку и защиту. Примером может служить принятый в 1833 г. императором Николаем I Указ о том, что мусульмане должны исполнять и строго придерживаться догматов своей религии, а отступников следует наказывать телесно⁶⁷.

Важным событием в организации системы государственного регулирования ислама в этот период следует считать начало формирования с 1810 г. центрального правительственного органа контроля над «иноверцами» – Главного управления духовных дел иностранных исповеданий. До создания этого органа конфессиональными делами руководили различные структуры, что мешало проведению политики государственной власти в этой сфере. Кроме того, с 1810 г. Оренбургское магометанское духовное собрание переходит в подчинение Министерства внутренних дел. В 1826 г. была создана еще одна очень важная для правительства структура по контролю за благонадежностью мусульманского населения империи – III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии⁶⁸.

Нельзя не отметить также, что государство сосредоточило в своих руках всю судебную систему мусульманского общества страны. В связи с неприятными для мусульманского духовенства событиями, а именно с растратой муфтия М. Хусаинова, был принят Указ от 18 октября 1811 г., по которому устанавливалось, что муфтий подсуден только Правительствующему Сенату⁶⁹. В результате получалось, что светское законодательство находилось в руках государства, а религиозное право контролировалось государственным чиновником в лице муфтия. Особенностью структуры Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) было отсутствие механизма контроля над положением на местах. Таким

⁶⁵ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>.

⁶⁶ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>.

⁶⁷ Малашенко А. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. С. 29.

⁶⁸ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 76.

⁶⁹ Полный свод законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание I. Т. XXXI. С. 872.

образом, первая половина XIX в. упрочила позиции официального духовенства и буржуазии, ориентированной на сотрудничество с государством. Первый муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания М. Хусаинов (1788–1824 гг.) проводил политику, направленную на подчинение духовенства как ему лично, так и государству. После смерти М. Хусаинова со стороны государства наблюдается вмешательство во внутреннюю жизнь мусульманских общин. Следующий муфтий – Г. Габдрахимов, был назначен лично императором Александром I. При Г. Габдрахимове состав Оренбургского магометанского собрания окончательно оформился и просуществовал в таком виде до 1917 г. В тот период были возведены резиденция Оренбургского магометанского духовного собрания, здание вакуфного дома, а также Соборная мечеть при Оренбургском магометанском духовном собрании⁷⁰.

В рамках реформ Николая I по созданию бюрократического государства в 1836 г. был утвержден Устав Оренбургского магометанского духовного собрания. 21 сентября 1828 г. был принят сенатский Указ «О введении к употреблению метрических книг по Оренбургскому духовному магометанскому собранию»⁷¹, где подтверждалась компетенция Оренбургского магометанского духовного собрания по вопросам семейного права, включая фиксирование рождений и смертей, условий брака. Один экземпляр метрических книг оставался в мечети, а один посылался в ОМДС. Таким образом, светские власти получили возможность реально контролировать ситуацию на местах.

В 1817 г. под руководством главного управляющего Департамента духовных дел иностранных исповеданий А.Н. Голицина было образовано Министерство духовных дел и народного просвещения. Данное управление должно было усилить контроль в борьбе с вольнодумством.

Политика в отношении мусульман в период правления Николая I характеризуется рядом документов, регламентирующих жизнь мусульманских народов империи, причем как локального, так и общегосударственного характера. Зачастую продуманные законодательные акты сочетались с совершенно абсурдными. Следует подчеркнуть, что жизнь мусульман Российской империи полностью регламентировалась. Так, 31 мая 1829 г. был принят Указ о строительстве мечети, по которому допускалось строительство новых мечетей только с разрешения губернских властей. Кроме того, особо в Указе оговаривалось конкретное количество членов мусульманской общины, при которых возможно строительство мечетей. В 1844 г. был разработан типовой проект мечети, которым следовало руководствоваться при ее постройке⁷². Наряду с данными законами 11 мая 1832 г. был принят закон «О неотступлении от общих правил при погребении магометан», который запрещал хоронить умерших в день их смерти. Данный закон противоречил шариату, но муфтием Оренбургского магометанского духовного собрания он был поддержан, несмотря на то, что его не разделяли представители мусульманского духовенства, в том числе и муфтий Таврического магометанского духовного правления.

Следует подчеркнуть, что в правление Николая I были установлены ограничения для сотрудников Департамента духовных дел иностранных исповеданий. В результате для работы в данном органе допускались только чиновники православного вероисповедания. Лица инородческих исповеданий могли рассчитывать на должность в данном ведомстве только в исключительном случае. При этом они должны были доказать преданность российскому государю⁷³.

В 1872 г. возникли Суннитское и Шиитское духовные управления на Кавказе⁷⁴. На Северном Кавказе подготовка преобразований началась именно в годы николаевского царствования, а реализация затянулась почти на полвека. С помощью веры правительство пыталось воздействовать на нравы воинственных горцев и приобщить их к мирной жизни. Например, язычество официально не преследовалось, но в действительности усилия государства были направлены на крещение населения, которое

⁷⁰ Синенко С.Г. Мусульманское духовное собрание. Уфа, 2008. С. 90.

⁷¹ Полный свод законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание II. Т. III. С. 837–840.

⁷² Бакиева Г.Т. Российское государство и сибирские татары в XVII – начале XX в.: конфессиональный аспект // Известия Алтайского гос. ун-та. 2008. №4. С. 8; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание II. Т. IV. С. 378–380.

⁷³ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 75.

⁷⁴ Васильев Д. В. История исламской политики в Российской империи // Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия. Н. Новгород, 2006. С. 29.

отправляло традиционные языческие обряды. В 1814 г. по указанию Александра I в Тифлисе возобновила свою деятельность Осетинская духовная комиссия. От нее ждали активной миссионерской деятельности среди горских народов, которым, наряду с проповедью христианских идей, комиссия должна была внушать мысли о необходимости подчиняться законам Российской империи и выполнять требования кавказской администрации⁷⁵.

Утверждение российской власти в Закавказье в первой трети XIX в. и включение в состав Российской империи территорий со значительным мусульманским населением потребовали от правительства разработки мер по осуществлению государственного контроля над новыми мусульманскими подданными и их духовной элитой. В этой связи закономерно поднимался вопрос об определении точного количества представителей духовенства, а также их обязанностей⁷⁶.

Знаменитый Устав духовных дел иностранных вероисповеданий, определивший правовой статус иноверцев в империи, был разработан при Николае I, но издан уже после его смерти, в годы царствования Александра II (1857 г.). Власти пытались «дисциплинировать» жизнь мусульман в регионе, «встроить» мусульманскую духовную элиту в систему официальных институтов империи в центре и на местах⁷⁷.

Вопрос о положении кавказских народов в составе Российской империи вставал еще во времена правления Екатерины II. Именно при ней был принят именной Указ Правительствующего Сената от 5 мая 1785 г. об учреждении Кавказского наместничества, состоящего из двух областей – Кавказской и Астраханской⁷⁸. Первым документом, регулирующим жизнь мусульман на Кавказе, стал Указ от 30 июня 1805 г. «О правилах для магометанского духовенства Елисаветпольской округи». Целью принятия Указа было укрепление позиций императорского правительства на определенной территории. По данному указу мусульманам гарантировалось свободное отправление молитв под руководством назначенных российской администрацией восьми мулл. Последние зачислялись в штат с назначением жалованья и обязаны были проповедовать среди своей паствы верность российскому престолу. В случае, если кто из священнослужителей был замечен в неблагонадежности российскому правительству, то их следовало вместе с семьями ссылать в Сибирь. При утверждении Указа Александр I смягчил меры наказания для неблагонадежного духовенства, считая, что ссылать семьи слишком строго⁷⁹. Достаточно сложно и неоднозначно складывались отношения Российской империи с народами Кавказа. Именно Кавказская война, длившаяся около полувека (1817–1864 гг.), оказала негативное влияние на отношения между русскими и народами Северного Кавказа. Причем виновными были, как считают исследователи, обе стороны⁸⁰.

Нужно отметить, что период правления Александра I характеризуется стремлением к построению «евангельского государства». В связи с этим особое внимание в его царствование уделяется «Библейскому обществу». Во многом именно поэтому императора практически не интересуют дела мусульманского населения⁸¹. Несмотря на это, им также был принят ряд мер по встраиванию мусульманского компонента в государственную структуру российского общества. При Александре I была назначена комиссия во главе с сенатором И.В. Лопухиным для исследования дел в Крыму. В результате чего последним был подготовлен доклад императору по организации Таврического магометанского духовного правления. И.В. Лопухин считал, что необходимо закрепить за духовными лидерами наследственные корпоративные права, в Симферополе купить дом для размещения муфтията. Кроме того, оговарива-

⁷⁵ Кулиев Ф. М. Ислам в государственно-религиозной политике Российской империи на Северном Кавказе в первой половине XIX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. №3. С. 61.

⁷⁶ Ганич А.А. «Поучение» закавказского муфтия и председателя закавказского мусульманского духовного правления сунн // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: сб. ст. к 60-летию В.Х. Кажарова. 2009. С. 328.

⁷⁷ Пономаренко М.В. Ислам в Сибири в контексте общероссийских и региональных этноконфессиональных процессов // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX в.): сб. ст. / отв. ред. А.В. Бауло. Новосибирск, 2008. С. 328.

⁷⁸ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXII. Собрание I. С. 388.

⁷⁹ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 67; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание I. Т. XXVIII. С. 1099–1100.

⁸⁰ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995. С. 111.

⁸¹ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 56.

лись правила избрания муфтиев, особо указывалось на отсутствие необходимости увеличения числа духовенства. По мнению И.В. Лопухина, следовало осуществлять постоянный контроль за судебной практикой муфтията. Однако никаких практических последствий данный доклад не имел и остался лишь познавательным документом просвещенного населения России конца XVIII – начала XIX в.⁸²

Последним регионом с преобладающим мусульманским населением, вошедшим в состав России, был Туркестанский край, включавший в себя часть казахской степи и среднеазиатские ханства. Безусловно, политика Российской империи в отношении ислама во внутренней части страны значительно отличалась от окраин. Уже в XVIII в. наблюдается курс на модернизацию татарского общества, хотя еще были очень сильны традиционные представления. Активно начинает развиваться мусульманская торговля. К концу XVIII в. было отмечено, что татарские купцы притесняют русских торговцев в степных районах, а наряду с этим распространяют среди кочевого населения мусульманское вероучение. Государственные власти, в свою очередь, видели в мусульманских торговцах и знати своих политических агентов в казахской степи и Центральной Азии⁸³. Изначально правительство оказывало поддержку в мусульманизации кочевого населения. Таким образом, в течение 1782–1786 гг. вышло четыре указа, предписывающих скорейшее строительство мечетей в киргиз-кайсацких степях.

С начала 80-х гг. XVIII в. правительство делает ставку на ислам как на силу, способную содействовать укреплению его влияния на Востоке. В то же время было очевидно, что одними насильственными методами желаемого результата добиться было невозможно. Сознывая это, правительство придерживается политики «двойного стандарта». Ограничивая всяческими мерами влияние ислама в Среднем Поволжье и других «цивилизованных» районах империи (где, например, возведение тех же культовых сооружений у мусульман наталкивалось на противодействие и препятствие со стороны православного духовенства и официальных властей), оно одновременно содействовало его пропаганде в «азиатских областях», видя в нем действенное средство вовлечения коренного населения в российское подданство и держания его в повиновении⁸⁴.

На протяжении всего XIX в. разрабатывался ряд законодательных актов, основанных на европейском законодательстве с учетом мусульманского права, с целью включения Центрально-Азиатского региона в состав Российской империи⁸⁵. Правительство в отношении мусульманского населения Казахстана руководствовалось принятым в 1822 г. Уставом о сибирских киргизах. Данный Устав закреплял за казахами, принявшими православие, существенные льготы, такие как, например, освобождение от воинской повинности. В то же время судебные дела изымались из ведения Оренбургского магометанского духовного собрания и передавались в ведение местных мулл. Таким образом, корректировалась созданная еще в XVIII в. система государственного регулирования исламского института. С этого момента местное духовенство переходит в подчинение уездных начальников и военного губернатора⁸⁶.

Среди законодательных актов, посвященных мусульманам западных губерний, особое значение имел Указ Николая I от 25 июня 1840 г., по которому дворяне – «западные татары» сохраняли в порядке исключения право на своих крепостных-христиан и на тех крепостных-мусульман, которые с переходом в христианство рассчитывали на предусмотренное имперским законодательством освобождение

⁸² Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 62–63.

⁸³ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А. Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>; Валеев Р. М., Набиев Р. А. История ислама в России // Ислам и мусульмане в России: сб. ст. / под общ. ред. М. Ф. Муртазина, А. А. Нуруллаева. М., 1999. С. 110.

⁸⁴ Ногманов А. Екатерина II: «...повелеваем... наблюдать, дабы к исправлению духовных должностей магометанского закона употребляемы были люди в верности надежные и доброго поведения» // Эхо веков: научно-документальный журнал URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1998_1_2/05/05_1/&searched=1; Лысенко Ю. А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010. С. 27.

⁸⁵ Бекмаханова Н. Е., Нарбаев Н. Б. Ислам в Казахстане и российское законодательство XIX в. // Ислам, общество, культура / отв. ред. Н. А. Томилов, А. Г. Селезнев. Омск, 1994. С. 26–27.

⁸⁶ Курныкин О. Ю. Из истории религиозной политики России в Казахстане в первой половине XIX в. // Востокведные исследования на Алтае: сб. науч. ст. / под ред. В. А. Моисеева. Вып. V. Барнаул, 2006. С. 180; Лысенко Ю. А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010. С. 29; Она же. Очерки Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 2011. С. 24.

ние от «неволи». Самым большим по объему актом времен правления Николая I стал сенатский указ от 14 июля 1832 г. «О порядке производства и рассмотрения дел о наказании магометан за прелюбодеяния и о силе личных решений муфтия»⁸⁷. В этом законе оговаривалось ограничение мусульманского духовенства в вынесении телесных наказаний.

В 1848 г. правительство во главе с императором Николаем I издает «Изложение начал мусульманского законодательства». В этом документе были собраны все данные по мусульманскому закону. Однако при этом ему не было придано официального значения, так как это возвышало бы ислам в глазах населения Российской империи. Несмотря на это, под давлением властей Оренбургское магометанское духовное собрание приняло постановление, запрещавшее религиозным служителям применение тех положений шариата, которые противоречили законам Российского государства⁸⁸.

Наибольшей свободой в царствование Николая I обладала армяно-григорианская церковь. Однако данной свободой она обладала только на бумаге. На практике же в избрании двух кандидатов в католико-сы, один из которых утверждался царем, участвовали представители только российских армян. Остальная часть армян, проживающая за пределами Российской империи, не могла влиять на выборы⁸⁹.

Вхождение в состав России Центрально-Азиатского региона привносит с собой и ряд беспокойств. В первую очередь это касалось пришлого мусульманского духовенства и проповедников, получивших образование в мусульманских странах. В связи с этим с целью ограничения влияния этого духовенства на мусульман Российской империи 3 января 1848 г. император лично запрещает въезд в Россию лицам духовного мусульманского звания, получившим образование за пределами страны⁹⁰.

Необходимо подчеркнуть, что в первой четверти XIX в. законодательные акты по исламу в Российской империи носили скорее локальный характер. Единственным реальным достижением этого периода в централизованной политике следует считать создание Главного управления духовных дел разных (иностранных) исповеданий⁹¹. Данный государственный орган неоднократно менял свое название и подчиненность. С 1810 и по 1817 г. он функционировал как самостоятельное правительственное ведомство, в 1817 г. был переименован в Департамент духовных дел с подчинением Министерству духовных дел и народного просвещения. Затем в 1824 г. получает название Главного управления духовных дел иностранных исповеданий и до 1832 г. функционировал как самостоятельное ведомство. В 1832 г. это отделение было присоединено к Министерству внутренних дел в виде Департамента духовных дел иностранных исповеданий. В период с 1880 г. по 1881 г. он выделен в самостоятельное Главное управление духовных дел разных исповеданий. С 1881 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий входит в состав Министерства внутренних дел и просуществует в данной структуре до 1917 г.

Следует также отметить, что не последнюю роль в создании указанного органа, образованного для контроля за деятельностью религиозных общин на территории Российской империи, сыграл М.М. Сперанский, который долгое время был знаком с исламом исключительно по книжным источникам. Первое такое знакомство непосредственно с представителями данной конфессии состоялось у него только во время путешествия в Сибирь, когда он был сибирским генерал-губернатором (1819–1821 гг.). В этот период им были подготовлены такие документы, как Устав «Об управлении инородцев» и «Устав о сибирских киргизах», в которых подтверждался принцип веротерпимости по отношению к мусульманским народам⁹².

С принятием в 1822 г. Устава «Об управлении инородцев» религия перестает являться препятствием для социальной консолидации инородческого населения в состав Российского государства. Однако инородцы становятся отдельным сословием, отличным от российского крестьянства, что мешает их

⁸⁷ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1833. Собрание II. Т. VII. С. 498–505.

⁸⁸ Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д. В. Общественное движение мусульман-татар: итоги и перспективы: монография. Н. Новгород, 2005 URL: <http://www.idmedina.ru/books/encyclopedia/?1814>.

⁸⁹ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб., 1998. С.18.

⁹⁰ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1848. Собрание II. Т. XXIII. С. 2.

⁹¹ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 73.

⁹² Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 59.

унификации. В первую очередь инородцев обособляло от общегосударственного правопорядка законодательство⁹³. С введением Устава в государственную политику начинают внедряться представления о неравнозначности этносов и идеи окультуривания всех аборигенов. Устав закреплял за инородцами принадлежность к конкретному сословию со своими обязанностями и правами⁹⁴.

Необходимо подчеркнуть, что хотя царское правительство и способствовало миссионерской деятельности Русской православной церкви, но вместе с тем не стремилось к притеснению мусульман, проживавших в империи, терпимо относилось к их религиозным убеждениям. В целом политика правительства в отношении мусульман отличалась осмотрительностью и терпением. Более того, центральная власть демонстрировала свою заботу о поддержании «магометанской веры»⁹⁵.

В контексте рассматриваемой проблематики необходимо особо обратить внимание на монополию Русской православной церкви в государстве. В рамках такого привилегированного положения только Русской православной церкви разрешалась миссионерская деятельность. В отношении ислама запрет на пропаганду его вероучения был закреплен еще Соборным уложением 1649 г. и просуществовал до 1917 г. До середины XVIII в. за соращение в ислам полагалась смертная казнь. Уголовное уложение (1845 г.) смягчило наказание и предполагало лишение всех прав и состояний, ссылку на каторжные работы на срок от 8 до 10 лет. В случае же применения насилия при обращении в ислам срок для обвиняемого увеличивался до 12–15 лет. К тому же данное преступление не имело срока давности. Запрещалось также офицерам-мусульманам иметь денщиков православного исповедания и служить в учебных полках, чтобы они не могли влиять на солдат, привлекая их в мусульманскую веру⁹⁶.

Поощрение в принятие православия доходило до того, что 6 апреля 1849 г. было предписано Сенату и другим судебным органам ходатайствовать о смягчении наказания преступникам, решившим принять крещение⁹⁷. На протяжении всего XIX в. наблюдался процесс неравного положения ко всем «терпимым» конфессиям. Особенно хорошо это прослеживалось в сфере семейно-брачных отношений. В первой половине XIX в. получили право на существование браки мусульман с лютеранами и православными. Однако мусульмане в таком союзе всегда имели подчиненное положение. В случае, если муж был мусульманин, а одна из жен принимала православие, то он был обязан развестись со всеми женами и дать подписку о воспитании детей в православной вере⁹⁸.

Таким образом, политика государства в отношении мусульманских народов во второй половине XVIII в. переходит на новый виток развития. Правительство видело в исламе консолидирующий фактор кочевого казахского общества, а также систему, способствующую успешной интеграции народов приграничных районов империи в российский социум. Государство стремилось всячески демонстрировать толерантность и терпимость к иноверческому компоненту. Ислам в определенной мере виделся как фактор, способствующий оседлости кочевого населения степи, а также направление его в русло цивилизованного развития. В связи с этим на данном этапе переход традиционных народов региона в православие не рассматривался как крайняя необходимость по включению инородческого компонента в состав Российской империи. Обращение в православие должно было стать второй ступенью в данном процессе, характеризовавшемся размыванием национального компонента и растворением его в государственной системе. При этом данный процесс во многом происходил скрытым образом.

Политика русификации, которая применялась на всей территории империи, не была однородной.

⁹³ Конец А.Ю., Бакиева Г.Т., Ключева В.П. Социально-правовые аспекты конфессиональной политики Российского государства в Западной Сибири XVII–XIX вв. // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. 2005. Вып. 6 URL: <http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DN/2-kon.htm>.

⁹⁴ Шерстова Л.И. Инородческая политика государства и этнические процессы в Южной Сибири в первой половине XIX в. // Историческая наука на рубеже веков : материалы Всерос. конф. / отв. ред. А.Т. Топчий. Томск, 2001. С. 116.

⁹⁵ Кулиев Ф. М. Ислам в государственно-религиозной политике Российской империи на Северном Кавказе в первой половине XIX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. №3. С. 62.

⁹⁶ Ногуманов А. Государственно-исламские отношения в Волго-Уральском регионе в XIX в. (политико-правовой аспект) // Ислам и государство: сб. науч. ст. / отв. ред. А. Малашенко. Уфа, 2007. С. 94–95.

⁹⁷ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1850. Собрание II. Т. XXIV. С. 195–197.

⁹⁸ Ногуманов А. Государственно-исламские отношения в Волго-Уральском регионе в XIX в. (политико-правовой аспект) // Ислам и государство : сб. науч. ст. / отв. ред. А. Малашенко. Уфа, 2007. С. 99.

Она имела различные формы, которые использовались в зависимости от контекста их применения и вытекали из многих факторов. В случаях, когда фактор, препятствующий русификации, оказывался довольно сильным, оптимальным вариантом для достижения желаемого, хотя бы на короткий период, считалось сохранение или искусственное создание специфической национальной идентичности, нужной для последующей реализации некоторых проектов по ассимиляции и культурному консолидированию. Неоднородным было отношение и ко всем, даже «терпимым», конфессиям. В данном случае в первую очередь учитывались интересы именно христианских конфессий. В 1820 г. была составлена молитва за царя для мусульман, что никак не соотносилось с мусульманским вероучением. Однако именно она должна была, по мнению власти, способствовать консолидации мусульманского компонента в структуру Российского государства. В целом, политика правительства в отношении ислама со второй половины XVIII и до середины XIX в. видела своей целью создание стройной системы, подконтрольной российскому правительству.

1.2. Положение мусульманских народов во второй половине XIX – начале XX в.

Во второй половине XIX в. в состав Российской империи окончательно были включены территории Кавказа, Средней Азии и Казахстана с традиционно мусульманским населением. В связи с этим сложилась сложная ситуация во взаимоотношениях государства с инородческим населением. Пристальное внимание к мусульманам в Российской империи было связано с тем, что к концу XIX в. их общины занимали второе место по численности после православных⁹⁹. Период конца XIX – начала XX в. считался «либеральным веком», однако в отношении мусульман с данным утверждением трудно согласиться. Безусловно, в XIX в. государство шагнуло на новый виток отношений с мусульманским населением империи. Об этом наглядно свидетельствует и проведенный А.К. Тихоновым анализ отчетов генерал-губернаторов, в которых наблюдается общая тенденция, направленная на отказ от чрезмерного вмешательства в духовную жизнь российских мусульман. Представители государственного аппарата выступали в них против вмешательства правительства в выборы мулл и принятие у них экзаменов. К тому же они видели необходимость в разграничении в порядке подсудности мулл. Духовные лица, являясь гражданами Российской империи, по мнению чиновников, могли привлекаться к гражданским судам, если совершали преступления против государства. За нарушение своих духовных обязанностей они могли привлекаться к ответственности духовными органами. Однако наряду с этим мусульманское духовенство должно было быть ограничено в гражданских судебных делах. В соответствии с такой установкой государства следовало изъять ведение метрических книг из обязанностей мусульманского духовенства.

В этот период начинает наблюдаться и зарождающаяся тенденция к максимальной раздробленности духовного управления мусульманскими народами. В рамках проведения такой политики новороссийский и бессарабский генерал-губернаторы просили вместо Таврического магометанского духовного правления создать особое духовное управление при губернском правлении. В целом, в рассматриваемый период в обществе начинают зарождаться идеи об упразднении Оренбургского магометанского духовного собрания как подразделения Министерства внутренних дел¹⁰⁰.

Тенденция на преобразование Оренбургского магометанского духовного собрания тесным образом связана со смертью муфтия Г. Сулейманова в 1862 г. и вновь возникшей проблемой выборов нового руководителя российской уммы. С этого момента особое внимание уделяется татарской буржуазии, которая наиболее активно выражала общественное мнение. Проект выборов, предложенный этой новой общественной силой в 1863 г., был поддержан и исполняющим должность оренбургского гражданского губернатора Г.С. Аксаковым. По данному проекту предлагалось избрать делегатов съезда для

⁹⁹ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 3.

¹⁰⁰ Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2008. С. 174; Шершнева Е.А. Позиция государственной власти в отношении мусульманского духовенства Западной Сибири во второй половине XIX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2012. №4(76). С. 222–224.

выборов муфтия от имамов и муэдзинов, потомственных дворян, купцов 1-й гильдии, а также потомственных почетных граждан и выпускников вузов и средних учебных заведений. Данный съезд должен был избрать трех кандидатов на должность муфтия. Эту идею поддержали казанский и самарский губернаторы. По проекту профессора Санкт-Петербургского университета А. Казем-Бека, занимающего также должность эксперта Департамента духовных дел по вопросам ислама, состоявшийся в Уфе съезд должен был избрать трех кандидатов в муфтии, но окончательный выбор по-прежнему должен был остаться за Министерством внутренних дел¹⁰¹.

Особое место среди реформ 60–70-х гг. XIX в. занимают процессы реформирования духовной сферы российского общества. В результате таких преобразований в определенной мере смягчается отношение к старообрядцам, которым теперь разрешалось писать иконы для собственного использования. Староверам также разрешалось отправлять богослужения и выезжать за границу. Кроме того, им было позволено заниматься просвещением. Однако все эти разрешения не касались изуверских старообрядческих толков, таких как скопцы и т.п. По Указу императора разработка церковных реформ была возложена на Министерство внутренних дел и Святейший Синод. В 1861 г. министр внутренних дел П.А. Валуев представил императору секретный доклад «О преобразовании быта духовенства», а через месяц – более детальный план, суть которого сводилась к тому, чтобы покончить с кастовостью и изолированностью российского православного духовенства, повысить его материальный и нравственный уровень, а также «сблизить» его с остальными сословиями. В марте 1863 г. программа мер, предложенных П.А. Валуевым, была утверждена¹⁰².

Наряду с реформированием структуры Русской православной церкви, министром внутренних дел были выдвинуты предложения и по изменению духовного управления мусульманскими народами Российской империи. Так, в 1863 г. П.А. Валуев выступил за передачу ахунам права разбирать спорные дела в сфере семейного права. В ответ на данное предложение министра Оренбургское магометанское духовное собрание предложило стройный проект создания 65 округов, возглавляемых ахунами. Они приобретали контрольные функции в сферах семейного права, надзора за приходскими имамами, мектабе и медресе. В свою очередь ахуны должны были представлять ежегодный отчет правлению Оренбургского магометанского духовного собрания¹⁰³.

Начавшиеся попытки преобразования Оренбургского магометанского духовного собрания со смертью Г. Сулейманова привели к тому, что в 1866 г. в Комитете министров был поставлен вопрос о преобразовании мусульманских духовных учреждений. Вопросы по преобразованию Оренбургского магометанского духовного собрания выдвигались как представителями губернских властей, так и самим мусульманским духовенством. В частности, оренбургским генерал-губернатором Н.А. Крыжановским был разработан проект по изменению структуры Оренбургского магометанского духовного собрания. Согласно данному проекту, как считал генерал-губернатор, во-первых, необходимо введение государственного чиновника в состав Оренбургского магометанского духовного собрания, который контролировал бы все делопроизводство данного органа, а также участвовал в создании всех постановлений указанной государственной структуры. Во-вторых, муллы должны были сдавать экзамен на знание русского языка и вести метрические книги на нем. Наконец, в-третьих, предполагалось уменьшить количество мечетей и духовных лиц, приведя их в соответствие с законом. Следует подчеркнуть, что Н.А. Крыжановский, достаточно критически относился к политике веротерпимости, провозглашенной еще Екатериной II. Он видел необходимой мерой для укрепления положения российского правительства среди мусульманских народов империи подрыв авторитета духовенства в среде своих прихожан. По его мнению, это было возможно осуществить с помощью введения жалованья

¹⁰¹ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>.

¹⁰² Кулиев Ф. М. Основные изменения в конфессиональном законодательстве Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2011. №1. URL: <http://teoria-praktica.ru>.

¹⁰³ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>.

священнослужителям. При этом средства на жалование следовало изыскать с помощью обложения дополнительным налогом ту часть населения, которая исповедовала ислам¹⁰⁴.

Важно обратить внимание на то, что не осталось в стороне от реформ и само мусульманское духовенство. В 1867 г. муфтий С.Г. Тевкелев представил проект «О правах магометан по вероисповеданию». В своем проекте он предлагал превратить мусульманскую общину в самодостаточную¹⁰⁵. Муфтий С.Г. Тевкелев в проекте преобразования Соборного собрания предлагал, во-первых, увеличить число ахунов как контролирующего органа, во-вторых, снизить требования к постройке мечети. По проекту муфтия, уже на 20 семей следовало иметь молитвенный дом. Если проживало более 20 мусульманских семей, то предлагалось сооружать пятивременную мечеть, а в случае более 100 семей – соборную. Необходимо, по его мнению, было также отказаться от избрания заседателей только из казанских татар. Ратовал муфтий и за создание при каждой мечети медресе. Впоследствии все предложенные проекты были учтены при составлении «Уставов духовных дел иностранных исповеданий» (1896 г.)¹⁰⁶.

Важно подчеркнуть, что относительно строительства мечетей в государстве действовали нормы, принятые еще при Петре I и оформленные в «Строительном уставе» (1900 г.). В этом документе также оговаривалось то, что «...виновный в построении мечети без разрешения или в ненадлежащем месте подвергается наказанию»¹⁰⁷.

В 1867 г. округ Оренбургского магометанского духовного собрания был сокращен, из сферы его ведения были изъяты казахи. Духовному собранию по указанию министра внутренних дел было запрещено поддерживать контакты с мусульманами казахских степей и Туркестана. Казахи, как и мусульмане Туркестана, вообще были лишены института духовных собраний. Ситуация усугублялась тем, что 1860-х гг. начинается новый подъем антиисламской пропаганды. Ключевую роль здесь сыграли представители Казанской духовной академии¹⁰⁸. Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции Азиатского региона в состав Российской империи. В то же время это был и важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга¹⁰⁹.

Наряду с выбранным курсом либеральных реформ, 60–70-е гг. XIX в. стали периодом формирования «русификаторской» политики Российской империи. В связи с этим в указанный период наблюдалось проявление недовольства со стороны представителей различных национальностей и конфессий. Не стали исключением и мусульманские народы¹¹⁰.

В 1878 г. мусульманское духовенство приобретает правовой статус, благодаря которому оно не подлежит телесным наказаниям. Лица духовного звания должны были платить подати и налоги в соответствии с тем, к какому сословию они принадлежали, но при этом общины могли их освободить от таких обязанностей¹¹¹. В 1888 г. издается указ об образовательном цензе для мусульманского духовенства, где одним из основных требований было знание русского языка¹¹².

¹⁰⁴ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 117; Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб., 1998. С. 21–22.

¹⁰⁵ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>.

¹⁰⁶ Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2008. С. 175.

¹⁰⁷ Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. XII. С. 228.

¹⁰⁸ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>

¹⁰⁹ Дамешек Л.М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в.: сб. науч. тр. / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2005. С. 260.

¹¹⁰ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 114; Теплоухова М.В. Этнонациональная политика в Российской империи XIX – начала XX в. // Ойкумена. 2011. №2. С. 141; Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Основные направления конфессиональной политики Российской империи в отношении мусульман Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Трансформация социальных связей в Европе и России: Средние века, Новое и Новейшее время, современность: материалы Междунар. науч. конф. Кемерово, 2012.

¹¹¹ Алексеев И.Л. Институционализация ислама в имперском пространстве и эволюция системы управления мусульманским населением Центральной России // Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия. Н. Новгород, 2006. С. 116.

¹¹² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1890. Собрание III. Т. VIII. С. 444.

В 1889–1890 гг. в Государственном совете по инициативе Министерства внутренних дел рассматривался вопрос об отмене выборности членов Оренбургского магометанского духовного собрания. Объяснялось данное предложение тем, что могли быть выбраны неблагонадежные, с точки зрения правительства, лица. Данная инициатива была поддержана, и с этого момента членов Оренбургского правления стало назначать Министерство внутренних дел по согласованию с муфтием. При этом законодательно оговаривается и назначение самого муфтия¹¹³. Выборность духовных лидеров, как в Оренбургском, так и Таврическом и Закавказском муфтиятах, строилась на одном принципе – преданности правительству и ограждения от непосредственного влияния иностранных мусульманских государств. Таким образом, даже малейшие моменты демократических проявлений в деятельности Оренбургского магометанского духовного собрания были фактически прекращены.

После завершения в 1864 г. Кавказской войны российская администрация занялась устройством духовной жизни мусульман Кавказского региона. Ярким политическим деятелем по регламентации жизни мусульманского населения в этом регионе стал великий князь Михаил Николаевич, который в 1862–1881 гг. являлся наместником Кавказа и главнокомандующим Кавказской армией¹¹⁴.

Особое внимание, а также и определенную структуру управления в этот период получают мусульмане Закавказского региона и приграничной Сибирской линии. Правительство при регулировании отношений на этих территориях стремилось к разобщению мусульманских народов империи. Уже в 60-е гг. XIX в. начинает усиливаться влияние христианства на Кавказе, создаются школы, строятся церкви, на горские языки переводятся православные книги. Меняется отношение и к казахскому духовенству. Связано это было во многом с активизирующейся деятельностью мусульманских миссионеров, имевшей антиправительственную направленность¹¹⁵.

Необходимо отметить, что после долгих споров и предложений по отношению к мусульманскому духовенству Закавказского региона 5 апреля 1872 г. Александр II утвердил Положение о создании Шитского и Суннитского правлений Закавказского мусульманского духовенства¹¹⁶. По данному положению из государственной казны ежегодно выделялись суммы на содержание штата, а мусульманские духовные лица Закавказья приравнивались к «простым обывателям», лишались всех прав и привилегий.

Сложная ситуация к концу XIX в. сложилась в Таврическом муфтияте. В 1885 г. в результате проверки были отмечены злоупотребления руководством Таврического магометанского духовного правления вакуфным имуществом, в связи с чем муфтий и все чиновники были привлечены к уголовной ответственности. В свете сложившихся событий 5 апреля 1891 г. были приняты Правила о заведении вакуфными имуществами Тавриды. По данному документу все финансы были теперь подконтрольны Департаменту духовных дел иностранных исповеданий¹¹⁷.

В 1896 г. издаются Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Данный документ зафиксировал юридическое положение существующих на территории России конфессий¹¹⁸. В этом Уставе за Русской православной церковью закреплялось приоритетное положение и давалось исключительное право на ведение миссионерской деятельности. Наряду с православной церковью разрешалось ведение

¹¹³ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 157–158; Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А. Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>.

¹¹⁴ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 128.

¹¹⁵ Бекмаханова Н.Е., Нарбаев Н.Б. Ислам в Казахстане и российское законодательство XIX в. // Ислам, общество, культура / отв. ред. Н.А. Томилов, А.Г. Селезнев. Омск, 1994. С. 28.

¹¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1875. Собрание II. Т. XLVII. С. 379–397; Кулиев Ф. М. Основные изменения в конфессиональном законодательстве Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2011. №1. URL: <http://teoria-praktica.ru>.

¹¹⁷ Ислам в законодательстве России: сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений правительства России / под общ. ред. А.Б. Юнусовой. Уфа, 1998. С. 55–60.

¹¹⁸ Терюкова Е.А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начало XX в.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. №4. С. 205; Кулиев Ф. М. Основные изменения в конфессиональном законодательстве Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2011. №1. URL: <http://teoria-praktica.ru>.

миссионерской деятельности инославным конфессиям (лютеранство, католичество), но только среди мусульманского населения страны, на территории Кавказа и пограничных с Россией областях. Мусульманам, несмотря на «терпимое» к ним отношение со стороны государства, ведение подобной деятельности категорически воспрещалось¹¹⁹.

Важно подчеркнуть, что формально российское законодательство не имело правовых ограничений по национальному признаку. Однако на уровне подзаконных актов ограничительные меры накладывались на татар-мусульман. Правовые ограничения исходили из конфессионального признака и степени владения русским языком¹²⁰. Дворяне мусульманского исповедания имели право быть избраны на должность, если они умели читать и писать на русском языке. Согласно Своду законов о состояниях (1899 г.) свое право на претендуемую ими должность они должны доказать при губернском предводителе дворянства¹²¹. Кроме того, была законодательно закреплена и норма наличия нехристиан в составе органов государственного присутствия, где мусульмане не должны были превышать одной трети¹²². Учитывалось вероисповедание и при занятии высоких постов в государственной структуре. При этом лишь немногие иноверцы, доказавшие свою преданность Российскому престолу, могли получить должность в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий¹²³. Указом 1888 г. было введено ограничение для мусульман на занятие должностей в образовательной сфере¹²⁴. Спустя несколько лет, 3 февраля 1895 г., был издан новый Указ, по которому мусульманское вероисповедание препятствовало становиться акционерами различных обществ и компаний¹²⁵.

В 70-е гг. XIX в., накануне Русско-турецкой войны, усилилась пропаганда религиозного фанатизма со стороны исламских государств. Подобная пропаганда особенно отразилась в массовом переходе крещеного татарского населения в ислам. Именно во второй половине XIX в. в Министерство внутренних дел поступает огромное количество прошений о разрешении вернуться в веру отцов. Данное явление принимает угрожающие масштабы. Только за 1866 г. в Казанской губернии из православия в мусульманство перешло около четырех тысяч человек¹²⁶. Правительство видело причины такой активности мусульман в возросшем незаконном строительстве мечетей, а наряду с этим в повышении грамотности среди мусульманского населения. Необходимо также подчеркнуть, что татарские муллы начинали вести активную проповедническую деятельность среди крещеного населения, аргументируя свои действия готовящимся Указом о свободе вероисповедания.

Сфера образования в XIX в. становится еще одним объектом разногласий между правительством и прогрессивными слоями мусульманского общества. Государство активно стремилось к ликвидации национального образования с помощью внедрения так называемых русско-инородческих школ. Идея создания такого рода учебных заведений была разработана миссионером Н.И. Ильминским. Основная цель этих школ заключалась во внедрении русского языка для дальнейшей русификации инородческого населения. В рамках проведения такой политики в 1874 г. был принят Закон, по которому все «башкирские, киргизские и татарские школы разных наименований» передавались в ведение Министерства народного просвещения¹²⁷.

На решениях правящих кругов по «мусульманскому вопросу» сказались изменения в общественно-политических настроениях мусульманских народов. Еще в 1880–1890-е гг. началось движение за реформирование конфессиональной школы с переходом на более современные методы преподавания. При этом предполагалось заменить арабский язык на татарский, а также включить в программу светские учебные

¹¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1862. Собрание II. Т. XXXV. С. 782; Батуркин А. Вероисповедная политика Российской империи во второй половине XIX в. // Власть. 2009. №2. С. 76.

¹²⁰ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб., 1998. С. 15.

¹²¹ Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 9. С. 24–25.

¹²² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1876. Собрание II. Т. XLVIII, ч. 2. С. 527–528.

¹²³ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д. Ю. Арапов. М., 2001. С. 24.

¹²⁴ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1890. Собрание III. Т. VIII. С. 615.

¹²⁵ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1899. Собрание III. Т. XV. С. 67.

¹²⁶ Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2008. С. 180.

¹²⁷ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1876. Собрание II. Т. XLIX, ч. 2. С. 382–383; Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 100–101.

предметы. Предусматривалось также превращение конфессиональной школы, находившейся вне контроля государства, в общеобразовательную. Осознание мусульманами своей языковой и конфессиональной общности (пантюркизм и панисламизм) сочеталось с ростом интереса к русскому языку, вызванным увеличением торгово-промышленных связей с российским Центром и отбыванием воинской повинности. Движение сторонников пробуждения национального самосознания мусульманских народов через новометодные школы джадистов встречало сопротивление консервативного духовенства, приверженного чисто конфессиональной традиционной школе, на которое и делало ставку правительство.

Следует особо подчеркнуть, что предшествующий период, начавшийся со времен Екатерины II и продолжавшийся до второй половины XIX в., предоставлял некоторую свободу мусульманскому населению империи, однако привел к распространению идей панисламизма. Остановить данный процесс, по мнению Н.А. Крыжановского, можно было только путем введения русского языка в оборот мусульманского духовенства. Он считал необходимым, чтобы экзамен на знание русского языка сдавали все представители мусульманского духовенства, а также метрические книги вели на русском языке. Все эти требования он выразил в проекте реформирования Духовного собрания. Еще одно ограничение, которое способствовало бы снижению общения с мусульманским сообществом за пределами Российской империи, виделось в ограничении паломничества в Мекку¹²⁸.

Действительно, вопрос паломничества стоял на особом контроле у российских властей. В Уставе о паспортах 1903 г. оговаривались правила и условия, позволяющие отпускать мусульман в паломничество. Во-первых, отправляясь в паломничество, мусульмане получали паспорта особого образца, которые устанавливало Министерство внутренних дел. Во-вторых, возвращаться можно было только через обозначенные порты, проходить специальную врачебно-санитарную очистку, отметка о которой заносилась в паспорт. Более того, губернатор обязан был назначить врачебное наблюдение за теми, кто возвратился из паломничества. Аналогичные требования касались и иностранных подданных мусульманского вероисповедания, следующих через Россию. Уклонявшегося от требований паломника привлекали к уголовной ответственности и всем санитарным мерам по распоряжению местной полиции¹²⁹.

Территории Кавказа и Туркестанского края в конце XIX – начале XX в. контролировало Военное министерство, так как главным вопросом в отношении мусульман в этот период становятся их контакты с заграничными мусульманами. Немало внимания «мусульманскому вопросу» уделяло и Министерство иностранных дел. Связано это было с эмиграцией российских мусульман в Турцию и Иран, а также с совершением паломнических поездок¹³⁰.

Еще одним поводом для волнения в мусульманской среде стало введение в 1874 г. воинской повинности. Мусульмане испытывали ряд неудобств при несении воинской службы. Одной из наиболее существенных проблем, стоящих перед мусульманами в Российской армии, было отсутствие духовных лиц мусульманского вероисповедания. В связи с указанным нововведением Азиатским департаментом Министерства иностранных дел была составлена особая форма военной присяги с учетом Корана и мусульманского права.

В 1864 г. началось решительное наступление на Среднюю Азию. В начале 1865 г. была образована Туркестанская область в составе Оренбургского генерал-губернаторства¹³¹. Российские власти разделяли мусульман, населяющих империю, по степени их «фанатизма». Наиболее проблемными считались среднеазиатские территории и Среднее Поволжье. С момента присоединения Средней Азии к Российской империи отношение к мусульманам складывалось своеобразно. 11 июля 1867 г. был опубликован закон об организации Туркестанского генерал-губернаторства с центром в Ташкенте. Однако, по мнению генерал-губернатора К.П. Кауфмана, население данной территории не было способно к восприя-

¹²⁸ Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2008. С. 184; Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. С. 30.

¹²⁹ Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. XIV. С. 56.

¹³⁰ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 148.

¹³¹ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>.

тию интересов Русского государства¹³². К.П. Кауфман начинает проводить в крае реформы местного управления, суда, организации землепользования и налогообложения. При этом главной целью правительства было невмешательство во внутреннюю жизнь казахского населения. Одновременно с этим российская администрация ставит под контроль традиционную систему управления этого региона.

Кроме того, правительство стремилось к распространению в киргизской степи светского образования. Следует отметить, что государство проводило достаточно гибкую политику в отношении народов Средней Азии, всячески поощряя совместное обучение русских и «туземных» детей. Штабы военных округов оказывали материальную помощь местному мусульманскому духовенству и выражали уважение к религиозным чувствам аборигенного населения¹³³. Ч.Ч. Валиханов, анализируя ситуацию в казахской степи, писал о том, что казахское население не имело тесных связей с мусульманской культурой, что оно самобытно и «неомусульманено». Он критиковал политику правительства, направленную на тесное сотрудничество с татарским мусульманским духовенством, которое стремилось к распространению ислама в степи¹³⁴. Аналогичного мнения придерживался и Н.А. Крыжановский, считая, что в степных районах исламский фанатизм во второй половине XIX в. был еще слабо развит. Чтобы предотвратить его развитие, необходимо ограничить влияние татарских и башкирских мулл на местное население. Такой преградой могло стать и создание русско-киргизских школ, а также изучение не Корана, а лишь некоторых мусульманских молитв¹³⁵.

Нельзя не заметить, что политика России в рассматриваемый период в степи была противоречивой. С одной стороны, сохранялась начатая еще в первой половине XIX в. поддержка ислама в регионе. С другой стороны, особое внимание стали уделять распространению православия.

Следует подчеркнуть, что в целях ассимиляции инородческого населения Среднеазиатского региона поддерживалось и русское переселенческое движение. Особую ставку государство делало на православие, которое не навязывалось местному населению. При этом за данной конфессией сохранялось право на свободную проповедническую деятельность¹³⁶. Переселение поволжско-приуральских татар в Сибирь и Среднеазиатскую степь, как отмечал Ф.Т. Валеев, относится только к концу XIX – началу XX в. Причем они достаточно быстро ассимилировались среди аборигенного населения, а цель их пребывания в этих регионах заключалась в ведении торговли. В другом случае они попадали в данный регион в качестве ссыльных¹³⁷.

Особо нужно указать на то, что для степных областей во второй половине XIX в. выходят три Положения по управлению духовными делами мусульман: 7 декабря 1883 г., 25 марта 1891 г. и 10 февраля 1895 г.¹³⁸ Из данных документов следовало, что заведование духовными делами передавалось муллам, выбранным из местных инородцев. При этом утверждать и отстранять их от этой должности могли только губернаторы. Число мулл было строго ограничено – по одному на волость. Подобного рода священнослужители не были наделены административной властью, им не вводилось в обязанность ведение метрических книг. С целью ограничения влияния ислама в степных областях муллы также не осуществляли разбирательств в семейных спорах по законам шариата.

Особую опасность властей вызывало то, что Туркестанский муфтият может стать центром панисламистской и пантюркистской пропаганды. Все попытки создать государственное управление туркестанскими мусульманами остались безуспешными. Несмотря на то, что Военное министерство всячески стремилось к тому, чтобы данные народы подчинялись Министерству внутренних дел, процессов по саморегуляции было не избежать¹³⁹.

¹³² Щербина А.В. Влияние интеграционных и модернизационных процессов на Российскую империю (вторая половина XIX — начало XX столетия) // Логос. 2004. №5. С. 203.

¹³³ Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 120–121.

¹³⁴ Валиханов Ч.Ч. О мусульманах в степи // Собрание сочинений: в 4 т. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 71–72.

¹³⁵ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 118.

¹³⁶ Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последнее четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2008. С. 235–236.

¹³⁷ Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск, 1981. С. 152.

¹³⁸ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>

¹³⁹ Васильев Д. В. История исламской политики в Российской империи // Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия. Н. Новгород, 2006. С. 32.

Особое место в системе административно-территориального устройства азиатской части России занимали пограничные области, в которых не только существовала упрощенная система управления при традиционных институтах самоуправления и суда, но и длительное время сохранялся явный приоритет военной власти над гражданской, а внешние границы имели аморфные очертания и обладали большой подвижностью¹⁴⁰.

В 1900 г. в проекте «Временных правил об управлении духовными делами мусульман Туркестанского края» министр финансов С.Ю. Витте упоминал о том, что не следует осуществлять какую-либо проповедническую деятельность в Степном регионе. Он подчеркивал, что нужно ограничить доступ к кочевникам подданных мусульманских стран¹⁴¹.

Роль мусульман в экономической жизни городов Российской империи была значительной. Как правило, они жили отдельными слободами на окраине городов и опирались на экономический потенциал своих собратьев из ближайших деревень. Именно эти мусульмане вели активную торговую деятельность с Азиатским регионом¹⁴². Начиная со второй половины XIX в. постепенно меняется отношение к татарским купцам в Среднеазиатском регионе. Если в начале века они являлись посредниками между Российским государством и аборигенным населением, то с 60-х гг. XIX в. правительство принимает меры по вытеснению татар из степи. В рамках такой политики татарам запрещается приобретать землю и недвижимое имущество в Среднеазиатской степи¹⁴³.

В последней трети XIX в. Россия действовала в Средней Азии как колониальная европейская держава, которая видела в мусульманах людей второго сорта. Культурная дистанция считалась настолько огромной, что к ним долгое время не применялись меры по русификации и христианизации. По мнению А. Каппелера, политика правительства Российской империи по отношению к мусульманским народам оставалась амбивалентной вплоть до революции¹⁴⁴.

В 1880 г. было ликвидировано III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, и его функции возложены на Департамент полиции Министерства внутренних дел. Особенно активно деятельность данного органа по «мусульманскому вопросу» была развернута в начале XX в.¹⁴⁵

Во второй половине XIX в. встает вопрос о снижении роли православного духовенства на окраинах Российской империи, в первую очередь Кавказа, Средней Азии и Сибири. В связи с этим политика правительства по укреплению роли православия среди инородческого населения приобретает в этот период геополитический характер. Заметно усиливается давление Русской православной церкви на инородческое население империи. Русские чиновники видели в православии орудие в борьбе с исламом, считая, что только русское просвещение сможет подчинить себе мусульманскую культуру и образование¹⁴⁶.

Для Российской империи Русская православная церковь унифицировалась с системой государственного управления. Однако, по мнению М.А. Батунского, подобного рода взаимоотношения ставят под угрозу государственную идеологию, «согласно которой все функционирующие в России вероисповедания надо выстроить в подчиненную государству иерархическую систему»¹⁴⁷.

Важно подчеркнуть, что в 1880–1905 гг. Святейший Синод возглавлял обер-прокурор К.П. Победоносцев. При нем Русская православная церковь стала главным идеологическим орудием «охра-

¹⁴⁰ Добрынин Н.М. Государственное управление: теория и практика. Современная версия новейшей истории государства : учебник. Новосибирск, 2010. Т. 2. С. 79.

¹⁴¹ Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2008. С. 238.

¹⁴² Ивонин А.Р. Этноконфессиональная ситуация в городах Западной Сибири в дореформенный период // Избранные труды Александра Романовича Ивонина по истории Сибири / сост. Е.М. Гостюшева, С.Г. Щеглов. Барнаул, 2011. С. 112; Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск, 1981. С. 119.

¹⁴³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1888. Собрание III. Т. VI С. 318–346; Ремнев А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. №4. С. 7.

¹⁴⁴ Каппелер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 2003. №2. С. 132.

¹⁴⁵ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 148.

¹⁴⁶ Дегальцева Е.А. Религиозные общества дореволюционной Западной Сибири // Религия и право. 2004. №1. URL: <http://www.rlinfo.ru/gip/2004/2004%20-%201/12%20-%20degaltseva.html>.

¹⁴⁷ Батунский М.А. Православие, ислам и проблемы модернизации в России на рубеже XIX–XX вв. // ОНС. 1996. №2. С. 82.

нительной» политики государства. При этом началось наступление на попытки введения веротерпимости, осуществляющиеся во времена реформ 60–70-х гг. XIX в. В 1885 г. был восстановлен в полной силе закон об обязательном воспитании детей от смешанных браков в православии. Кроме того, было подтверждено, что принадлежность к православию определялась не фактическим исповеданием этой веры, а выписками из православных метрических книг. Началось возрождение церковно-приходских школ и внедрение религиозных основ в общее образование¹⁴⁸.

Противоречивость религиозной политики царского правительства во время обер-прокурорства К.П. Победоносцева при императоре Александре III заключалась в том, что оно, с одной стороны, стремилось активизировать деятельность Русской православной церкви. С другой стороны, имперская власть направляла устремления на усиление опеки и контроля за этой деятельностью, практически лишая Русскую православную церковь самостоятельности. Это в конечном итоге приводило к кризисному состоянию конфессии, в каком она оказалась на рубеже веков. В свое время Н.В. Никольский справедливо отмечал упадническое состояние православной духовности по сравнению с исламом и неспособность противостояния этому упадку. Н.В. Никольский подчеркивал нехватку православных школ, духовенства. Бедность православного населения также препятствовала распространению христианского вероучения. Таким образом, крещенные инородцы зачастую поддавались татаро-мусульманской ассимиляции¹⁴⁹. Именно в это время само православное духовенство и различные общественные круги Российской империи с особой остротой и настоятельностью поставили вопрос о необходимости коренных изменений во взаимоотношениях Церкви и государства, в частности, освобождение Церкви от опеки со стороны светской власти, а также предоставления ей реальной самостоятельности¹⁵⁰.

В XIX в. русские представляли собой структуру открытого этноса, а национальное самосознание оставалось размытым и имело зачастую религиозную окраску. Не случайно Л.И. Шерстова отмечала, что у русских «отсутствуют объективные основания для ксенофобий, что облегчает межкультурный диалог и способствует толерантности в межэтнических отношениях»¹⁵¹.

Во второй половине XIX в. началась целенаправленная поддержка правительством миссионерской деятельности церкви, выразившаяся в создании постоянно действующей сети миссионерских станций на национальных окраинах империи. В этот период государство предписывало миссионерам пропагандировать православие исключительно мирными средствами убеждения. 4 декабря 1861 г. были утверждены Правила о порядке совершения над иноверцами-нехристианами священного крещения. Эти правила, в частности, предусматривали:

1. «Над малолетними евреями, магометанами и язычниками, не достигшими 14 лет, таинство святого крещения совершается только с письменного согласия родителей или опекунов.
2. Над иноверцами, достигшими четырнадцатилетнего возраста, крещение может быть совершено и без согласия родителей.
3. Не достигшие совершеннолетия (21 год) иноверцы до совершения обряда святого крещения наставляются во всех существенных основаниях веры в течение шести месяцев, для наставления же иноверцев совершеннолетних оставляется в своей силе древний сорокадневный срок.
4. Опасно больные иноверцы всякого возраста по их желанию могут быть крещены без промедления.
5. Обряд таинства святого крещения должен проходить в церкви и всегда в присутствии благонадежных свидетелей или ближайшего местного начальства. Перед началом крещения священнослужители

¹⁴⁸ Потапова Н. В. Вероисповедная политика Российской империи и религиозная жизнь Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Сахалина). Южно-Сахалинск, 2009. С. 53; Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 10. С. 10.

¹⁴⁹ Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама / под ред. Н.В. Никольского. Казань, 1912. С. 315.

¹⁵⁰ Кулиев Ф. М. Основные изменения в конфессиональном законодательстве Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2011. №1. URL: <http://teoria-praktica.ru>.

¹⁵¹ Шерстова Л.И. Русские и аборигены Сибири в XVII – начале XX в. : этногенетические истоки толерантности // Межэтнический и межконфессиональный диалог в российском обществе: проблемы толерантности : материалы межрегион. научно-практ. конф. / под общ. ред. Л.И. Шерстовой. Томск, 2003. С. 89.

ли и начальство должны тщательно удостовериться в том, что иноверец принимает святое крещение добровольно и с разумением»¹⁵².

Были внесены изменения и в судебную систему Российского государства. Указом от 24 марта 1866 г. была отменена введенная в первой половине XIX в. обязанность ходатайствовать о смягчении наказания принявшим православие подсудимым мусульманского вероисповедания¹⁵³. В 1864 г. были также отменены выплаты новокрещенным военным служащим¹⁵⁴. Однако появились новые льготы для принявших крещение инородцев, которые касались выбора места жительства и рода занятий. К тому же в 60-е гг. XIX в. окончательно сложилась и юридически закрепились процедура причисления к православной церкви новокрещенных¹⁵⁵. В XIX в. появляется новая прослойка интеллигенции, которая стала ответом на усилившуюся миссионерскую деятельность и на российско-европейскую модернизацию¹⁵⁶.

Буржуазные реформы в России, начавшиеся в 1860-е гг., а затем национальная политика эпохи правления Александра III поставили перед татарской элитой задачу создания общности нового типа, т.е. нации по европейским образцам. На решение данной задачи огромное влияние оказал тот факт, что на протяжении конца XVIII–XIX вв. в состав России вошло большинство тюркских народов¹⁵⁷.

Конец XIX в. ознаменовался ведением активной «охранительной» политики со стороны государства и ростом прогрессивных взглядов на исламскую культуру в самой мусульманской среде. Примером здесь может служить появление джадизма. К началу XX в. это движение приняло политический характер и потребовало создания политической организации. В результате чего в 1905–1906 гг. в процессе трех мусульманских съездов оформилась партия «Союз мусульман». Основой программы данной партии стала борьба за национальную свободу и самоопределение¹⁵⁸. Особое внимание инородцы уделили выборам в Государственную Думу как реальному шансу, способствующему борьбе за свои права. С системой выборов инородческое население было знакомо давно, еще со времен введения Устава «Об управлении инородцев», по которому ими выбирались все должностные лица. Мусульманская фракция была уникальна тем, что она была объединена по религиозному принципу¹⁵⁹. В 1905 г. делегатом на II съезд мусульман (1906 г.) от Томской губернии был выбран Хамза Хамитов. В мае 1906 г. в «Сибирской газете» был напечатан призыв к мусульманам Томска голосовать за список кандидатов «Союза 17 октября». Данный призыв свидетельствует о праволиберальной настроенности прогрессивной мусульманской общественности в рамках политических преобразований в стране. В 1909 г. в Томске зарегистрировали общество мусульман-прогрессивистов, получившее известность как самое деятельное движение не только в Сибири, но и в России¹⁶⁰.

В 1915 г. государством было принято решение о закрытии общества мусульман-прогрессивистов. Причиной его закрытия стала усилившаяся борьба государства с национальными организациями.

¹⁵² Потапова Н.В. Вероисповедная политика Российской империи и религиозная жизнь Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Сахалина). Южно-Сахалинск, 2009. С. 74–75.

¹⁵³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1868. Собрание II. Т. XLI. С. 316.

¹⁵⁴ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1867. Собрание II. Т. XXXIX, ч. 1. С. 261–262.

¹⁵⁵ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1863. Собрание II. Т. XXXVI, ч. 2. С. 591–592.

¹⁵⁶ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 174; Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д. В. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. Н. Новгород, 2005. URL: <http://www.idmedina.ru/books/regions/?3866>.

¹⁵⁷ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>.

¹⁵⁸ Нам И.В. Культурно-автономическое движение мусульман России в начале XX в. // Ислам в культурном ландшафте России: история и современность. Томск, 2002. С. 58; Мухамметдинов Р.Ф. Нация и революция (Трансформация национальной идеи в татарском обществе первой трети XX в.). Казань, 2000. С. 5; Теплоухова М.В. Этнонациональная политика в Российской империи XIX – начала XX в. // Ойкумена. 2011. №2. С. 143; Васильев Д. В. История исламской политики в Российской империи // Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия. Н. Новгород, 2006. С. 33; Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917 – 1922 гг.). Томск, 2009. С. 77.

¹⁵⁹ Шерстова Л.И. Тюркоязычное население Томской губернии и выборы в Государственную Думу (1905–1907 гг.) // По страницам истории и судьбы: К 70-летию профессора Ю.В. Куперта: сб. науч. ст. и материалы / под ред. Т.В. Галкиной, О.А. Харусь. Томск, 2001. С. 145–146; Усманова Д. М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917). Казань, 1999. С. 4–5; Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. The Influence of State-Confessional Policy on the Situation of Muslim Organizations in Western Siberia in 1905 – the beginning of 1917 years // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43. Is. 1. P. 238–247.

¹⁶⁰ Маркова М.Ф. Культурно-просветительская и общественная деятельность мусульман г. Томска в начале XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 305. С. 75–78; Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009. С. 78.

Членов данного общества обвинили в причастности к панисламистским идеям. Однако запрет на его регистрацию со стороны государства не способствовал полному исчезновению этого движения. Представители мусульманской интеллигенции оказывали помощь населению, вели активную просветительскую работу. По просьбе джадидистов был открыт комитет помощи больным и раненым воинам¹⁶¹. В 1916 г. мусульманское общество прогрессивистов возродилось с новым названием – Мусульманское благотворительное общество, продолжив свою работу по просвещению мусульманского населения Томской губернии¹⁶².

К самодержавной власти мусульмане были достаточно лояльны. Единственным их радикальным требованием было обретение национально-культурной автономии. Политика жандармских властей в отношении возникающих мусульманских движений в начале XX в. также была достаточно лояльной. Главное внимание уделялось предотвращению создания подпольных организаций с идеями создания мусульманского государства на территории России и пресечение симпатии к внешним врагам со стороны мусульманского населения¹⁶³. Духовенство зачастую поддерживало возникающие общества мусульман. Так, в Томске созданное в 1909 г. общество мусульман-прогрессивистов находилось под опекой местного духовенства¹⁶⁴.

Революция 1905 г. придала мощный импульс развитию освободительных движений в Российской империи. Под давлением революционных сил правительство было вынуждено отказаться от репрессивной ассимиляторской политики и вновь вернуться к прежнему курсу гибкого прагматизма. Начало XX в. внесло свои коррективы в жизнь мусульманских народов Российской империи. 17 апреля 1905 г. появляется Указ «Об укреплении начал веротерпимости»¹⁶⁵. В конце этого же года начинается работа над новой редакцией Законов Российской империи, однако в полной редакции эти законы так и не были выпущены. Новое законодательство должно было расширить права в свободе совести и вероисповедания. Несмотря на то, что подданные Российского государства имели право исповедовать любую религию, в статьях при этом ничего не говорилось о свободе выбора вероисповедания¹⁶⁶.

Важно отметить, что Манифест 17 октября 1905 г. легализует свободу обсуждения насущных вопросов в обществе. Не являлся исключением в этом отношении и «мусульманский вопрос»¹⁶⁷. По данному манифесту разрешалось существование различных мусульманских общественных организаций и собраний (мусульманские съезды, мусульманская фракция в Государственной Думе). В этот период казахи поднимают вопрос о собственном муфтии, на что Департамент полиции отмечает важность позиции данного населения в положении Российской империи на Востоке. Одновременно с этим отмечается, что существенное влияние на мусульман всей страны оказывают именно волжские татары¹⁶⁸.

Состоявшийся в 1906 г. в Нижнем Новгороде съезд мусульман выдвинул план культурно-конфессиональной автономии. Согласно плану во главе мусульман страны ставился духовный лидер мусульманского населения с правом личного доклада царю. Во главе существовавших мусульманских духовных управлений и вновь создаваемого (для Туркестана и Семиречья) должны выбираться на пять лет шейх-уль-исламы и советы (меджлисы) из духовных и светских лиц. Мусульмане Семиречья добавляли к этому требование допустить в Государственную Думу представителей от всех пяти основных

¹⁶¹ Маркова М.Ф. Культурно-просветительская и общественная деятельность мусульман г. Томска в начале XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 305. С. 78.

¹⁶² Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917 – 1922 гг.). Томск, 2009. С. 79.

¹⁶³ Греков Н.В. К вопросу о взаимоотношениях политической полиции и мусульманского движения на территории Западной Сибири в начале XX в. // Ислам, общество, культура / отв. ред. Н.А. Томилов, А.Г. Селезнев. Омск, 1994. С. 53; Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. Н. Новгород, 2005. URL: <http://www.idmedina.ru/books/regions/?3866>.

¹⁶⁴ Томилов Н.А. Сибирские татары: опыт проживания в диаспоре // Народы Сибири: права и возможности / отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск, 1997. С. 36; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 174.

¹⁶⁵ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1908. Т. XXV. Собрание III. С. 257–262; Теплоухова М.В. Этнонациональная политика в Российской империи XIX – начала XX в. // Ойкумена. 2011. №2. С. 143.

¹⁶⁶ Одинцов М.И., Пинкевич В.К., Редькина О.Ю. Государственно-церковные отношения в политической истории России // Государственно-церковные отношения в России: курс лекций / под ред. Ф. Г. Овсиенко, Н.А. Трофимчук. М., 1995. С. 47; Верт П. Православие, инославию, иновере: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 47.

¹⁶⁷ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1908. Собрание III. Т. XXV. С. 754–755.

¹⁶⁸ Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 131; Старостин А.Н. Ислам в Свердловской области. М., 2007. С. 35.

народов области, а кавказские – создать в Тифлисе выборное представительство кавказских мусульманских народов пропорционально их численности¹⁶⁹.

Весной 1906 г. заседало Особое совещание по делам веры под председательством генерала А.П. Игнатьева, на котором исламский вопрос являлся важным, но лишь одним из рассмотренных вопросов. Совещание довольно активно работало и собрало весьма большое количество предложений. Между тем, по свидетельству чиновников Министерства внутренних дел, к ним перед началом заседания Особого совещания 1906 г. и в ходе его работы поступило лишь от мусульман до 500 заявлений о «пересмотре порядка их духовного быта». Это подтверждало необходимость пересмотра мусульманского законодательства¹⁷⁰.

Мусульманский съезд, состоявшийся в Санкт-Петербурге 15–25 июня 1914 г., обсудил вопросы реформирования духовного управления мусульман и народных судов. Кроме того, было решено просить о восстановлении избирательных прав мусульман азиатской части России. Было выдвинуто требование о прекращении преследования духовных лиц, прибывших из-за границы. Делегаты считали необходимым признания за мусульманами права следования законам шариата. Проведенный съезд свидетельствовал об активности мусульманского населения Российской империи, однако влияния на государственную власть он оказать так и не смог¹⁷¹.

Другой формой протеста против государственной власти и поставленного ею духовенства стало возникшее во второй половине XIX в. движение под руководством Багауддина Ваисова. В своей проповеди он обвинял духовенство в отходе от истинного ислама. Данное движение сыграло свою роль в процессе миграции мусульманских народов в традиционные мусульманские центры за пределами Российской империи¹⁷². Некоторые исследователи видят возникновение данного движения как реакцию на усилившееся социальное напряжение, сопровождавшееся процессами модернизации, религиозной политики государства в отношении инородцев, бюрократизацией официальной исламской структуры и отчуждением ее от рядовых верующих¹⁷³.

В 1910 г. при Главном управлении Генерального штаба была образована комиссия по пересмотру «Устава о воинской повинности». В апреле 1913 г. Совет министров заслушал доклад этой комиссии и пришел к выводу, что привлечение инородцев Кавказа, Степного края, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности возможно и желательно¹⁷⁴.

Уместно также отметить, что П.А. Столыпин выделил разработку «мусульманского вопроса» в качестве одного из важнейших направлений во внутренней и внешней политике империи. В связи с этим в 1911 г. министром внутренних дел были представлены в Совет министров две служебные записки, в которых он анализировал роль ислама в жизни России. Поскольку сам министр никогда специально не занимался изучением ислама, то в них больше было выражено его политическое видение темы, но не точные данные по состоянию мусульманских народов империи. Можно согласиться с мнением Д.Ю. Арапова, который считал, что ведущую роль в подготовке двух этих текстов сыграл А.Н. Харузин – один из ближайших в то время сотрудников П.А. Столыпина, в 1908–1911 гг. директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий. А.Н. Харузин разделял взгляды П.А. Столыпина в негативной оценке влияния «мусульманского фактора» на жизнь народов империи. По поручению премьера он готовил и возглавлял Особое совещание 1910 г. В одной из этих записок, датированной

¹⁶⁹ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. №11–12. С. 43; Алов А.А., Владимиров Н.Г. Ислам в России. М., 1996. С. 52.

¹⁷⁰ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>.

¹⁷¹ Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 135; Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917). Казань, 1999. С. 114.

¹⁷² Валеев Р.М., Набиев Р.А. История ислама в России // Ислам и мусульмане в России: сб. ст. / под общ. ред. М.Ф. Муртазина, А.А. Нуруллаева. М., 1999. С. 112–113; Набиев Р.А. Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань, 2002. С. 48.

¹⁷³ Усманова Д. М. Мусульманское «сектанство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман». 1862–1916 гг. Казань, 2009. С. 516.

¹⁷⁴ Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, М.М. Дамешек, В.П. Зиновьев и др. М., 2007. С. 223.

11 января 1911 г., – «О мерах для противодействия панисламскому и пантюркскому влиянию среди мусульманского населения империи», рассматривается влияние турецких «агитаторов» из «русских татар» на мусульманские народы империи. По мнению А.Н. Харузина, это движение в последние годы приняло угрожающий характер¹⁷⁵. Сама идея тюркизма в те годы трактовалась как создание единой тюркской супернации. При этом виделось два пути создания этой нации: объединение в локальную нацию с ядром в Поволжье либо с другими тюркскими народами под флагом тюркизма¹⁷⁶.

Характеризуя круг мер, намеченных Особым совещанием 1910 г. для предотвращения подобной «угрозы», премьер-министр подчеркивал их острую «политическую насущность» и надеялся, что проведение их в жизнь сможет в значительной степени предотвратить разрушительные «успехи панисламистской и пантюркистской пропаганды, чрезвычайно опасной не только для интересов русской культуры, но и для целостности государства»¹⁷⁷. П.А. Столыпин видел в Оренбургском магометанском духовном собрании своего рода «мусульманский Рим», а задачей российского правительства считал децентрализацию духовных управлений в империи.

После убийства в 1911 г. П.А. Столыпина министром стал его соратник А.А. Макаров. Позиции этих двух государственных деятелей по «мусульманскому вопросу» и твердое убеждение в необходимости «сдерживать» ислам практически совпадали¹⁷⁸.

Таким образом, интеграционные и модернизационные процессы во второй половине XIX в. способствовали развитию инородческих окраин и проживавшего в них населения. Во многом именно националистическая политика, выразившаяся в административной русификации и принудительной аккультурации инородцев, сама явилась мощным фактором, не только не препятствующим росту национализма и сепаратизма окраин, но и, наоборот, способствовала их формированию и развитию¹⁷⁹. Не случайно в начале XX в. Н.В. Никольский отмечал, что мусульманские народы всеми силами и при помощи различных средств стремились к мусульманизации более слабых народов. И особую роль в этом процессе играли именно татары. К какой бы нации ни принадлежал мусульманин, он будет поддерживать своего единоверца и нравственно, и материально. Состоятельные мусульмане не жалели никаких средств на поддержание своей религии, строили библиотеки, богадельни, организовывали поездки в мусульманские страны. Мусульманские съезды способствовали обмену мнениями мусульманского населения, а также позволили наметить дальнейший путь развития мусульманской уммы¹⁸⁰.

Нормы религиозного законодательства, действовавшие в Российской империи в конце XIX – начале XX в., имели ряд ограничений, касавшихся таких важных принципов вероисповедной свободы, как свобода миссионерской деятельности, свобода избрания веры и образования новых религиозных групп среди признанных законом вероисповеданий, а также зависимость личных прав подданных от вероисповедания. В законодательном аспекте веротерпимость, по сути, выражала государственную концепцию свободы совести и веры, согласованную с интересами Церкви и государства. При этом православие занимало главенствующее положение, а государство, используя церковную структуру в своих целях, создавало ему более благоприятные условия. Наблюдалась некоторая лояльность и к официальной структуре мусульманского духовенства, но это никак не касалось рядовых общинников. Именно в связи с этим во второй половине XIX в. встает вопрос о реформировании мусульманской организации как публичного института¹⁸¹.

¹⁷⁵ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>; Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004.

¹⁷⁶ Мухамметдинов Р.Ф. Нация и революция (Трансформация национальной идеи в татарском обществе первой трети XX в.). Казань, 2000. С. 18; Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2008. С. 243.

¹⁷⁷ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>.

¹⁷⁸ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>.

¹⁷⁹ Щербина А.В. Влияние интеграционных и модернизационных процессов на Российскую империю (вторая половина XIX — начало XX столетия) // Логос. 2004. №5. С. 212–213.

¹⁸⁰ Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама / под ред. Н.В. Никольского. Казань, 1912. С. 313.

¹⁸¹ Ислам в законодательстве России: сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений правительства России / под общ. ред. А.Б. Юнусовой. Уфа, 1998. С. 4–5.

Глава 2

Организация духовной жизни мусульманских приходов Западной Сибири в правовом пространстве Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

2.1. Система формирования мусульманских приходов и назначение при них духовенства

С того момента, как российское государство начало активное присоединение земель, где проживало население, традиционно исповедующее ислам, встал вопрос о положении мусульманского духовенства в структуре православной страны. Политика государства в отношении инородческого населения периодически изменялась, переходя от стадии религиозного преследования и насильственного крещения к политике веротерпимости, основанной на идее единого и неделимого государства. Однако на всех этапах основной государственной политики оставалась идея создания национального государства, что ставило перед собой задачу приобщения, а затем и полного слияния инородцев с русским населением. Единственное, что, по мнению российского правительства, могло помочь в осуществлении таких планов, – это активное взаимодействие с духовными лицами. Правительство отводило важную роль духовенству в силу того, что оно исконно руководило образовательной сферой мусульман, а также всей жизнью прихода. Таким образом, мусульманские священнослужители стали не только пристальным объектом наблюдения властей, но и орудием в руках царской администрации в борьбе за привлечение мусульманского населения¹⁸².

Первым действием, которое на долгие годы обозначило точки соприкосновения правительства и мусульманского духовенства, поставив последнее в подчиненное положение, стало создание Указом Екатерины II в 1788 г. Оренбургского магометанского духовного собрания. Целью данного органа было вытеснение из религиозной практики духовенства, не имеющего официальной санкции, т.е. проповедников, прибывающих из мусульманских стран на территорию Российской империи¹⁸³. Предполагалось, что духовное управление мусульман будет контролировать духовенство в интересах правительства¹⁸⁴. Следует подчеркнуть, что деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания целиком была подчинена государственным интересам. Оно было ограничено в судопроизводстве и имело право только представлять свое мнение о свойстве и степени вины подсудимых, опираясь на мусульманские законы. В то же время определять наказание или приговаривать к нему могли лишь гражданские суды¹⁸⁵. В обязанность данного учреждения входило рассмотрение дел о заключении и расторжении брака, неповиновении детей родителям, нарушении супружеской верности и споры по завещаниям. На протяжении XIX – начала XX в. решение этих дел непосредственно находилось в ведении приходского духовенства¹⁸⁶.

Основной задачей Оренбургского магометанского духовного собрания был контроль за мечетным духовенством и проведение в жизнь различных постановлений правительственных структур. Приход-

¹⁸² Воробьева Е.И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Исторический ежегодник. 1997. URL: <http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles>; Алексеев А.К. К вопросу о посреднической роли исламского духовенства в Центральной Азии // Тюркологический сборник / ред. кол. С.Г. Кляшторный, Т.Г. Султанов, В.В. Трепавлов. М., 2011. С. 19.

¹⁸³ Шаблей П.С. Оренбургское магометанское духовное собрание в Казахстане (1788–1868 гг.) // Вопросы истории. 2008. №5. С. 146.

¹⁸⁴ Мухаметшин Р.М. Ислам в татарской общественной мысли начала XX в. Казань, 2000. С. 26.

¹⁸⁵ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д. Ю. Арапов. М., 2001. С. 94.

¹⁸⁶ Бакиева Г.Т. Брак у тоболо-иртышских татар в конце XVIII – начале XX в. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. №1. С. 84.

ское духовенство в свою очередь должно было отправлять в Оренбургское магометанское духовное собрание в качестве отчета о своей деятельности метрические книги. По утверждению Сената от 21 мая 1849 г., «Оренбургское магометанское собрание есть непосредственное начальственное место над муллами; ему принадлежит право следить за действиями их, до духовных обязанностей относящими... но приводить решения сии в исполнение не иначе, как через посредство Губернских Правлений, от коих зависит утверждение мулл к приходским должностям»¹⁸⁷.

Оренбургское магометанское духовное собрание само четко осознавало свои полномочия и не стремилось к расширению должностных обязанностей. Об этом можно судить из документа, направленного в Томское губернское правление: «Духовное собрание над магометанским духовенством начальствует только в духовно-религиозном отношении; определение духовных лиц и увольнение от должностей, равно как и выдача соответствующих документов определяемых на службу и увольнение от нее духовных лиц – от Духовного собрания не зависит»¹⁸⁸. Правительство не скупилось на личные награды и льготы членам семей магометанского духовенства. В результате такой политики государства население видело в высшем мусульманском духовенстве прежде всего царских чиновников¹⁸⁹. Такое отношение к ним было неслучайно, так как многие указные муллы, получившие официальное свидетельство от Оренбургского магометанского духовного собрания, были штатными чиновниками МВД, а муфтий назначался высочайшим указанием по представлению министра МВД¹⁹⁰.

Важно подчеркнуть, что Оренбургское магометанское духовное собрание не относилось к четко структурированной организации, поскольку между аппаратом учреждения и приходами существовал большой разрыв. Приходское духовенство жило достаточно самостоятельно. Правительство в свою очередь не стремилось к реформированию сложившейся системы для создания промежуточного управленческого звена¹⁹¹.

В 1810 г. наряду со Святейшим Синодом было учреждено Главное управление духовных дел разных (иностранных) исповеданий. Впоследствии оно было преобразовано в Департамент духовных дел иностранных исповеданий, вошедший в состав Министерства внутренних дел. В ведение данного органа входило осуществление функции надзора за мусульманами Российской империи. С момента окончательного оформления органов духовного управления мусульман порядок назначения мусульманского духовенства на большей части Российской империи был в определенной мере регламентирован уже на основе светского законодательства¹⁹².

Таким образом, с начала XIX в. Оренбургское магометанское духовное собрание находилось под юрисдикцией Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Российской империи. Структура Оренбургского магометанского духовного собрания входила в систему административного управления Российской империи. В ст. 1421 Устава Духовных дел иностранных исповеданий четко обозначено: «Оренбургское магометанское духовное собрание составляют председательствующий муфтий и три члена, а канцелярию его – секретарь, столоначальники, переводчик, журналист и канцелярские служители на основании штатов»¹⁹³.

Необходимо отметить, что духовные лица пользовались авторитетом и уважением среди односельчан. В связи с этим они принимали участие во всех делах общины¹⁹⁴. Мусульманское духовенство

¹⁸⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб., 1850. Т. 24, ч. 1. С. 284.

¹⁸⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 521. Л. 43.

¹⁸⁹ Фархштганов М.Н. Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь. М., 2006. С. 288.

¹⁹⁰ Алексеев И.Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX – начале XX в. (к вопросу о взаимоотношении цивилизационных логик российской истории) // Религиоведение. 2002. №2. С. 37.

¹⁹¹ Азаматов Д. Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX в. Уфа, 2000. С. 8.

¹⁹² Алексеев И.Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX – начале XX в. (к вопросу о взаимоотношении цивилизационных логик российской истории) // Религиоведение. 2002. №2. С. 35.

¹⁹³ Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 11, ч. 1. С. 135.

¹⁹⁴ Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). Тюмень, 2003. С. 148–150.

выполняло важную роль не только в религиозной жизни общины, но и являлось органом светского самоуправления. Исходя из этого мусульманское духовенство оценивалось властью как важный объект для взаимодействия. Немаловажную роль в религиозной жизни общины играли сельские сходы. Именно на таких сходах решались вопросы строительства и ремонта мечети, избрания священнослужителя, назначение расходов на содержание мечети и духовенства при ней. Главы семейств при выборе духовенства либо постройки мечети расписывались в обязательстве, которое подтверждало состоятельность общины на содержание духовенства и культового здания. Нередко в общественных приговорах указывались имена меценатов. По требованию администрации они также прикладывали письмо-обязательство¹⁹⁵. Строительство мечетей в мусульманской среде считалось делом особенно богоугодным, поэтому в нем старалась принять участие вся община. Подтверждения этому факту мы видим в начале строительства каменной мечети в Томске в 1901 г. Обоснование в строительстве каменного культового здания было обозначено численностью прихода, который в 1917 г. насчитывал уже 1500 человек¹⁹⁶.

Регулирование жизни мусульман российскими властями было в большей степени ориентировано на сельскую общину. Согласно действующему законодательству, непременным условием регистрации махали было наличие мечети, что давало возможность обзавестись духовным лицом¹⁹⁷. Однако данное требование было крайне затруднительным для мусульманских общин Российской империи. Мусульманские духовные учреждения были крупными собственниками, владея вакуфами (недвижимая собственность или капиталы, отданные или завещанные мусульманами в пользу мечетей и религиозных учебных заведений). Нельзя не отметить, что в дореволюционный период мусульманские общины обладали определенной долей финансовой самостоятельности. Подобного рода свободу давало наличие вакфа в мусульманской общине. До конца XVIII в. система пожертвований в России носила хаотичный характер. Я.Я. Коблов отмечал, что муллы в качестве своего содержания получали пожертвования от общинников либо вознаграждения за требоисполнение при отсутствии богатых меценатов¹⁹⁸. При наличии состоятельных членов общины, которые могли взять на себя содержание мечети и духовенства при ней, простые общинники освобождались от подобного рода содержания.

Необходимо обратить внимание на то, что строительство мечетей во второй половине XIX – начале XX в. полностью осуществлялось за счет общины по принципу благотворительных пожертвований. В некоторых случаях сбор необходимой суммы для строительства, осуществлялся с помощью сдачи земельных наделов в наём¹⁹⁹. Мечети также имели свои вакфы (недвижимое и движимое имущество, полученное от мусульман в качестве пожертвования и дарения), которые шли на нужды мусульманской общины. Кроме того, в Российской империи законодательство по регулированию государственно-конфессиональных отношений распространялось и на вакуфные владения, которые, согласно мусульманской традиции, могла контролировать только община.

В некоторых случаях, когда община не имела достаточных средств на строительство культового здания или на постройку учебного заведения, она обращалась с просьбой к своим единоверцам из соседних губерний с целью оказания им поддержки. Например, в 1865 г. уполномоченный на сбор пожертвований от Оренбургского магометанского духовного собрания обратился к муфтию с предложением напечатать просьбу о содействии в постройке ярмарочной мечети в центральных

¹⁹⁵ Загидуллин И.К. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность: материалы Всерос. семинара. Казань, 2006. С. 53.

¹⁹⁶ Маркова М.Ф. Татары-мусульмане г. Томска в конце XIX – начале XX в. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Томск, 2009. С. 151–158; Приложение 5.

¹⁹⁷ Загидуллин И.К. Особенности организации религиозно-обрядовой жизни рабочих татар-мусульман в Европейской части России и Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Мир ислама. 2008. №1. URL: <http://www.paxislamica.ru/arkhiv/17-12008#> (дата обращения: 12.01.2015).

¹⁹⁸ Мухаметзянов А.А. Экономическое положение мусульманской общины в России (вторая половина XIX — начало XX в.) // Известия Уральского гос. ун-та. 2007. №49. С. 133, 135.

¹⁹⁹ Загидуллин И.К. Особенности структурирования мусульманского молитвенного дома в общеимперское правовое пространство // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.) : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2006. С. 37; Он же. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007. С. 133–220.

изданиях и губернских газетах Тобольской, Томской, Казанской, Оренбургской и других губерний, где компактно проживали мусульмане²⁰⁰.

Мечети занимали особое место в жизни общины, поскольку именно вокруг них строилась вся жизнь мусульманского общества. По традициям исламской культуры в каждом населенном пункте должна была быть мечеть²⁰¹. Российское законодательство определяло её главным символом устройства традиционной махали, разрешая проводить все молитвенные собрания только при утвержденных сооружениях. К тому же правовые отношения с мусульманской общиной во второй половине XIX – начале XX в. устанавливались на основании правового признания мечети. Согласно своему значению, отраженному в правовом поле, мечеть имела в жизни мусульман несколько аспектов: духовно-нравственный, общественно-политический, эстетический, социальный и образовательный²⁰². Таким образом, она становилась не просто культовым зданием, а центром единения всей общины, в которой была сосредоточена её как культурная, так и политическая жизнь. В поликонфессиональном пространстве Российской империи мечеть выполняла еще задачу объединения мусульманских общин и сохранение их религиозного единства. Получение разрешения на строительство мечети расценивалось как официальное признание общины и ее регистрация²⁰³. Именно с этого момента мусульманская община могла заявить о себе как о полноправном члене российского общества, вступающем в правовые отношения с государством. С 1744 г. мусульмане получили реальное право на легальное содержание мечетей²⁰⁴. Однако для того, чтобы построить мечеть и содержать при ней священнослужителя, необходимо было соблюдение норм строительства (одна мечеть на 200 душ мужского пола), а также желание прихожан содержать мечеть и духовенство при ней, выраженное в общественном приговоре. Процесс получения разрешения на строительство мечети был продолжительным и длился до года, а иногда и больше²⁰⁵. В 1844 г. был утвержден чертеж, которым должны были руководствоваться мусульмане при постройке мечети. Разрешалось строительство и по собственным проектам. Однако в этом случае его необходимо было утвердить в губернском управлении. В целом для мусульман России второй половины XIX – начала XX в. характерно наличие лишь небольших комплексов, позволяющих безошибочно определять направление Каабы²⁰⁶.

При постройке культового здания мусульмане сталкивались с проблемой нормативного закрепления требований к сооружениям данного рода. Например, законодательством в отношении православных культовых зданий оговаривалось, на каком расстоянии от соседних сооружений они должны располагаться. Относительно требований к мечетям и молитвенным домам мусульман подобного рода указания отсутствовали²⁰⁷. Единственным требованием государства, которое необходимо было соблюдать при постройке мечети, было то, что она не должна чрезмерно привлекать к себе внимание, соответственно, вызывать интерес вне мусульманской среды.

Необходимо подчеркнуть, что требования российского законодательства, касающиеся постройки мечетей, сельским общинам приходилось соблюдать с большим трудом. Что же касается «отхожих»

²⁰⁰ Загидуллин И.К. Публичные сборы пожертвований для строительства мечетей в городах Европейской части России и Сибири (XIX – начало XX вв.) // Источники существования исламских институтов в Российской империи. Казань, 2009. С. 72.

²⁰¹ Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002. С. 368; Гильфанов Р.Т. Мечети и медресе в жизни сибирских татар // Влияние ислама на культуру народов Сибири (к 600-летию ислама в Сибири): материалы научно-практ. конф. / под ред. И.Б. Гарифуллина, А.Г. Градусова. Тюмень, 1998. С. 56.

²⁰² Загидуллин И.К. Особенности структурирования мусульманского молитвенного дома в общеимперское правовое пространство // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2006. С. 3.

²⁰³ Гибадуллина Э.М. Механизмы финансирования строительства и содержания сельских мечетей в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Источники существования исламских институтов в Российской империи: сборник статей. Казань, 2009. С. 213.

²⁰⁴ Загидуллин И.К. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность: материалы Всерос. семинара. Казань, 2006. С. 54.

²⁰⁵ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX в. Уфа, 1999. С. 96; Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 12. 549 с.

²⁰⁶ Загидуллин И.К. Пятивременные и соборные (джами) мечети в округе Оренбургского магометанского духовного собрания // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.): материалы Всерос. научно-практ. конф. / отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань, 2006. С. 95; Бакиева Г.Т. Российское государство и сибирские татары в XVII – начале XX в.: конфессиональный аспект // Известия Алтайского гос. ун-та. Серия: История. 2008. №4. С. 7–15; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание II. Т. IV. 968 с.

²⁰⁷ Гибадуллина Э.М. Механизмы финансирования строительства и содержания сельских мечетей в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Источники существования исламских институтов в Российской империи. Казань, 2009. С. 218.

мусульман, т.е. ушедших работать на предприятия в города, как в Сибири, так и в европейской части России, то нормы, предъявляемые российским законодательством, были практически неисполнимы. О подобной проблеме, стоящей перед мусульманами, свидетельствуют, например, данные общины Саткинского чугунно-литейного завода (Златоустовский уезд Уфимской губернии) в 1904 г.²⁰⁸ Численность мусульман, прибывающих в города на заработки, постоянно менялась, что затрудняло их объединение в общину, что в свою очередь осложняло инициативу воздвигнуть собственное культовое здание. Подобного рода затруднения приводили к нарушению религиозных прав верующих мусульманского исповедания. Следует также отметить, что поселки, состоящие из «отхожих» мусульман, и заводы не значились в «Уставах духовных дел иностранных исповеданий» (1896 г.) как поселения, в которых могли быть возведены мечети. Они фактически не попадали под категорию ни селения, ни города²⁰⁹.

Факт отсутствия мечетей в населенных пунктах, где проживало мусульманское население, подтверждается архивными данными. При этом учитывалось требование законодательства о количестве душ мужского пола на одну мечеть. Таким образом, на начало XX в. в Томской губернии насчитывалось 8539 душ мужского пола, исповедующих ислам, на которых приходилось 48 мечетей. При этом важно отметить, что священнослужители мусульманского вероисповедания были только в 45 мечетях. В связи с этим можно сделать вывод, что не все мечети были обеспечены священнослужителями в силу различных обстоятельств²¹⁰. Если сравнивать эти данные со статистическими сведениями на 1869 г., то мужского населения, исповедующего ислам, насчитывалось 5178 человек, а мечетей было 36. Однако мусульманского духовенства было почти в два раза больше – 64 человека²¹¹. Обращаясь к этим данным, легко заметить, что на протяжении второй половины XIX в. в Томской губернии наблюдается равномерное возрастание мусульманского населения, а вместе с ним и пропорциональное увеличение числа мечетей, но при этом резко сокращалась численность духовенства.

Важно отметить, что мусульмане неоднократно обращались в губернские органы с ходатайствами о содействии им в устройстве религиозной жизни общины. В 1914 г. заведующему землеустройством и переселением в Тобольской губернии было направлено ходатайство переселенцев поселка Казанского Такмыкской волости о выдаче им ссуды или безвозвратного пособия для организации духовной жизни в поселке²¹². При этом община гарантировала в дальнейшем все расходы по содержанию культового здания, школы и священнослужителя взять на себя. Конкретного решения по данному делу так и не было принято, хотя сведения о том, что в общине не имелось ранее мечети и не было человека, исполняющего требы, подтвердилось. Подтвердилось также и то, что ближайшее старожильческое поселение находится на расстоянии 30 верст²¹³.

Мусульманская община, как правило, выбирала доверенное лицо, которое должно было вести переписку с губернскими органами о разрешении на строительство культового здания и отстаивании прав его доверителей²¹⁴. Однако губернские власти не стремились к развитию мусульманских общин, а напротив, всячески сдерживали обустройство религиозной жизни мусульман в регионах. Об этом, в частности, свидетельствуют затянувшиеся ответы на прошения мусульманской общины и запреты на строительство культовых зданий в связи с отсутствием достаточного количества финансов²¹⁵.

²⁰⁸ Загидуллин И.К. Особенности организации религиозно-обрядовой жизни рабочих татар-мусульман в Европейской части России и Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Мир ислама. 2008. № 1. URL: <http://www.paxislamica.ru/arkhiv/17-12008#> (дата обращения: 12.01.2015).

²⁰⁹ Загидуллин И.К. Особенности организации религиозно-обрядовой жизни рабочих татар-мусульман в Европейской части России и Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Мир ислама. 2008. № 1. URL: <http://www.paxislamica.ru/arkhiv/17-12008#> (дата обращения: 12.01.2015).

²¹⁰ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 2. Д. 8. Л. 835об.–884; Приложение 4.

²¹¹ Памятная книга Томской губернии на 1871 г. Томск, 1871. С. 55, 57, 107.

²¹² ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 580. Оп. 1. Д. 815. Л. 1а.

²¹³ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 580. Оп. 1. Д. 815. Л. 22–22об.

²¹⁴ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 353. Оп. 1. Д. 783. Л. 1об.

²¹⁵ Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Policy of the Russian state for the control of the religious life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2015a. Vol. 36. Is. 2. P. 338–346; Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Основные направления конфессиональной политики Российской империи в отношении мусульманских народов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // *Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии*. Барнаул, 2014. Т. I. С. 94–109; Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Религиозная политики Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй

Расстояние между существующими мечетями было одной из основных проблем мусульманской общины, которая и приводила представителей данного вероисповедания к необходимости подавать прошение в государственные органы на разрешение строительства культового здания. В 1856 г. в штаб Отдельного Сибирского корпуса было отправлено прошение от мусульман Сибирского линейного казачьего войска с просьбой о разрешении строительства мечети в 1 полку. В результате данного прошения на имя наказного атамана был отправлен запрос, который обозначал следующие вопросы: во сколько обойдется строительство такого культового сооружения; сколько средств уже собрано верующими; как мечеть будет содержаться и кому будет поручена ее постройка; какое количество мусульман будет ее посещать. В связи с тем, что средства на постройку не были собраны в полном объеме, в 1857 г. штаб запретил начинать строительство культового здания до тех пор, пока необходимая сумма не будет накоплена²¹⁶.

Как видно из приведенных архивных данных, несмотря на то, что количество прихожан составляло 365 душ, что значительно превышало установленные законодательством нормы на разрешение строительства, государство всячески стремилось к введению ограничительных мер для устройства культового здания. При этом поддержки со стороны правительства, как правило, не было. Государство отказывало в содействии строительству культовых зданий инославных исповеданий, аргументируя это отсутствием средств. Примечательно, что отказ от правительства на постройку мечети при Оренбургском магометанском духовном собрании получил даже муфтий в 1827 г., ожидавший поддержки со стороны государства в отношении органа, контролирующего деятельность мусульман России²¹⁷.

Однако основной проблемой в отказе на строительство мечети, а тем более официального признания махали, было отсутствие необходимой численности лиц мусульманского вероисповедания, регулярно проживающих на той территории, где постройка мечети считалась необходимой. Указом Александра III от 15 декабря 1886 г. были внесены изменения в ранее действующий Строительный устав, согласно которым было разрешено открытие мечети при наличии не менее 200 прихожан мужского пола и возможности общины содержать духовенство при ней, а саму мечеть в хорошем состоянии²¹⁸. Несмотря на все затруднения в устройстве духовной жизни мусульман, следует отметить, что до 1868 г. «молитвенные дома» во вновь учрежденном внешнем округе Западно-Сибирского генерал-губернаторства зачастую возводились за счет казны²¹⁹.

Для того, чтобы получить разрешение на постройку или ремонт культового здания, община выбирала доверенного, который отправлял прошение и вел всю переписку с государственными органами. Примером ведения делопроизводства по вопросу строительства мечети может служить прошение в Тобольское губернское управление по Строительному отделению доверенного Нафетдина Шагабетдинова от проживающих в Кургане мусульман. В 1910 г. им было отправлено прошение с просьбой разрешить его доверителям построить мечеть в городе Кургане. В своем прошение он указывает, что высылает проект культового здания, а также подчеркивает, что ее строительство будет осуществлено за счет пожертвований, собранных в общине. Постройка культового здания будет осуществляться также за счет двухэтажного дома, на первом этаже которого будет устроена школа с прихожей и кухней при квартире муллы. В верхнем этаже будет мечеть с местом для михраба, а рядом с ней комната для муллы. Крыша сооружения, согласно предложенному проекту, будет разобрана, таким образом будет выстроен минарет²²⁰. Предложенный проект перестройки дома под культовое

половине XIX – начале XX в. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2015. Вып. VIII. С. 115–132; Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Некоторые направления государственно-конфессиональной политики в отношении мусульман Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Академические исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы. – Владимир, 2016. Т. 4. С. 33–54.

²¹⁶ ИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 729.

²¹⁷ Загидуллин И.К. Публичные сборы пожертвований для строительства мечетей в городах Европейской части России и Сибири (XIX – начало XX вв.) // Источники существования исламских институтов в Российской империи. Сборник статей. Казань, 2009. С. 71; Приложение 5.

²¹⁸ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д. Ю. Арапов. М., 2001. 367 с.

²¹⁹ Загидуллин И.К. Особенности структурирования мусульманского молитвенного дома в общеимперское правовое пространство // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.). Материалы всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2006. С. 127.

²²⁰ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 353. Оп. 1. Д. 783.

здание был рассмотрен, однако было установлено, что он не подлежит использованию. Сам проект, по мнению Строительного отделения, следует не доработать, а полностью переделать. При этом сумма в 125 рублей за новый проект должна быть внесена полностью.

Нужно отметить, что на получение разрешения на постройку мечети часто уходило несколько лет. Так, на прошение казахов Инель-Тунгатаровской волости Акмолинского округа, отправленного в 1859 г., ответ с разрешением был получен только в 1862 г. Ответ пришел спустя три года только после того, как мусульманская община подтвердила количество прихожан, содержание мечети и училища при ней берет на себя представитель мусульман Байбеков²²¹.

Следует обратить внимание на то, что подобного рода затруднения в постройке мечетей приводили к тому, что к началу XX в. эти строения часто приобретали незаконный характер. Правительство всячески стремилось бороться с подобного рода постройками, в результате чего виновный в построении мечети без разрешения или в ненадлежащем месте подвергается наказанию согласно законодательству Российской империи²²².

С проблемой устройства религиозной жизни общины столкнулись мусульмане и в Петропавловске. В частности, в 1860 г. ими было отправлено прошение на имя генерал-губернатора Западной Сибири. Доверенное лицо данного общества указало, что согласно плану застройки Петропавловска следует устроить на месте закрытого в 1849 г. мусульманского кладбища городской сад. Татарская община, в свою очередь, просила передать данное кладбище в её владение с целью дальнейшего открытия там мусульманского сада, поскольку верующие обеспокоены надругательством над могилами своих предков. Более того, жены и дочери мусульман не имели возможности появляться в общественных местах, а создание такого сада в городе позволило бы им, по мнению общины, беспрепятственно гулять, а также совершать поминальные службы по усопшим. Татарская община, чтобы облагородить данное место, просила разрешения огородить сад решеткой и заняться посадкой деревьев.

На данный запрос Главное управление Западной Сибири ответило, что данный сад включен в план городской застройки, следовательно, передача его в собственность мусульманской общине представляется затруднительной. Относительно кладбища было особо замечено, что его закрытие осуществлено согласно распоряжению Министерства внутренних дел, в котором говорилось о прекращении деятельности всех внутренних кладбищ в связи с расширением города. На данный отказ община еще раз отправила запрос, объясняя, что согласно приведенному распоряжению в отказе не шла речь об огороженных участках. К тому же община будет считать за милость, если ей будет передан данный сад, который станет украшением местности. В прошении было замечено, что два русских кладбища уже переделаны под городские сады, а мусульманское кладбище городской казне оборудовать под сад будет финансово сложно. В связи с этими обстоятельствами община просила ходатайствовать перед министром внутренних дел о дозволении начать устройство сада, чтобы кладбище не пустовало. Община также просила органы власти разрешить выстроить мечеть, указывая, что среди русского населения подобный прецедент уже был. Не противоречила такая инициатива и законодательству, в том числе ст. 912 т. 13 Свода законов Российской империи, изданного в 1857 г. В конечном итоге от тобольского губернатора в 1861 г. был отправлен ответ на запрос татарской общины, который позволял устроить мусульманский сад в Петропавловске, так как в городе проживало большое количество мусульман²²³.

Со второй половины XIX в. вопрос о мусульманских духовных лицах как центральных фигурах мусульманских приходов, оказывающих влияние на прихожан, находился под пристальным вниманием правительства Российской империи. Власть пыталась регламентировать положение мусульманского духовенства и тем самым еще больше подчинить его своему влиянию. К 1912 г. численность духовенства в округе Оренбургского магометанского духовного собрания резко увеличилась.

²²¹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4320.

²²² Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 12. С. 228.

²²³ ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4512.

В отличие от сельской общины, приходская община включала всех жителей селения и независимо от сословной и административной принадлежности осуществляла духовные, нравственные, воспитательные функции. Огромное значение в таких общинах уделялось приходскому духовенству, которое делилось на хатыбов (проповедников), имамов (руководителей общей молитвы) и муэдзинов (маязинов) или азанчеев (служек, призывающих на молитву). Реально между имамом и хатыбом не существовало никаких различий, поэтому губернские власти при утверждении их в должности использовали термин «мулла»²²⁴. Особое место в духовной иерархии мусульман России занимали ахуны. Оренбургское магометанское духовное собрание, желая усилить их административную и духовную власть, разработало проект о старших духовных чиновниках. По данному проекту предполагалась выдача званий ахунов по округам в зависимости от компактности расположения приходов. Таким образом, в ведении ахуна должно было находиться от 25 до 100 приходов. На должность ахуна могли избираться имамы и хатыбы, прослужившие не менее трех лет²²⁵. Данный проект не был поддержан государством, поэтому Министерство внутренних дел само стало утверждать духовных лиц в звании ахуна.

Следует подчеркнуть, что правительство стремилось сформировать совершенно новую религиозную структуру, которая стала бы верно служить государству. С этой целью вводилась необходимость прохождения испытаний духовными лицами при их назначении в Оренбургском магометанском духовном собрании, а уже затем утверждение губернскими властями. Даная система настолько затрудняла и затягивала процесс назначения духовного лица, что на это уходили месяцы, а иногда и годы. Примером здесь может послужить избрание муллой Мухамед-Маруфа Шамситдинова, инородца Томской губернии Каинского уезда Туражской инородной управы. Вся процедура избрания его на должность мучульманского священнослужителя заняла около четырех лет²²⁶.

Такая сложность в назначении духовенства зачастую вынуждала прихожан самовольно назначать лиц, отправляющих культы, которых по государственному закону утверждали уже гораздо позже. Так, например, прихожане Нижегородской соборной мечети Кольванской волости, подавая прошение об утверждении маязина, оговаривали, что данный кандидат уже на протяжении четырех лет исполнял и продолжает исполнять обязанности духовного лица по их желанию²²⁷. Аналогичная ситуация наблюдалась и с муллой в первой Теплореченской соборной мечети Мариинского уезда Томской губернии. Только спустя полгода после смерти муллы сельская община подала прошение об утверждении нового священнослужителя, несмотря на то, что этот кандидат уже достаточно давно исполнял как функции муллы, так и занимался образованием детей²²⁸.

По утверждению Государственного Совета от 21 октября 1837 г., изначально любое духовное лицо должно быть избрано. При этом за него должны были проголосовать как минимум 2/3 членов прихода. В выборе духовных лиц запрещалось участвовать тем, кто не принадлежал к числу прихожан, а также младшим членам семейств. Более того, такую процедуру необходимо было совершить в присутствии сельских начальников, для чего требовалось составить прошение, которое должно как быть подписано и передано в губернское управление²²⁹.

Оренбургским магометанским духовным собранием выдавалось свидетельство, в котором указывалось духовное звание кандидата, передаваемое в правление. Губернские власти, в том числе и в Западной Сибири, интересовала политическая благонадежность избираемого кандидата. Именно с этой целью делался запрос в жандармское управление²³⁰. Кроме того, губернское управление предписывало

²²⁴ Бакиева Г.Т. Приходское духовенство у сибирских татар в XVIII – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. №7. С. 166; Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX в. Уфа, 1999. С. 89; Фархштанов М.Н. Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи : энциклопедический словарь. М., 2006. С. 286–292.

²²⁵ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX в. Уфа, 1999. С. 94.

²²⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 480; Приложение 1.

²²⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 521. Л. 3.

²²⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 521. Л. 21–21об.

²²⁹ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д. Ю. Арапов. М., 2001. С. 123; Наследие. Вып. 1: Религия – общество – государство: институты, процессы, мысль. Кн. 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI в.). Ч. I: X – начало XX в. : хрестоматия : в 2 ч. / сост. Ю.П. Зуев ; под общ. ред. Ю.П. Зуева, В.В. Шмидта. М., 2010. С. 200–201.

²³⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 521. Л. 87; Приложение 2.

полицейскому управлению требовать от кандидата подписку о его непричастности к противозаконным обществам и сектам²³¹. Контроль за духовными лицами был достаточно строг и осуществлялся со стороны как губернского, так и полицейского управления, о чем можно судить из документов Томского губернского управления²³². С целью контроля за мусульманами с 1867 г. от духовных лиц мусульманского исповедания требовалось обязательное знание русского языка²³³. Указом от 16 июля 1888 г. были установлены требования образовательного ценза для духовных лиц мусульманского исповедания. По данному указу для определения ахунов и хатыпов в городах от них требовалось свидетельство об успешных испытаниях по программе одноклассного начального народного училища. При утверждении на должность сельского муллы кандидат должен был представить свидетельство уездного училищного совета о знании им русской разговорной речи и умения читать. Для лиц, состоящих на службе по военному ведомству, необходимо было донести все эти правила через Военное министерство²³⁴. По мнению правительства, это позволяло сблизить русское и мусульманское население, ассимилировав впоследствии последнее. Подтверждение этому имперская власть находила в управлении степными областями, где указывалось о постепенном сближении казахского населения с русским, распространении между ними русской грамотности²³⁵.

Среди требований, предъявляемых к претенденту на должность мусульманского священнослужителя, был возрастной ценз. Кандидат должен был быть старше 25 лет, а также иметь крепкое здоровье. Данное требование было связано с тем, что священнослужителю приходилось исполнять много обязанностей.

Во второй половине XIX в. губернатор Оренбургской губернии Н.А. Крыжановский предлагает ряд проектов в Департамент духовных дел иностранных исповеданий по урегулированию положения мусульманского духовенства в Российской империи. Главной задачей в регулировании и контроле за духовенством губернатор видел в назначении в состав Оренбургского магометанского духовного собрания русских чиновников, в обязанности которых будет входить участие во всех постановлениях данного органа, наблюдение за его канцелярией, ведение отчетности. Кроме того, подчеркивалась необходимость знания священнослужителями русского языка и умение вести метрические книги на русском языке. Н.А. Крыжановский видел также необходимость в постепенном уменьшении количества мечетей и духовных лиц. При этом духовных лиц следовало назначать по усмотрению губернских властей, а не выбирать общиной. Кроме того, по его мнению, необходимо назначить им от государства оклад, так как это ставило бы их в зависимое положение от имперской власти²³⁶. Правительство было более лояльно к мусульманам, в связи с чем меры, предлагаемые Н.А. Крыжановским, были в конечном итоге отклонены Министерством внутренних дел. Однако, как уже отмечалось ранее, правительство частично осуществляет меры, предлагаемые Н.А. Крыжановским. В первую очередь это касалось обязательного знания русского языка священнослужителями мусульманского вероисповедания. Как мы уже наблюдали на примере Томской губернии, приходы выбирали священнослужителей самостоятельно. Однако их утверждение в должности полностью зависело от органов государственной власти. В связи с этим наблюдалось сокращение численности духовенства.

Несмотря на жесткий контроль со стороны государства за мусульманским духовенством, целью которого была дальнейшая русификация инородческого населения Западной Сибири, обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев в отчете за 1884 г. отмечал, что мусульмане восточной части России менее всего подвержены христианству благодаря высокому уровню образования и авторитету своего ду-

²³¹ Бакиева Г.Т. Приходское духовенство у сибирских татар в XVIII – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. №7. С. 167.

²³² ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 521.

²³³ Воробьева Е.И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Исторический ежегодник. 1997. URL: <http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles>.

²³⁴ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1890. Собрание III. Т. VIII. С. 444.

²³⁵ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 507. Л. 4.

²³⁶ Сулейманова Ю.Ф. Региональная власть и мусульманское население Оренбургской губернии во второй половине XIX в. // Открытая библиотека научных сборников по гуманитарным дисциплинам. URL: http://ms-solutions.ru/index.php?option=com_content.

ховенства²³⁷. Следует также отметить, что мусульманские приходы не всегда соблюдали государственные законы, однако придерживались прежде всего законов, касающихся духовенства. Утверждением Государственного Совета от 23 января 1836 г. было установлено, что при мечети следует иметь не более одного муллы, чтобы избежать излишних ссор и беспорядков²³⁸. Несмотря на это, например, в деревне Теплореченской Томской губернии Мариинского уезда при мечети было два муллы²³⁹.

Жесточайший контроль в Российской империи осуществлялся и за перемещениями духовных лиц мусульманского вероисповедания. Например, чтобы уйти в отпуск или поехать по каким-либо делам в другой город, необходимо было известить об этом именно губернское начальство²⁴⁰.

Несмотря на сложность всех вышеуказанных процедур, следует заметить, что мусульманское духовенство никогда не составляло отдельное сословие, которое могло бы бороться за свои права. Мусульманские священнослужители всегда оставались в составе того же сословия, из которого их избирали. Духовенство, представляющее ислам, не получало жалованья от государства. Более того, сельское духовенство должно было платить подати и нести повинности. Только по желанию общины священнослужителя могли освободить от установленных законом платежей и разделить их между членами общины²⁴¹. Возможно, это было связано с тем, что имперские власти боялись создания мощного генератора сепаратистских идей в лице слаженного духовного мусульманского сословия.

Следует подчеркнуть, что мусульмане постоянно ощущали на себе давление со стороны царской власти. В этой связи уже к началу XX в. мусульманское население, почувствовав определенную силу, пыталось отстаивать свои права. Активная политическая и общественная деятельность мусульман России не представляла никакой серьезной угрозы для господствующей власти. Так, в начале XX в. А.Е. Алекторов писал, что только верхние слои были «восприимчивы к конституционно-демократической идее для достижения вероисповедных и национальных целей. По всей вероятности, и члены Государственной Думы из магометан будут стремиться не столько к местным автономиям, сколько к независимости своих муфтиятов, духовных советов, конфессиональных школ»²⁴².

Единственное, что на протяжении всего совместного проживания, а точнее, нахождения мусульман под властью российского монарха, пугало царское правительство, так это отсутствие у приверженцев ислама понимания национальности и родины, соответственно, и патриотизма. К такому утверждению российское правительство пришло, опираясь на Коран, в котором утверждается, что родина для мусульманина там, где ислам²⁴³. Несмотря на это, мусульманское население страны рассматривалось как составной компонент многонациональной империи, который необходимо интегрировать в структуру Российского государства.

В XX в. мусульманский мир по-прежнему оставался обособленным от православно-славянского общества империи, включающего самобытные духовные традиции местных народов. Аналогичные процессы протекали и в Западной Сибири. Уже в начале XX в. мусульмане начали активно отстаивать свои права и место в Российской империи, которая государственной религией провозглашала православие. Мусульмане пытались обратить внимание на тяжелое положение своего духовенства и необустроенность духовной жизни общин. Священнослужители активно приняли участие в мусульманском съезде, проходившем в Санкт-Петербурге. Кроме того, на территории Западной Сибири активную деятельность развернуло реформаторское движение джадидизм. К 1911 г. постепенно возросла численность мусульманского духовенства²⁴⁴. Однако это существенно не изменило положения мусульман

²³⁷ Бессмертная О.Ю., Журавский А.В., Смирнов А.В., Федорова Ю.Е., Чалисова Н.Ю. Россия и мусульманский мир: Инаковость как проблема. М., 2010. С. 137.

²³⁸ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д. Ю. Арапов. М., 2001. С. 115.

²³⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 521. Л. 107.

²⁴⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 716.

²⁴¹ Бакиева Г.Т. Приходское духовенство у сибирских татар в XVIII – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. №7. С. 169.

²⁴² Алекторов А.Е. Инородцы в России. СПб., 1906. С. 133.

²⁴³ Коран / пер. И.Ю. Крачковского. Ростов н/ Д., 2008. С. 41–64.

²⁴⁴ Фархштанов М.Н. Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь. М., 2006. С. 292.

в Российской империи. Муллы по-прежнему находились под пристальным контролем со стороны государства, которое регламентировало их назначение на должности, а также передвижение по стране. Сохранялась и сложность с официальным признанием мусульманских приходов, так как это позволяло мусульманам выстраивать правовые отношения с государством.

2.2. Влияние государственной политики на положение духовенства в мусульманских общинах Западной Сибири

Основной задачей, стоящей перед правительством при присоединении новых регионов, было включение коренного населения в государственную структуру общества. В этой связи особое внимание уделялось религиозным институтам, в которых правительство видело непосредственных помощников в реализации своих политических целей. Однако либеральный курс сотрудничества с мусульманским духовенством сочетался с жестким контролем над религиозными институтами²⁴⁵. Созданное еще при Екатерине II Оренбургское магометанское духовное собрание, как отмечалось выше, по своей сути являлось государственным органом. Этому учреждению отводилась функция контроля за священнослужителями подвластных его ведомству структур. Кроме того, оно должно было на основе светского законодательства регулировать отношения внутри мусульманской общины, учитывая при этом законы шариата. Данное ведомство целиком подчинялось государственным интересам. Многие религиозные деятели того периода не признавали такого влияния на религиозную жизнь общины. Они считали, что светские власти не должны вмешиваться в религиозные дела. В этой связи они отказывались признавать законными назначенных властями мулл, считали этих лиц врагами народа и ислама²⁴⁶.

В среде татарского мусульманского духовенства после образования Оренбургского магометанского духовного собрания наметились определенные разногласия по поводу легитимности создания этого административного органа в условиях российской действительности. Двойное отношение мусульманского духовенства и мусульман к Оренбургскому магометанскому духовному собранию было вызвано спорностью законности полномочий муфтия и его помощников с точки зрения шариата. Расхождение во взглядах привело к появлению понятия «указной мулла», т.е. получивший «указ» – разрешение в Оренбургском магометанском духовном собрании. Остальные, кто не признавал Оренбургского магометанского духовного собрания, но при этом исполнял обязанности имамов, в официальных документах назывались частными лицами. Однако количество такого рода священнослужителей было немногочисленным. Рядовые мусульмане по-разному относились к Оренбургскому магометанскому духовному собранию, но в большинстве своем они поддерживали муфтия и указных мулл²⁴⁷.

Неоднозначным было отношение к государственной политике и со стороны самого Оренбургского магометанского духовного собрания. В противовес проводимой государством политике по отношению к мусульманскому духовенству 17 августа 1892 г. Оренбургское магометанское духовное собрание принимает постановление, которое определило, что совершением пятничной молитвы может руководить любой общинник. При этом наличие установленного государством муллы признавалось в этом случае необязательным условием. По мнению Оренбургского магометанского духовного собрания, государство при назначении мулл преследовало не столько религиозные, сколько правительственные цели²⁴⁸. Подобного рода утверждения заставляли мусульманское население задуматься о незначительности роли духовенства в жизни общины и о том, что теперь каждый грамотный мусульманин имеет право исполнять обязанности священнослужителя. Не были редкостью случаи,

²⁴⁵ Октябрьская И.В. Крещение казахи Алтая. Конфессиональный фактор в этнической истории XIX–XX вв. // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск, 2005. С. 80.

²⁴⁶ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа, 1999. С. 89; Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 50–51.

²⁴⁷ Гарипов Н.К. Система религиозной иерархии у российских мусульман начала XX в. URL: www.tataroved.ru.

²⁴⁸ Загидуллин И.К. Пятивременные и соборные (джами) мечети в округе Оренбургского магометанского духовного собрания // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.): материалы Всерос. научно-практ. конф. / отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань, 2006. С. 97.

когда и само мусульманское духовенство по разным причинам находилось в конфликте с муфтием. Однако, как правило, представители данного духовенства не лишались из-за этого своего звания²⁴⁹.

Оренбургское магометанское духовное собрание было судебным органом второй инстанции, куда могли обращаться прихожане, недовольные действиями муллы, чтобы получить удостоверение для суда, основанное на нормах шариата²⁵⁰. Сюда также обращались и сами священнослужители для решения каких-либо спорных моментов в своей деятельности. Так, например, ахун Семипалатинской казенной мечети просил разъяснить Духовное собрание, какое он должен наложить наказание за незаконное сожительство – по шариату или нет. Свои затруднения он объяснял особой жестокостью мусульманского закона за такое преступление²⁵¹. В другом случае ахун Петропавловска Томской губернии обращался с просьбой предоставить ему «Устав духовных дел иностранных исповеданий» для решения спорных вопросов в общине по предписанию собрания. В связи с отсутствием данных книг это существенно затрудняло его деятельность²⁵².

Нужно подчеркнуть, что поскольку Оренбургское магометанское духовное собрание подчинялось Министерству внутренних дел, то и муллы фактически становились его служащими. «Огосударствление» Оренбургского магометанского духовного собрания приводило к тому, что ему придавались черты, свойственные управлениям государственной структуры. Отмечались моменты продажи указов на духовные звания, что приводило к снижению экономического благополучия прихода. Материальная необеспеченность духовенства заставляла их обращаться к общинникам для сбора необходимых средств, чтобы получить духовное звание²⁵³. В начале XX в. с целью увеличения средств на содержание самого Оренбургского магометанского духовного собрания осуществили ряд мер по привлечению финансов в систему духовного управления мусульман. Кроме того, происходило увеличение брачного налога, вводился сбор за экзамены на получение религиозных степеней, а также за выдачу метрических справок²⁵⁴.

Особое внимание правительство уделяло личности главы мусульманского духовенства, так как он должен был иметь нравственное влияние на своих единомыслителей и нести идеи сближения с русским населением²⁵⁵. До конца XIX в. мусульманское население Российской империи ожидало, что муфтий сосредоточит свою деятельность на защите гражданских и политических прав мусульман. Однако данным надеждам не суждено было сбыться. С 1865 г. муфтиями стали назначать лиц, не имеющих духовного образования, которые тем самым теряли авторитет духовного лидера в глазах мусульманского населения. К тому же Оренбургское магометанское духовное собрание не вступало в конфликты с властями даже в защиту мусульманского населения. В первую очередь это касалось крещеных татар, вернувшихся в мусульманскую веру, права которых никто не отстаивал. Муллам запрещалось исполнять требы по просьбе данной категории татарского населения, а также пускать их в мечети. Подобного рода запреты не останавливали отпадающих от православия. Они выбирали своих мулл из грамотных татар и собирались для молитв отдельно в домах. Не смущало их и то, что выбранные ими священнослужители не имели свидетельства от Оренбургского магометанского духовного собрания²⁵⁶.

Немаловажная роль в Российском государстве отводилась приходскому духовенству, влияние ко-

²⁴⁹ Набиев Р.А. Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань, 2002. С. 40.

²⁵⁰ Наганова Н. Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалла под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Казань, 2006. С. 104.

²⁵¹ ЦГИА РБ. Ф. 259. Оп. 3. Д. 5746. Л. 141–142.

²⁵² ЦГИА РБ. Ф. 259. Оп. 3. Д. 5746. Л. 75–75об.

²⁵³ Набиев Р.А. Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань, 2002. С. 36.

²⁵⁴ Азаматов Д. Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX в. Уфа, 2000. С. 23.

²⁵⁵ Абзалетдинова А.М. Религиозно-политические аспекты управления и взаимодействия мусульманского духовенства в Российской империи конца XIX – начала XX в. // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.) : материалы Всерос. научно-практ. конф. / отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань, 2006. С. 255.

²⁵⁶ Кобзев А.В. Возникновение мусульманских общин у «отпавших» крещеных татар Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Историко-этнографические исследования Симбирского Поволжья : сб. ст. / под ред. А.Н. Зорина. Ульяновск, 2002. С. 55.

того в татарском обществе традиционно всецело зависело от моральных качеств, интеллектуальных способностей, образа жизни, поведения священнослужителя. Духовные лица, которые усердно исполняли свои обязанности, следили за нравственностью прихожан, карали их за проступки, стояли на страже религиозных и светских законов, имели высокий авторитет среди прихожан и выступали в качестве общепризнанных руководителей социокультурной жизни приходов. Однако мусульманское духовенство зачастую преследовало свои особые интересы, отличные от интересов прихожан. Правительство играло огромную роль в жизни мусульманской общины, всячески сотрудничая с духовенством. Даже изменение статуса мечети осуществлялось под надзором как духовных, так и светских властей²⁵⁷.

Важно подчеркнуть, что правительство видело в мусульманских священнослужителях инструмент воздействия на прихожан. Связано это было с тем, что духовные лица принимали непосредственное участие во всех делах общины. Светские власти активно привлекали их для решения судебных тяжб и разбирательств²⁵⁸. Именно приходское духовенство являлось судебным органом первой инстанции. Муллы решали вопросы семейного права, а также занимались распределением имущества между наследниками в своем приходе. В обязанности приходского духовенства, кроме религиозных функций, входили еще и гражданские обязанности, например ведение метрических книг. В рамках духовных обязанностей священнослужители должны были следить за нравственностью своих прихожан²⁵⁹.

В обязанности мусульманского духовенства входило рассмотрение дел, связанных с совершением прелюбодеяния одного из супругов. По нормам шариата за данный поступок накладывалось наказание в виде 100 ударов плетью. Однако уже с 1837 г. за совершение акта прелюбодеяния вводилось светское наказание в виде ареста на срок от трех до 14 дней²⁶⁰. Не оставались в стороне от решения подобных вопросов и органы государственной власти. Министерство внутренних дел также рассматривало вопросы, касающиеся нравственности мусульманского населения. При этом данное ведомство опиралось на решения Оренбургского магометанского духовного собрания. Таким образом, по факту убийства неким мусульманином своей жены и ее любовника Министерство внутренних дел обращалось в Оренбургское магометанское духовное собрание с запросом о разъяснении: как данный факт трактуется в рамках мусульманского закона и является ли совершенное убийство преступлением по шариату²⁶¹.

Необходимо отметить, что государство целом не устранило большое значение, которое имело мусульманское духовенство в жизни общины. В связи с этим оно всячески стремились ограничить судебные полномочия мусульманских священнослужителей. В своей деятельности Оренбургское магометанское духовное собрание руководствовалось своеобразным синтезом норм шариата и общероссийского законодательства. Под давлением властей Оренбургское магометанское духовное собрание принимало постановления, запрещающие религиозным служителям применение тех положений шариата, которые явно противоречили законам Российского государства. Эти запреты в основном касались системы наказаний за нарушение норм общественной нравственности и порядка, предусмотренных мусульманским правом²⁶². В первую очередь запрещалось наказывать мусульман телесно. Так, в 1893 г. в Оренбургское магометанское духовное собрание поступило дело от Томского губернского правления о незаконных действиях муллы и наказании инородки Каинского округа розгами. Оренбургское магометанское духовное собрание в свою очередь приказало предать муллу государственному суду²⁶³. Данное решение также было связано еще и с тем, что Постановлением от 1875 г. Орен-

²⁵⁷ Загидуллин И.К. Пятивременные и соборные (джами) мечети в округе Оренбургского магометанского духовного собрания // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.): материалы Всерос. научно-практ. конф. / отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань, 2006. С. 111.

²⁵⁸ Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). Тюмень; М., 2003. С. 150.

²⁵⁹ Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002. С. 369.

²⁶⁰ Бакиева Г.Т. Особенности развития судебной системы у сибирских татар в XVIII – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. №9. С. 138.

²⁶¹ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 131.

²⁶² Загидуллин И.К. Предисловие // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX в.: материалы науч. семинара, посвящ. 220-летию учреждения религиозного управления мусульман Внутренней России и Сибири. Казань, 2011. С. 9.

²⁶³ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 600.

бургского магометанского духовного собрания муллам запрещалось исполнять обязанности судей²⁶⁴.

Г.Т. Бакиева, ссылаясь на мнение исследователей второй половины XIX – начала XX в., отмечает, что мусульманское население Западной Сибири было очень предано своей вере, и главная роль в этой ситуации отводилась муллам. Духовные лица пользовались большим авторитетом и уважением среди татар²⁶⁵. Однако, на наш взгляд, можно не согласиться с этим утверждением в полной мере. Духовенство, безусловно, имело много обязанностей в общине, но некоторые прихожане не приветствовали такую монополию мулл в общественной жизни, считая, что она приводит к беспорядкам²⁶⁶.

Основываясь на архивных данных, можно говорить о том, что во второй половине XIX в. духовенство во многом теряет свое влияние на население. Сложившимся положением был озабочен муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания. В 1879 г. муфтием было проведено собрание, на котором он выразил обеспокоенность участвовавшими жалобами на приходских священнослужителей. В своем обращении к собранию он подчеркивал и случаи жалоб представителей духовенства друг на друга. По итогам проведенного заседания был разработан циркуляр, в котором всем ахунам, а где таковых не имелось, имамам предписывалось объехать немедленно все подвластные им приходы и проверить их содержание и нравственное состояние мулл. Следовало также провести беседы с приходским духовенством об их поведении и содержании прихода. Особого внимания требовалось уделить мечетям, при которых служат два имама с целью урегулирования отношений между ними. Обо всех выявленных недостатках надлежало немедленно сообщить в Оренбургское магометанское духовное собрание, подкрепляя их реальными фактами²⁶⁷. В этом же году по всем приходам была отправлена фетва муфтия, где обозначалась очередность на совершение богослужений и требоисполнений²⁶⁸.

Однако указанного распоряжения было недостаточно, поэтому уже через год, в 1880 г., выходит еще один циркуляр оренбургского муфтия. В нем предписывалось ахунам и имамам совершить проверку приходов. При этом четко предписывалось провести такую проверку в трехмесячный срок²⁶⁹. Следует заметить, что как приходским духовенством, так и высшими духовными властями исполнялись не все предписания. Еще 23 января 1836 г. Государственным советом было установлено, что при мечети следует иметь не более одного муллы, чтобы избежать излишних ссор и беспорядков²⁷⁰. Связано это с тем, что к XIX в. были зафиксированы неоднократные случаи конкуренции и драк между священнослужителями в мечетях²⁷¹. Именно поэтому особое внимание, согласно позиции Оренбургского магометанского духовного собрания, следовало уделить именно приходам, при которых служат два священнослужителя.

Жалобы, поступающие в Оренбургское магометанское духовное собрание, состояли из рапортов духовных лиц друг на друга, а также на своих прихожан и обращений самих общинников на безнравственное поведение приходских священнослужителей. При этом следует обратить внимание на то, что обращения в Оренбургское магометанское духовное собрание с жалобами духовных лиц друг на друга носили часто корыстный характер и были связаны с недостатком материального благополучия.

Следует отметить, что между муллами в мусульманской общине складывались непростые отношения. На почве корпоративных интересов (доходы, полученные от прихожан, семейная монополия в приходе, старшинство, соблюдение субординации) нередко происходили серьезные столкновения. Сама духовная должность, будучи почти единственной возможностью безбедного существования, нередко являлась предметом постоянной борьбы. Как правило, основной доход муллы

²⁶⁴ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа, 1999. С. 167.

²⁶⁵ Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). Тюмень ; Москва, 2003. С. 148.

²⁶⁶ Наганова Н. Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Казань, 2006. С. 113.

²⁶⁷ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 404.

²⁶⁸ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX в. Уфа, 1999. С. 90.

²⁶⁹ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 10. Д. 339.

²⁷⁰ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 115.

²⁷¹ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX в. Уфа, 1999. С. 89.

состоял из оплаты за требоисполнение. В связи с этим для прежнего имама появление в общине второго муллы не предвещало ничего хорошего, так как приходилось делиться доходами и довольствоваться их половиной. В этой связи имам тратил немало усилий для того, чтобы воспрепятствовать назначению конкурента. Именно за выполнение этих обязанностей боролась основная масса приходского духовенства. Об этом, в частности, свидетельствует жалоба чернореченского муллы, который подал рапорт на пятивременного муллу Эуштинских юрт о незаконном исполнении вместо него треб, а также тем, что он не вел метрических книг. В свою очередь Оренбургское магометанское духовное собрание просило томского уездного исправника провести разъяснительную беседу и объяснить населению Эуштинских юрт, что все записи в метрические книги делаются немедленно на основании ст. 1038 Свода законов Российской империи, изданного в 1876 г. К тому же в Эуштинских юртах никакой мечети не значится²⁷². Не всегда духовенство в своих жалобах скрывало истинную причину, побудившую написать рапорт в Оренбургское магометанское духовное собрание. Имам д. Мавлютовой Ишимского уезда в своей жалобе на ахуна Петропавловска прямо пишет, что он «лишает имама и его семейство пропитания» тем, что венчает у себя девиц его прихода. В своем рапорте имам особое внимание уделяет бедности своей общины, в связи с чем и просит собрание предоставить указное предписание о запрете совершать требы ахуну без согласия приходского духовенства²⁷³. Священнослужители просили Оренбургское магометанское духовное собрание посодействовать в наведении порядка в их приходах. Кроме того, встречались случаи, когда они обращались в органы полиции. Так, например, в архивных документах остался рапорт из Томской губернии ведомства Кукбахтинского округа средней орды Буранайманской волости о совершении неким имамом Юсуповым обрядов среди кочующих казахов за пределами своего прихода. В процессе же выяснения обстоятельств было обнаружено, что в данную мечеть назначены два имама, поэтому Юсупов совершает обряды законно²⁷⁴.

Довольно часто в мусульманских общинах назначению нового имама препятствовали прежние указные муллы, не заинтересованные в появлении конкурента. В таких случаях губернское правление получало многочисленные жалобы, в которых обычно говорилось о неверно составленном приговоре (заочно занесенных прихожанам, крестьянам других приходов, несовершеннолетних), о неточной проверке документа становым приставом²⁷⁵.

Таким образом, одним из результатов конфликтных отношений между религиозными служителями были различные должностные нарушения, например, незанесение в метрическую книгу исполненных треб. Эти проступки становились почвой для взаимных претензий и жалоб, обыкновенно завершавшихся судебным разбирательством, по итогам которого одна из сторон признавалась виновной по ч. 1 ст. 344 Уложения о наказаниях в создании препятствий при исполнении обязанностей по должности (отказ хатыба предоставить имаму метрическую книгу для записи треб). Другая сторона признавалась виновной в исполнении треб без гражданской регистрации по ст. 1444 того же Уложения.

Тяжелое материальное положение приходского духовенства было связано с тем, что с 60-х гг. XIX в. правительство ввело положение, по которому общество обязывалось содержать как приход, так и священнослужителей при нем²⁷⁶. К тому же и по мусульманскому закону каждый общинник должен жертвовать в пользу мечети десятую часть хлеба, каждый верующий должен по завершении поста дать мулле муки, денег и мяса, заготовленного во время праздника Курбан-байрам²⁷⁷. Однако, как мы можем заметить из рапорта указного имама Тобольской губернии, «...прихожане его мечети ведут богопротивный образ жизни, в мечеть не ходят даже на праздник Ураза и не предоставляют необходимого по закону дохода»²⁷⁸. Таким образом, ограниченность в средствах приводила к состязательности в авторитете среди

²⁷² ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 16080.

²⁷³ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 7440.

²⁷⁴ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 10. Д. 68.

²⁷⁵ Агаев А. По материалам книги А. Кобзева «Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.». URL: <http://www.islamnews.ru/news-6557.html>

²⁷⁶ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX в. Уфа, 1999. С. 100.

²⁷⁷ Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). Тюмень ; Москва, 2003. С. 135.

²⁷⁸ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 93.

духовенства²⁷⁹, и не всегда способы этой борьбы были честными. Порой они зависели еще от личного благородства и грамотности священнослужителя. Материальное положение основной части мусульманского приходского духовенства оценивалось во второй половине XIX – начале XX в. как бедное²⁸⁰.

Обычно с целью достичь желаемого для себя результата прихожане с жалобами о нарушении законов о строительстве мечети и избрании мулл обращались в Духовное собрание и губернское правление. Кроме них, за содействием властей обращались с прошениями «указные муллы»²⁸¹, не заинтересованные в организации нового прихода, но в таких случаях не имевшие реальных средств влияния на решение сельского схода. В первую очередь они не были заинтересованы в появлении новых приходов, так как в данном случае их материальное положение ухудшалось в связи с уменьшением прихода. Чтобы хоть как-то повлиять на исход дела в свою пользу, муллы ссылались в прошениях на обстоятельства, связанные с нарушением верующими законов о строительстве мечети. Они указывали на несоответствие избранного места норме статьи о 20-саженном расстоянии, а также сообщали о бедности прихожан, неспособных содержать мечеть и имамов. В прошениях также говорилось об отсутствии необходимости возведения новой мечети, так как прежняя была вместительна и удобна для посещения всеми прихожанами²⁸².

Следует обратить внимание на то, что муллы наблюдали за поведением своих прихожан и оказывали на них большое влияние. Однако и прихожане, в свою очередь, следили за поведением своих мулл. Каждый шаг муллы, каждое его действие были известны прихожанам. В случае неисполнения имамом своих обязанностей или неподобающего поведения, дискредитации своего высокого общественного статуса в общине, нарушения религиозных правил и традиционных обычаев прихожане использовали право на отстранение духовного лица и выбор нового. Некоторые представители духовенства, имеющие дурные привычки, старались их скрыть, «чтобы не подавать повода к неудовольствиям со стороны прихожан». Это свидетельствует о существенном влиянии общественного мнения на духовную жизнь общины. Требования к духовенству основывались в основном на моральных принципах. Безусловно, нельзя не отметить, что среди татарских мулл, как и среди священнослужителей других конфессий, были и те, кто не мог противостоять собственным страстям²⁸³.

Междоусобная борьба в среде духовенства, а также материальные проблемы и зависимое положение от государственной власти, безусловно, понижали авторитет приходского духовенства в глазах мусульманской общины. Именно община, а если быть точнее, общинный сход, занимал особое место в религиозной жизни мусульманского общества страны. Подобные собрания решали вопросы финансирования строительства и ремонта мечети, ее содержания, а также выборов и увольнения духовных лиц²⁸⁴. Собрание могло также поставить вопрос об отстранении муллы от занимаемой должности, и уже с этим решением оно могло обратиться в Оренбургское магометанское духовное собрание для его утверждения. Так, например, на имама Реченских юрт в Оренбургское магометанское духовное собрание было сделано донесение о том, что имам часто отлучался в русские селения во время праздников. Кроме того, он был замечен в нюхании табака. Вменялось в вину имаму и неисполнение обязанностей, в том числе погребение умерших без соблюдения обряда. Община просила отстранить имама от занимаемой им должности. Волостное правление не оставило эту просьбу без внимания и занялось расследованием. Опросив имама и отправив его рапорт в Духовное собрание, было решено отказать в отстранении его от должности²⁸⁵.

²⁷⁹ Наганова Н. Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Казань, 2006. С. 110; Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Снижение авторитета духовенства в мусульманских общинах Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи в XIX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2012. №2.

²⁸⁰ Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002. С. 370.

²⁸¹ Так называлось «официальное мусульманское духовенство» до революции.

²⁸² Агаев А. По материалам книги А. Кобзева «Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.» URL: <http://www.islamnews.ru/news-6557.html>.

²⁸³ Гарипов Н.К. Система религиозной иерархии у российских мусульман начала XX в. URL: www.tataroved.ru.

²⁸⁴ Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). Тюмень ; Москва, 2003. С. 149.

²⁸⁵ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 6225.

Кроме обращений в Оренбургское магометанское духовное собрание, были известны случаи жалоб на муллу от мусульманских общин напрямую к светским властям. В частности, в 1863 г. было направлено прошение на имя самого генерал-губернатора Западной Сибири, после чего он самостоятельно решил отстранить священнослужителя от должности, а только затем обратился в Оренбургское магометанское духовное собрание с приказом немедленно отстранить от должности данного муллу и заменить его другим. Аргументировал свое решение губернатор тем, что у него уже есть жалобы на данного священнослужителя. При разбирательстве в Оренбургское магометанское духовное собрание имам подал рапорт с доказательствами его невиновности. Однако данный документ было решено оставить без внимания, никакого препятствия в выборе временного муллы на время следствия также не видели²⁸⁶. Светские власти иногда обращались с просьбами к Оренбургскому магометанскому духовному собранию об ограничении власти священнослужителей. Окружное собрание Семипалатинской области направило обращение в Оренбургское магометанское духовное собрание с целью обязать ахуна «не распространять свои права, где ему не предписано, избегая самолюбивых и корыстолюбивых расчетов»²⁸⁷. Иногда конфликт между муллами и прихожанами приобретал особенно острый и непримиримый характер.

Таким образом, можно констатировать, что решения в Оренбургском магометанском духовном собрании принимались не всегда в пользу общины. Встречались инциденты, когда в результате расследования и предоставления имамом рапорта его оставляли на занимаемой должности. Жалобы прихожан, как правило, не удовлетворялись, когда в процессе расследования выяснялось, что между духовным лицом и прихожанином имеются экономические противоречия²⁸⁸ либо личные неприязненные отношения²⁸⁹.

Не были исключением такие ситуации, когда в процессе продолжительного разбирательства по жалобе кого-то из прихожан судьба священнослужителя оставалась неизвестной. Например, в 1867 г. в Оренбургском магометанском духовном собрании рассматривалось дело по представлению земского суда о незаконных действиях имама Абдулгазисова деревни Овчинниковой Каинского уезда Томской губернии, начатое еще в 1863 г. Инородец обратился к заседателю Каинского округа с просьбой разобраться в деле о похищении его 15-летней дочери и незаконном ее венчании имамом деревни Овчинниковой. В своем прошении он также просил удержать с похитителя 200 рублей серебром. С момента обращения земским судом были проведены следственные мероприятия, в результате которых стороны примирились и претензий друг к другу не имели. Относительно незаконных действий муллы земский суд не имел права принимать никаких решений. В связи с этим дело было передано в Оренбургское магометанское духовное собрание. Данное учреждение в своем разбирательстве обратило внимание на то, что стороны примирились, потребовало от земского управления расписки об отсутствии претензий с каждой стороны, но совершенно ничего не сообщало о деятельности священнослужителя²⁹⁰.

Не всегда священнослужители могли самостоятельно решить проблемы, связанные с нравственностью своих прихожан. Нередки были случаи, когда приходские священнослужители обращались за помощью к Оренбургскому магометанскому духовному собранию, а также к губернским властям. К тому же само Оренбургское магометанское духовное собрание тесно взаимодействовало с органами государственного управления в решении конфликтных ситуаций. Данное учреждение всегда, получая рапорт как от священнослужителей, так и от прихожан, обращалось к губернскому (областному) правлению с просьбой провести следствие и доложить о возникающих противоречиях в духовное управление. Примером может служить рапорт имама Сафарова из Новых юрт о безнравственном поведении прихожан. Следует обратить внимание, что в таких случаях губернские власти играли далеко не по-

²⁸⁶ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 5737.

²⁸⁷ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 5738.

²⁸⁸ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 11492.

²⁸⁹ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 12274.

²⁹⁰ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 5734.

следнюю роль. Духовное собрание обращалось именно к губернскому правлению с просьбой оказать содействие в призыве инородцев к праведному образу жизни²⁹¹. Об отсутствии соблюдения строгой религиозности в жизни мусульманского населения второй половины XIX в. свидетельствует и рапорт имама Ханулина о вредности расположения вблизи их юрт русских селений, в которые правоверные мусульмане выезжали вместе с женами на праздники. Имам просил удержать население своего прихода от таких посещений, так как там царили «пьянство и разврат»²⁹². Интересные данные об отсутствии богобоязненности в мусульманской среде приводит Н.А. Томилов. В своем исследовании, основываясь на различных источниках, он указывал, что в дореволюционный период отмечалась слабая религиозность у некоторых групп татар. В отдельных аулах прихожане крайне редко посещали мечети. Кроме того, мужчины курили табак, нередко спорили с муллой. Наконец, среди части татар в рассматриваемый период широкое распространение получили домусульманские религиозные верования²⁹³.

Важно отметить, что несмотря на начавшийся во второй половине XIX в. процесс реформирования российского общества, государство по-прежнему осуществляет жесточайший контроль за духовной жизнью мусульман Российской империи. Государственная власть, видя в духовенстве орудие воздействия на мусульманское население, продолжала осуществлять притеснения по религиозному признаку. При этом духовенство никак не могло повлиять на проводимую государством политику. О притеснениях подобного рода можно судить, опираясь на архивные данные судебных процессов над представителями мусульманского населения Западной Сибири.

Наиболее ярким примером такого межконфессионального конфликта и степени участия в нем губернских властей является жалоба бийского приказчика мусульманского вероисповедания из Томской губернии на купеческого сына Гилева за оскорбление его вероисповедания в полицейском участке. Просьба данного приказчика заключалась в том, что необходимо разобраться с нанесенными ему купцом оскорблениями, об отсутствии у мусульман чего-либо святого, а также обвинения «Магомета и магометан во вранье». Вторая жалоба была посвящена бездействию органов полиции²⁹⁴. Органы губернского и полицейского управления всячески стремились прекратить ведение данного дела либо затягивали по нему расследование, хотя законодательно было закреплено то, что «губернаторы, местная полиция должны предупреждать и пресекать всякие действия, клонящиеся к нарушению должного уважения к вере»²⁹⁵. В итоге жалоба в Бийский полицейский участок была подана в 1864 г., а окончательное решение по данному делу было принято только спустя четыре года. Дело это имело судебный характер, так как, по мнению обвинителя, были нарушены ст. 94 и 95 «Устава о предупреждении и пресечении преступлений»²⁹⁶. В данном Уставе в разделе о предупреждении и пресечении преступлений против веротерпимости говорилось о запрете всем и каждому вести ссоры, распри и брань ради различий веры или «чинить поношения»²⁹⁷.

В обязанности уездного полицейского правления входила охрана свободы терпимых в государстве вероисповеданий, а также «...чтобы исповедующие одну веру не дозволяли себе оскорблений и особенно притеснений исповедующих другую веру и даже не дозволяли себе неприличных на счет их исповедания насмешек и ругательств»²⁹⁸. В рассматриваемом деле данное предписание было проигнорировано полицейским управлением, как и то, что при необходимости установления порядка должны приглашать местное духовенство²⁹⁹. Приказчик вынужден был обратиться в Оренбургское магометанское духовное собрание с целью содействия последнего в разрешении данного дела. Оренбургское магометанское духовное собрание в свою очередь заняло активную позицию в решении данного кон-

²⁹¹ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 3279.

²⁹² ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 3284.

²⁹³ Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1992. С. 163.

²⁹⁴ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 6230; Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Влияние органов государственной власти на решение мусульманских судебных процессов на территории Западной Сибири во второй половине XIX в. // Вестник Алтайской науки. 2013. №1. С. 71–74.

²⁹⁵ Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 14. С. 97.

²⁹⁶ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 6230.

²⁹⁷ Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 14. С. 104.

²⁹⁸ Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 2. С. 90.

²⁹⁹ Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 2. С. 91.

фликта и направило своего депутата для участия в следственных действиях. В 1865 г. было отправлено прошение томскому губернскому прокурору и томскому губернатору с просьбой содействовать в разбирательстве и расследовании полиции. Оренбургское магометанское духовное собрание также просило предоставить все документы по проведенному следствию³⁰⁰. Следственные органы всячески стремились оправдать Гилева, представляя, что он совершенно не разбирается в мусульманском учении и считает Мухаммеда богом. Однако в ходе расследования было выяснено, что Гилев уже был под судом за избивание жены казаха, которая затем скончалась, что изначально всячески скрывалось следствием³⁰¹. Следственные действия были завершены через год, о чем и было сообщено в Оренбургское магометанское духовное собрание. Дело направили в Бийский окружной суд, где оно и пролежало без рассмотрения около года. Только после обращения высшего мусульманского духовенства за содействием к генерал-губернатору Западной Сибири дело было передано в Томский окружной суд. Оренбургское магометанское духовное собрание просило передать данное дело в Департамент духовных дел иностранных исповеданий, но эта просьба была оставлена без внимания³⁰².

В 1867 г. бухарцем была подана апелляция в Томский губернский суд, где указывалось на недостаточность меры наказания за содеянное преступление в соответствии со ст. 38, 131 Устава о наказаниях. Данные статьи не предполагали наказания за ущемление религиозных прав, а регламентировали наказания за ссоры, драки и буйства в общественных местах, а также за грубость с работниками. По указанным статьям срок ареста не превышает трех месяцев или мог замениться денежным взысканием не свыше 300 рублей.³⁰³ К тому же Гилев судом не был признан виновным и уже как пострадавшая сторона выдвинул претензии к проигравшей стороне в размере 100 рублей, аргументируя это причиненными убытками в связи с ограниченностью ведения дел в период следствия и судебных тяжб³⁰⁴. Таким образом, вряд ли можно назвать полноправным положение мусульман в российских судах, если, как видно из документов, дело об оскорблении мусульманской веры всячески затягивалось. Кроме того, по закону от 30 мая 1866 г. лицам мусульманского вероисповедания запрещалось участвовать в судебных слушаниях, если преступления затрагивали устои православной церкви либо касались вопросов веры³⁰⁵.

Несмотря на это, мусульманское духовенство стремилось к активному участию в разработке спорных вопросов. К тому же особое место в судебной системе сибирских татар второй половины XIX – начала XX в. занимали волостные суды, судьи которых при вступлении в должность приносили присягу на верность службе. При этом обязательно на церемонии присутствовал мулла, а «клятвенное обещание» приносилось на Коране³⁰⁶. За приходскими муллами закреплялось право решать брачные дела, что было закреплено в Положениях от 5 мая 1811 г. и 1830 г. Связано это было еще и с тем, что при разработке судебных дел сибирских татар органы местного самоуправления пользовались традиционными нормами, адатом и шариатом³⁰⁷. К тому же присяга татар осуществлялась по особой форме, принятой 25 апреля 1850 г. При этом, если лицо, приводимое к присяге, не умело читать, то мулла должен был прочитать и разъяснить сущность прочитанного³⁰⁸.

Кроме судебных дел, связанных с личными оскорблениями представителей других конфессий, правительство привлекало к уголовной ответственности и за «непокорность» царскому правительству. В начале XX в. власти иногда увольняли имамов по политическим мотивам с формулировкой за «вредное направление» и «за распространение ложных, вредных слухов против правительства».

³⁰⁰ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 6230.

³⁰¹ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 6230.

³⁰² ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 6230.

³⁰³ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 6230; Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 15. С. 209, 225.

³⁰⁴ Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 16. С. 206.

³⁰⁵ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1868. Собрание II. Т. XLI, ч. 1. С. 608.

³⁰⁶ Бакиева Г.Т. Особенности развития судебной системы у сибирских татар в XVIII – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. №9. С. 135.

³⁰⁷ Бакиева Г.Т. Особенности развития судебной системы у сибирских татар в XVIII – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. №9. С. 130–131.

³⁰⁸ Бакиева Г.Т. Особенности развития судебной системы у сибирских татар в XVIII – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. №9. С. 137.

После Первой русской революции 1905–1907 гг. муллы, стремившиеся устранить своих конкурентов, стали использовать подозрительность властей в корыстных целях. Они подавали прошения о политической неблагонадежности своих коллег-мулл. В частности, в жалобах писалось о подстрекательстве населения к неповиновению властям, пропаганде эмиграции в Турцию и оскорблении российского самодержца и членов его семьи³⁰⁹. Что касается судебных процессов, связанных с отказом в упоминании царского имени при богослужении в мечети, они были продолжительными и неоднозначными. Правительство всячески стремилось воспитать в инородческом населении уважение к российскому императору и повиновение ему. В рамках проведения такой политики Министерством внутренних дел в 1877 г. было отправлено предложение в Оренбургское магометанское духовное собрание о совершении заупокойной службы по Александру I. Оренбургское магометанское духовное собрание в свою очередь разослало по приходам циркуляр о проведении в назначенный день необходимой службы³¹⁰. Кроме того, в 1887 г. в рамках подготовки празднования своего 100-летия Оренбургским магометанским духовным собранием по всем приходам были разосланы программы проведения торжественных мероприятий, в которых указывалось на совершение во всех приходах молебственных мероприятий о царской семье. При этом в специальном распоряжении Министерства внутренних дел указывались лица, которым следовало разослать данную программу³¹¹.

Внимательно следили за исполнением подобных предписаний и представители самой общины. В 1883 г. купцом 2-й гильдии, проживающим в д. Теплореченской Томской губернии, была подана жалоба на имама деревенской мечети об уклонении им от молитвы за здоровье императора. Изначально прошение было подано в Оренбургское магометанское духовное собрание. В нем было подробно изложено, в чем обвиняется имам. Указывалось и то, что священнослужитель обвинил купца в «перетягивании его в русскую руку» и назвал нечестивым. Своим прошением купец пытался обвинить имама в непокорности законной государственной власти. Духовное лицо, давая разъяснения по данному обвинению относительно совершения молитвы за императора, объяснял, что в исламе не имеется особых предписаний относительно данного вопроса, поэтому нет необходимости совершать указанную молитву. В законодательстве также не упоминалось о строгой необходимости совершения молитв за правящего императора. В связи с тем, что данный вопрос касался политической неблагонадежности духовного лица, Оренбургское магометанское духовное собрание обращается в волостное правление с целью проведения расследования по данному вопросу. Полицейское управление по проведенному следствию никаких комментариев не давало³¹². В связи с тем, что законодательно не было закреплено упоминание царских особ при мусульманском богослужении, в 1869 г. Департаментом духовных дел иностранных исповеданий была направлена в Оренбургское магометанское духовное собрание на татарском языке форма упоминания царской фамилии при богослужении³¹³.

Следует отметить, что не всегда отказ в упоминании царских особ при богослужении расценивался как неблагонадежное поведение священнослужителя. В связи с тем, что в исламской традиции отсутствовала практика упоминания правителя во время молитвы, данные меры требовали специального разъяснения со стороны Оренбургского магометанского духовного собрания. Однако не всегда необходимые бумаги во время поступали для исполнения духовными лицами на местах. Данный факт подтверждается, например, инцидентом, произошедшим в Тобольской губернии. Там при разбирательстве дела о неупоминании царской фамилии во время богослужения было установлено, что имам не получал никаких бумаг о необходимости совершения данных упоминаний³¹⁴.

Однако подобного рода судебные тяжбы осложнялись враждебными отношениями внутри мусульманской общины, тем самым затягивая ведение расследования на длительный срок. Так, напри-

³⁰⁹ Агаев А. по материалам книги А. Кобзева «Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.» URL: <http://www.islamnews.ru/news-6557.html>

³¹⁰ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 309.

³¹¹ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 511.

³¹² ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 10821.

³¹³ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 130.

³¹⁴ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 3477.

мер, следствие о политической неблагонадежности имама Томской мечети Хамитова длилось в течение 14 лет (с 1880 по 1894 г.). Такой затяжной следственный процесс был связан с враждебными отношениями между имамом и мещанином Гайнутдиновым, являющимся законоучителем при мусульманской школе. Оренбургское магометанское духовное собрание обращалось к полиции с просьбой взять со спорящих сторон подписки о прекращении жалоб друг на друга. Жалобы Гайнутдинова оставили без внимания на основании действующего законодательства Российской империи. Долгое время светские власти всячески оставляли все жалобы без внимания. В 1889 г. Гайнутдинов подал прошение в Оренбургское магометанское духовное собрание о предоставлении ему перевода арабского текста, принадлежащего имаму и подтверждающего его противогосударственное настроение. Оренбургское магометанское духовное собрание на все жалобы томского мещанина отписало, что на основании ст. 1233 Устава духовных дел иностранных исповеданий духовные лица подлежат духовному суду лишь за неисполнение своих обязанностей, а в остальных случаях они подвергаются светскому суду³¹⁵.

Запрошенные документы также не были ему предоставлены. Губернатор для решения данного вопроса и урегулирования отношений потребовал предоставить все документы по этому делу и перевод означенного Гайнутдиновым произведения для ведения следствия³¹⁶. Некий полковник по требованию губернатора под грифом «секретно» сделал запрос в Оренбургское магометанское духовное собрание о содержании полученных ими бумаг, отправленных мещанином Гайнутдиновым в 1882 г. В свою очередь бумаги были переданы в Томское городское полицейское управление. В 1894 г. Гайнутдиновым было подано прошение в Уфимский окружной суд с жалобой на Оренбургское магометанское духовное собрание, так как после десятилетних судов он был доведен до разорения. Кроме того, получилось, что он предстал в роли клеветника из-за потери Оренбургским магометанским духовным собранием предоставленной им бумаги. Несмотря на то, что имам Хамитов за подстрекательство к переселению из Российской империи и фанатичное воспитание детей был отстранен от должности еще в 1882 г., следствие было закончено лишь 1894 г.³¹⁷

Нужно подчеркнуть, что имперские власти всячески стремились контролировать деятельность священнослужителей даже в отношении требоисполнения. В полицейское управление передавались расписки имамов о Циркулярном уведомлении выплат за брак и внесения в метрические книги³¹⁸. Давали священнослужители расписки и в получении метрических книг³¹⁹. Однако закон о ведении метрических книг на русском языке зачастую нарушался, и муллы вели их на родном языке³²⁰. В 1873 г. Департамент духовных дел просит Оренбургское магометанское духовное собрание предоставить подробное изложение постановлений магометанской религии относительно заключения браков и совершения обрядов бракосочетания. Департамент также интересовала степень родства вступающих в брак, а также кто и где должен совершать обряд³²¹.

Руководило государство и принятием пожертвований от прихожан. В первую очередь это было связано с нравственными качествами жертвователя. Так, генерал-губернаторы Западной и Восточной Сибири автономно принимали пожертвования от лиц, ранее не привлекавшихся к суду и не замеченных в дурных поступках. При этом о пожертвованиях свыше 10 тысяч рублей местное начальство уведомляло Министерство внутренних дел³²². Относительно сбора пожертвования, не являющегося традиционным для мусульманской общины, правительство также распространяло свою власть. Первые масштабные сборы пожертвований в округе Оренбургского магометанского духовного собрания были осуществлены при муфтии Габдрахиме Гадессалямове, который решил построить здания рели-

³¹⁵ Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 11. С. 135–136.

³¹⁶ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 8. Д. 537.

³¹⁷ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 8. Д. 871.

³¹⁸ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 528.

³¹⁹ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 561.

³²⁰ ГАТО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 1–2.

³²¹ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 7594.

³²² Загидуллин И.К. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность : материалы Всерос. семинара. Казань, 2006. С. 56.

гиозного управления и мечеть³²³. Однако сбор пожертвований регламентировался губернскими властями. Если он осуществлялся в рамках губернии для сборов по всей России, то следовало обращаться в Министерство внутренних дел. Власти контролировали все пожертвования в пользу Оренбургского магометанского духовного собрания³²⁴. В свою очередь за сбор пожертвований следовало отчитываться. В общинах вводились специальные шнуровые книги, в которых указывалось, кто и сколько пожертвовал. Обязанности сбора пожертвований накладывались на конкретных священнослужителей, которые должны были вести эту книгу.

Контролируя деятельность и доходы приходского духовенства, Оренбургское магометанское духовное собрание как государственный орган с введением нового тарифа по брачному сбору с мусульман в 1888 г. постановило записывать все пожертвования в метрические книги. Это позволяло контролировать денежные средства общины³²⁵.

Вмешательство государственной власти в мусульманские духовные институты приводило к снижению авторитета духовенства в среде прихожан. Имперские власти, считая приходское духовенство непосредственными помощниками в деле ассимиляции мусульманского населения страны, фактически отталкивали их от общины, а община, в свою очередь, зачастую видела в них противников ислама. В то же время отказ от материальной поддержки государством священнослужителей и передача их на содержание самого прихода ставили их в зависимое положение от общины и приводили к конкурентной борьбе внутри данного института. Такое угнетенное состояние духовенства не могло оказать никакого позитивного воздействия на безнравственную жизнь мусульманской общины.

К тому же священнослужители видели проблему такого состояния общины и в ее близости к русским селениям, что осложняло религиозную ситуацию этническим фактором. Данная проблема подтверждается и судебными процессами, связанными с осуществлением религиозных прав мусульманского населения. Несмотря на активное вмешательство Оренбургского магометанского духовного собрания в эти процессы, оно оставалось органом государственной власти, не способным самостоятельно решать вопросы, касающиеся даже требоисполнения. Политика правительства в отношении мусульманского населения зачастую нарушала законодательные постановления. В законодательстве прописывалась свобода вероисповедания, но, как видно из приведенных материалов, мусульманское духовенство полностью контролировали органы полиции, которые и решали все вопросы, зачастую нарушая права верующих магометан.

2.3. Исламский фактор в вооруженных силах Российской империи

В истории Российской империи период со второй половины XIX в. – по начало XX в. занимал важное место. Начало этого периода связано с широкими реформами, развернувшимися в 60–70-е гг. XIX столетия. Несмотря на принятый в 1874 г. Воинский устав, по которому провозглашалась всесословная и всеобщая воинская повинность, он не охватывал все регионы и всех российских подданных³²⁶.

Важным аспектом в формировании армии являлся этноконфессиональный фактор. В этой связи следует отметить, что несмотря на внимание правительства к мусульманскому вопросу, тем не менее осталось много нерешенных проблем, в том числе и в отношении привлечения мусульманского духовенства в армию. Так, еще в 1842 г. «Высочайшим утверждением положения о Тобольском конном полку» был сформирован Тобольский конный полк, в котором к 1852 г. насчитывалось 1704 человека «ясачных татар». Генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорт сообщал об отсутствии в действовавших тогда инструкциях указания

³²³ Загидуллин И.К. Публичные сборы пожертвований для строительства мечетей в городах европейской части России и Сибири (XIX – начало XX в.) // Источники существования исламских институтов в Российской империи : сб. ст. / сост. и отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань, 2009. С. 70.

³²⁴ Загидуллин И.К. Публичные сборы пожертвований для строительства мечетей в городах европейской части России и Сибири (XIX – начало XX в.) // Источники существования исламских институтов в Российской империи: сб. ст. / сост. и отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань, 2009. С. 81.

³²⁵ Загидуллин И.К. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность : материалы Всерос. семинара. Казань, 2006. С. 64.

³²⁶ Загидуллин И.К. Особенности соблюдения религиозных прав мусульман в российской сухопутной регулярной армии в 1874–1914 гг. // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2009. Вып. 10. URL: <http://pipss.revues.org/3745>.

об устройстве духовной жизни мусульманского населения данной воинской части³²⁷. Аналогичная ситуация складывалась и с Сибирским казачьим войском, которое не имело однородной религиозной структуры, а мусульманское население в нем составляло всего 1%. Согласно имеющимся данным, мусульмане воинского сословия в Сибири составляли в 1878 г. 840 человек, а к 1905 г. их число возросло до 1279³²⁸. По отношению к вероисповеданиям население Сибирского казачьего войска на 1874 г. распределялось следующим образом: православных – 92035, раскольников – 412, католиков – 6, евреев – 57, мусульман – 4914³²⁹.

В 1852 г. казаками было подано прошение о разрешении избрания ими из своей среды муллы с содержанием его за счет общины и освобождения от военной службы. Однако высшее командование Отдельного сибирского корпуса указало на то, что с подобной проблемой сталкивается впервые, и отложило решение этого вопроса до принятия каких-либо распоряжений высшими государственными учреждениями. Данный вопрос был решен в марте 1853 г., когда правительством на примере Тобольского казачьего конного полка был разработан проект правил о назначении мусульманского духовенства в казачьих войсках Сибири³³⁰. В правилах указывалось на то, что мусульманское духовенство проникнуто фанатизмом, а их увеличение в отдаленном крае, с учетом влияния духовенства на общество, очень опасно.

Сибирское войско охватывало собой обширную приграничную территорию и имело глубокие исторические корни. Духовная жизнь мусульман-казаков Сибири регулировалась Указом от 1856 г. В штатах полков данного военного формирования находились мусульманский мулла и лютеранский священник. Духовники получали одинаковое жалованье – 90 рублей серебром в год³³¹.

Имперская власть очень настороженно относилась к присутствию священнослужителей мусульманского вероисповедания в воинских частях. С одной стороны, принимались меры по их привлечению в армию, а с другой – государство по-прежнему видело основной своей задачей контроль за деятельностью мусульманских мулл, а также привлечение инородческого населения в православную веру. Таким образом, принятые правила о назначении мусульманского духовенства в казачьи войска, закрепленные впоследствии в Уставе духовных дел иностранных исповеданий 1857 г. и 1896 г., свидетельствовали о том, что «...военное начальство обязано наблюдать, чтобы число мечетей и духовенства не превышало установленного по закону, излишние мечети должны закрываться»³³². Кроме того, по-прежнему поощрялся, в том числе материально, переход военнослужащих мусульман в православие. Так, согласно Указу императора от 16 июня 1851 г. «нижним чинам из магометан, принявшим православную веру» полагалась выдавать из государственных средств по 7 рублей 15 копеек серебром³³³.

После военных реформ 1861–1874 гг. положение духовных лиц в военно-учебных заведениях претерпевает значительные изменения. В результате на штатной основе в них остаются только законоучители и священники православного исповедания, а «лица духовного звания иноверческих исповеданий считаются частными», т.е. приглашаются отдельно и только в случае необходимости³³⁴. Кроме того, в отличие от православного священника, которому предоставлялся денщик, мулле такого права не давали. Жалованье за исполнение религиозных треб муллы также не получали, а только за преподавание³³⁵.

Необходимо обратить внимание, что правительство регламентировало исполнение воинской службы представителями нехристианских исповеданий. Для них, как и для христиан, воинская обязанность счита-

³²⁷ Абдуллин Х.М. Воинская служба крымских татар в Российской империи // Военно-исторический журнал. 2007. №1. С. 126.

³²⁸ Андреев С.М. Казаки-мусульмане в Сибирском казачьем войске (вторая половина XIX – начало XX в.) // Ислам, общество, культура. Омск, 1994. С. 5.

³²⁹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 12471.

³³⁰ Андреев С.М. Казаки-мусульмане в Сибирском казачьем войске (вторая половина XIX – начало XX в.) // Ислам, общество, культура. Омск, 1994. С. 6; Сенюткина О.Н. Ислам и мусульмане в Вооруженных Силах России: история и современность // Рамазановские чтения. 2006. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_cult.

³³¹ Абдуллин Х.М., Мустафина Г.М. Мусульмане и мусульманское духовенство в иррегулярных войсках Российской империи в XVIII – начале XX в. // Военно-исторический журнал. 2005. №10. С. 48.

³³² Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 11. С. 136.

³³³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1839. Собрание II. Т.13. Ч.2. С. 413.

³³⁴ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1850. Собрание II. Т. XXIV. С. 197; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1852. Собрание II. Т. XXVI. Ч. 1. С. 411–412.

³³⁵ Абдуллин Х.М. Мусульманское военное духовенство в конце XIX – начале XX в. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи / отв. ред. и сост. И.К. Загидуллин. Казань, 2006. С. 16.

лась обязательной, а в случае уклонения одного из представителей данного вероисповедания его заменял следующий. Исключение делалось в том случае, если призванные на воинскую службу оказывались к ней не способны. В этом случае призывались следующие по порядку жеребьевки без учета вероисповедания³³⁶.

Следует отметить, что еще в период правления Александра I выходит ряд законодательных актов, регламентирующих положение наиболее незащищенной категории военнослужащих, исповедующих ислам. Именно при нем в 1808 г. выходит указ «О назначении в татарских полках, сформированных из крымских татар, по одному мулле». Кроме того, при Александре I были изданы правила для обучения мусульман в Оренбургском военном училище³³⁷. При Николае I политика в государстве переходит на новый виток взаимоотношения с мусульманами в вооруженных силах. С этого момента начинают впервые допускаться к несению духовных обязанностей в войсках лица мусульманского вероисповедания³³⁸. В 1846 г. впервые было регламентировано правовое положение мусульманских духовных лиц в гвардейских войсках³³⁹. Указом императора от 1849 г. разрешалось экзаменовывать нижних чинов иноверческих исповеданий в правилах веры, если вблизи не было духовенства этих исповеданий. Однако для сдачи экзамена представитель инородческого исповедания не мог отлучаться из расположения войск, а держал экзамен в познании веры лишь в то время, когда в местах расположения войск будут находиться инородческие духовные лица и мусульманские муллы³⁴⁰. Еще ранее указами от 1796 и 1801 гг. священнослужители приравнивались к сельским обывателям и освобождались от несения рекрутской повинности и телесного наказания на период занятия должности. В 1850 г. вышеназванные указы были подтверждены, а духовные лица исключены из списков, подвергающихся телесному наказанию и рекрутской повинности. Однако что касается закона об освобождении мусульманского духовенства от воинской повинности, то он действовал лишь до 1874 г., а затем был восстановлен только в 1912 г.³⁴¹. При этом нужно подчеркнуть, что освобождение духовенства от воинской повинности не привело к увеличению его численности в вооруженных силах в качестве духовных наставников солдат. Несмотря на то, что правительство видело в мусульманском духовенстве союзника по воспитанию духа патриотизма в мусульманской среде, отношение к нему было крайне настороженным.

В конце XIX в. правительство всячески стремилось ограничить свободу инородческого населения империи. Именно по этому в законодательстве были указаны и оговорены тексты клятвенных обязательств для инородцев. При этом указом Сената от 17 февраля 1899 г. подчеркивалась необходимость совершения всех государственных актов, в том числе и присяги на русском языке на верность службе³⁴².

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. российское правительство интересуется устройством духовного быта мусульманских народов, численность которых в Российской армии была достаточно весомой. Например, по статистическим сведениям, в Сибирском казачьем войске зимой 1899/1900 г. киргизов (казахов) в Томской губернии насчитывалось 285 душ обоего пола. Всего же в казачьем войске числилось 72918 киргизов (казахов)³⁴³. В 1901 г. в Сибирском военном округе отбывающих военную службу нижних чинов насчитывалось 19282 человека, из которых наиболее многочисленную группу составляли лица православного (17077 человек) и мусульманского (1330 человек) вероисповеданий³⁴⁴. Среднестатистическая численность мусульман, ежегодно привлекаемых в 1875–1893 гг. на военную службу, составляла 3,7% от общего числа новобранцев.

³³⁶ ИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15772а.

³³⁷ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1836. Собрание II. Т. 10. Ч. 2. С. 24–26.

³³⁸ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1836. Собрание II. Т. 10. Ч. 2. С. 4.

³³⁹ Абдуллин Х.М. Мусульманское военное духовенство в конце XIX – начале XX в. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи / отв. ред. и сост. И.К. Загидуллин. Казань, 2006. С. 271.

³⁴⁰ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1836. Собрание II. Т. 10. Ч. 2. С. 134–135.

³⁴¹ Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (европейская часть России и Сибирь). Казань, 2006. С. 68.

³⁴² Загидуллин И.К. Особенности соблюдения религиозных прав мусульман в российской сухопутной регулярной армии в 1874–1914 гг. // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2009. Вып. 10. URL: <http://pipss.revues.org/3745>.

³⁴³ ИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 3172.

³⁴⁴ Сеньюткина О.Н. Ислам и мусульмане в Вооруженных Силах России: история и современность // Рамазановские чтения. 2006. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_cult

В начале XX в. религиозный состав нижних чинов Российской армии состоял из православных на 75%, мусульман – на 2%, католиков – на 9%, лютеран – на 1,5%. В 1904 г. на службе в Российской армии состояло 275 офицеров-мусульман и около 30 тысяч нижних чинов³⁴⁵.

В связи с тем, что мусульмане занимали далеко не последнее место по численности служивших в регулярной армии Российской империи, с середины XIX в. все более активно начинает подниматься вопрос о привлечении лиц духовного звания мусульманского исповедания в военные части. В данном случае следует отметить, что при определении муллы в военную часть правительство продолжало руководствоваться указами от 18 октября 1838 г. («О военном мулле Симбирского гарнизона») и от 21 октября 1838 г., возлагающего обязанности на «гражданского муллу»³⁴⁶. 12 февраля 1855 г. Военный совет Российской империи принял Правила устройства духовной жизни магометанского казачьего сословия, проживавшего на территории государства и насчитывающего 18,5 тысяч мусульман-казаков, состоящих в штате Донского, Черноморского, Кавказского линейного, Уральского, Оренбургского, Сибирского линейного казачьего войска и Тобольского конного казачьего полка. Духовные нужды данной категории военно-служащих на 1853 г. обслуживали 111 мечетей и 189 мусульманских духовных лиц³⁴⁷. Количество душ мусульманского вероисповедания, а также число мечетей и духовенства в Сибирском линейном казачьем войске на 1853 г. распределилось следующим образом: 1-й полк – 132 человека, 4-й полк – 53 человека и одна мечеть, 5-й полк – 52 человека и одна мечеть, 8-й полк – 22 человека и одна мечеть, 10-й полк – один человек³⁴⁸. По статистическим сведениям о Сибирском казачьем войске за 1862 г. мусульман насчитывается 2425 душ мужского и 2063 души женского пола. При этом всего один человек духовного звания.

Необходимо отметить, что священнослужители наравне с рядовыми несли все тяготы военной службы, одновременно с этим занимаясь воспитательной и религиозной деятельностью в военных подразделениях³⁴⁹. При этом, нужно подчеркнуть, что мусульманское духовенство в Российской армии, как и во всей империи, не было однородным. Существовали ахуны, которые руководили военными муллами и муэдзинами. Ахунов утверждали в звании Министерство внутренних дел, Оренбургское магометанское духовное собрание и военное ведомство. Основной категорией военного духовенства в Российской армии являлись муллы и муэдзины. Со временем лицам, исполняющим должность муллы, начинают предоставлять определенные льготы. Так, например, назначенные на духовную должность освобождались от несения воинской службы. Однако назначение зависело от войскового начальства, которое утверждало выбранную приходом кандидатуру и только после этого отправляло его на испытание в Оренбургское магометанское духовное собрание³⁵⁰. Несмотря на привлечение священнослужителей в военные части, правительство зачастую воздерживалось от оплаты услуг духовных лиц. Позитивные тенденции в этом направлении начинают наблюдаться с началом военных реформ Д.А. Милютина, в частности, после появления «Положения о постоянных военных госпиталях» 1869 г.³⁵¹

Несмотря на то, что правительство утверждало об отсутствии религиозных препятствий для несения военной службы, следует отметить, что они все-таки существовали. Одной из основных проблем, стоящих перед мусульманами, служившими в вооруженных силах Российской империи, было отсутствие достаточного количества мечетей и священнослужителей. Если говорить о Сибирском линейном казачьем войске и Тобольском конном казачьем полку, то во второй половине XIX в. при устройении мечетей и назначении духовных лиц правительство продолжало руководствоваться правилами

³⁴⁵ Загидуллин И.К. Особенности соблюдения религиозных прав мусульман в российской сухопутной регулярной армии в 1874–1914 гг. // *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 2009. Вып. 10. URL: <http://pipss.revues.org/3745>

³⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1878. Собрание II. Т. LI. С. 225, 237.

³⁴⁷ Сеньюткина О.Н. Ислам и мусульмане в Вооруженных Силах России: история и современность // Рамазановские чтения. 2006. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_cult.

³⁴⁸ ИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 729.

³⁴⁹ Сеньюткина О.Н. Ислам и мусульмане в Вооруженных Силах России: история и современность // Рамазановские чтения. 2006. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_cult.

³⁵⁰ ИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 729.

³⁵¹ Загидуллин И.К. Особенности соблюдения религиозных прав мусульман в российской сухопутной регулярной армии в 1874–1914 гг. // *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 2009. Вып. 10. URL: <http://pipss.revues.org/3745>.

от 9 декабря 1835 г., требовавших от войсковых начальников, чтобы число мечетей и представителей духовенства не превышало определенной нормы. В случаях превышения количества мечетей надлежало их закрывать по мере того, как они обветшают. Кроме того, требовалось объединять малочисленные приходы в более крупные³⁵². Данные нормативы строго соблюдало военное начальство. Так, в Линейном казачьем войске насчитывалось 289 мусульман мужского пола, соответственно, допускалась постройка только одной мечети³⁵³.

Проблема нехватки военных мулл объясняется осторожным отношением правительства к мусульманам как лицам неблагонадежным и находящимся в постоянном контакте с мусульманским миром. К началу XX в. перед правительством встала проблема, связанная с распространением прогрессивистских идей в мусульманской среде, а также боязнь зарождения религиозного фанатизма, что было бы особенно опасно в вооруженных силах. В связи с этим в 1900 г. начальнику генерального штаба Сибирского военного округа под грифом «секретно» была направлена копия секретного циркуляра департамента полиции, в которой говорилось о зарождающемся в среде мусульман прогрессивистском движении. В свою очередь Главное управление Сибирского казачьего войска просило сделать распоряжение по выяснению данных, которые помогут определить действительный характер данного движения в полках. Департамент полиции Министерства внутренних дел также под грифом «секретно» сообщал, что «за последнее время в татарской литературе замечаются совершенно новые веянья, грозящие расшатать весь многовековой уклад жизни свыше 14-ти миллионного населения русского государства и дающие возможность предполагать о готовящемся в жизни сего населения серьезном переломе». В результате в документах неоднократно отмечается, что несмотря на определенные новые идейные веянья среди мусульман, следует уделить больше внимания данной части населения страны, а также заблаговременно с особой бдительностью относиться ко всяким движениям и настроениям среди мусульман³⁵⁴.

На основании сделанных запросов было установлено, что мусульман-прогрессивистов в Сибирском казачьем войске нет. К тому же на данный запрос Департамента полиции Омский уездный начальник сообщил, что «татар в его уезде нет, а среди киргизов (казахов. – П.Д., Е.Ш.) подобное движение не замечается, да и трудно ему быть среди совершенно невежественного и неграмотного народа»³⁵⁵.

Проблема присутствия мулл в войсках привела к созыву 15 февраля 1906 г. в Уфе совещания представителей уммы для решения вопроса о духовном устройстве жизни мусульман, несущих военную службу. На совещании муфтий представил письмо по проблеме упразднения должности военных мулл, направленное императору Николаю II еще в 1903 г. В письме было указано, что численность мусульман, привлеченных на военную службу, составляла 40 тысяч человек. При этом их численность, в связи с осложнившейся политической обстановкой, постепенно увеличивалась. Поскольку в войсках отсутствовали муллы, то на имя муфтия стали поступать жалобы от солдат об их угнетенном состоянии. Связанно это было прежде всего с невозможностью выполнения военнослужащими необходимых духовных треб³⁵⁶. На сложившуюся ситуацию обратил внимание лично Николай II, который дал распоряжение позаботиться об уволенных из войск муллах, а также провести анализ количества мусульман в войсках и оценить потребности выполнения ими культовых действий³⁵⁷.

Согласно статистическим данным в вооруженных силах Российской империи на 10 октября 1905 г. насчитывалось 275 мусульман-офицеров и около 30 тысяч низших чинов. Несмотря на такое количество мусульман, желание иметь в военной части муллу высказали представители лишь трех военных

³⁵² ИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 729; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1880. Собрание II. Т. LIII. С. 1170–1171.

³⁵³ ИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 729.

³⁵⁴ ИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 3172.

³⁵⁵ ИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 3172.

³⁵⁶ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 81–81об.

³⁵⁷ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 82.

округов. Военное начальство сочло это не столь необходимым, так как постоянных треб в мусульманской традиции нет. Особое внимание на совещании было уделено вопросу уравнивания мусульманских мулл в материальном положении с полковыми православными священниками³⁵⁸. На совещании было установлено, что в обязанности муллы должно входить отправление различных религиозных обрядов, а не только принятие присяги и погребение умерших людей. Достаточно остро ставился вопрос о необходимости увеличения численности мулл в войсках. Было также предложено организовать отдельные мусульманские полки. Указывалась и необходимость на создание специальных помещений для совершения молитвы. По итогам совещания в Департамент духовных дел иностранных исповеданий были переданы следующие требования: увеличить число военных мулл; уравнивать в правах духовных лиц мусульманского вероисповедания с полковыми священниками. Еще одно предложение заключалось в том, чтобы объединить мусульман в единые воинские части, так как их разобщенность приводила к несоблюдению религиозных обрядов и затрудняла воспитание нравственности³⁵⁹. Следует отметить, что воинские части, сформированные из мусульман, в том числе и в Западной Сибири, достаточно активно функционировали в русской армии еще со второй половины XIX в.³⁶⁰

В годы Первой русской революции военнослужащие-мусульмане, надеясь на преобразования в стране, обратились с просьбой в Департамент духовных дел иностранных исповеданий о предоставлении им права на соблюдение обрядов, а также просили исключить из рациона питания свинину. Однако в 1906 г. мусульмане получили отказ в данной просьбе. Генеральным штабом по этому поводу давалось разъяснение, что в связи с разрозненностью и немногочисленностью военнослужащих, исповедующих ислам, организация отдельного питания для них проблематична³⁶¹. В то же время активная позиция мусульман в начале XX в. в отстаивании своих прав привела к принятию 19 июня 1908 г. документа, утверждающего штатное мусульманское духовенство в военных частях. В рамках этого документа муллы в войсках приравнивались в своих правах к священнослужителям других вероисповеданий³⁶².

Несмотря на все опасения со стороны государства, следует указать, что даже после Февральской революции 1917 г. именно мусульмане оставались верны присяге, престолу и своим генералам. Нужно также отметить, что в период Гражданской войны солдаты из мусульман не создавали сепаратистских отрядов и не стремились к объединению по национальному признаку. О верности и преданности татар-мусульман Российской империи свидетельствует и тот факт, что они входили в состав собственного его императорского величества конвоя вплоть до 18 мая 1890 г.³⁶³

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война не могла не затронуть интересов мусульман, проживающих на территории Российской империи. Вопросы, связанные с армией, участием мусульман в боевых действиях, стали как никогда актуальными. Правительство видело своей задачей воспитание патриотизма в мусульманской среде, а главную роль в этом должно было сыграть духовенство, численность которого к 1911 г. постепенно возросла³⁶⁴. Как было отмечено Мусульманской фракцией Государственной думы в 1914 г., мусульмане всегда оставались верны России и сражались с ее врагами наравне с коренным русским населением³⁶⁵. Офицеры давали характеристику своим подчиненным мусульманам как людям исполнительным, добродушным, которые могли служить хорошим примером.

С началом Первой мировой войны, как отмечал военный министр А.А. Поливанов, рассеялись

³⁵⁸ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 84.

³⁵⁹ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 86об.

³⁶⁰ Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Мусульмане Западной Сибири в вооруженных силах Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник алтайской науки. 2014. № 1 (19). С. 29–33.

³⁶¹ Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань, 2006. С. 61.

³⁶² Абдуллин Х.М. Мусульманское военное духовенство в конце XIX – начале XX веков // Татарские мусульманские приходы в Российской империи / отв. ред. и сост. И.К. Загидуллин. Казань, 2006. С. 273; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1911. Собрание III. Т. XXVIII. Ч. 1. С. 368.

³⁶³ Абдуллин Х.М. Воинская служба крымских татар в Российской империи // Военно-исторический журнал. 2007. №1. С. 51.

³⁶⁴ Фархштанов М.Н. Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи : энциклопедический словарь. М., 2006. С. 292.

³⁶⁵ Исхаков С.М. Вместе или порознь. Тюрки-мусульмане в российской армии в 1914–1918 годы // Татарский мир. 2004. №15. С. 420.

многие сомнения в благонадежности многих «инородцев». Однако надзор за солдатами-мусульманами не уменьшался. В этой связи по-прежнему проверялись все письма из армии. Кроме того, для установления надзора к каждому мусульманину назначали одного русского солдата³⁶⁶. Стремясь доказать свою лояльность и патриотизм Российскому государству, в 1914 г. мусульмане сформировали передовой санитарный отряд. Кроме того, мусульманами Сибири был образован комитет по оказанию помощи воинам и их семьям³⁶⁷.

В то же время важно отметить определенные антимусульманские настроения части российской общественности. Такие настроения негативно сказывались на мусульманах, которые старались вести максимально закрытый образ жизни. Однако уже к 1915 г. некоторые зажиточные мусульмане были склонны поддерживать благотворительные общества и школы, но не собирать средства на нужды русской армии³⁶⁸.

Одним из основных источников информации для мусульман, непосредственно не участвовавших в военных действиях, была татарская пресса. В то же время согласно «Временному положению о военной цензуре» от 20 июля 1914 г. все газеты, даже не попадавшие в районы военных действий, подвергались строжайшей цензуре. С целью предупреждения появления нежелательных для правительства сведений о войне при военно-окружных штабах были созданы цензурные комиссии. Помощником в формировании патриотизма в мусульманской среде становится духовенство, которое также через прессу выражало волю государства. В ноябре 1914 г. муфтий М. Султанов выступил с обращением к мусульманскому духовенству по вопросу вступления в войну Турции. Муфтий указал на необдуманность турецкого правительства, вступившего в данную войну, которая не несла никакой религиозной окраски³⁶⁹.

Рассматривая роль мусульман в составе Российской армии, необходимо отметить, что правительство не имело четких представлений о своих подданных-мусульманах. При этом позиции различных ведомств по вопросу о привлечении мусульманских народов к воинской службе заметно различались³⁷⁰. Неточность в призыве мусульманского населения подтверждается и архивными данными, в которых говорится о нарушениях при привлечении инородцев на военную службу. При этом процесс восстановления истины был длительным и проходил через обращение к губернатору³⁷¹.

Важным моментом в политике Российской империи в отношении мусульманского вопроса стало то, что в военных уставах второй половины XIX – начала XX в. предусматривалось освобождение мусульман нижних чинов и офицеров в дни религиозных праздников от занятий и нарядов³⁷². В начале XX в. была определена некоторая свобода для лиц мусульманского вероисповедания, так они имели право на 13 свободных дней в году. При этом в такие праздники, как Курбан-байрам и Рамазан-байрам, освобождение от службы давали на трое суток. Кроме того, увеличилось количество военных священнослужителей не только православного, но и инородческого вероисповедания³⁷³. В 1909 г. в предписании Главного штаба впервые был официально поставлен вопрос об отводе временных молелен солдатам-мусульманам. В то же время главным ущемлением в религиозных правах солдат-мусульман оставалось отсутствие законодательно закрепленного разрешения на совершение пятничной полуденной и пятидневных молитв³⁷⁴.

³⁶⁶ Исхаков С.М. Первая мировая война глазами российских мусульман // Россия и Первая мировая война : материалы Международного научного colloquium. СПб., 1999.

³⁶⁷ Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917 – 1922 гг.). Томск, 2009. С. 79.

³⁶⁸ Гагаулина Л.Р. Татарская пресса 1914–1915 гг. об отношении российских мусульман к Первой мировой войне // Ученые записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2008. №1. С. 138.

³⁶⁹ Гагаулина Л.Р. Татарская пресса 1914–1915 гг. об отношении российских мусульман к Первой мировой войне // Ученые записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2008. №1. С. 136.

³⁷⁰ Исхаков С.М. Вместе или порознь. Тюрки-мусульмане в российской армии в 1914–1918 годы // Татарский мир. 2004. №15. С. 421–422.

³⁷¹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 12471

³⁷² Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (европейская часть России и Сибирь). Казань, 2006. С. 66.

³⁷³ Сеньюткина О.Н. Ислам и мусульмане в Вооруженных Силах России: история и современность // Рамазановские чтения. 2006. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_cult.

³⁷⁴ Загидуллин И.К. Особенности соблюдения религиозных прав мусульман в российской сухопутной регулярной армии в 1874–1914 гг. // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2009. Вып. 10. URL: <http://pipss.revues.org/3745>.

В начале XX в., несмотря на преобразования в стране, высшие должности для лиц мусульманского вероисповедания оставались недоступными. Не являлась исключением в этом отношении и армия. Так, на апрель 1914 г. в Российской армии насчитывалось 40590 офицеров и генералов, из которых только 400 человек было мусульманского вероисповедания³⁷⁵. В июле 1914 г. военным ведомством был подготовлен секретный доклад «О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения, освобожденного от нее до настоящего времени». В данном докладе была рассмотрена идея о создании воинских частей по национальному признаку. Однако в рамках многонационального государства, где этнические группы не всегда проживают компактно, данное предложение было невозможно реализовать. Несмотря на это, народы, ранее не привлекавшиеся к несению военной службы, рассматривались как приобщившиеся к русской государственности, соответственно, способные к несению воинской повинности. Но против такого предложения выступало Министерство внутренних дел, считавшее инородческое население ненадежным³⁷⁶. Представители мусульманской общественности видели целесообразным создание военных подразделений по религиозному признаку, так как в связи с разрозненностью мусульман возникла проблема соблюдения ими религиозных обрядов³⁷⁷. В то же время следует отметить, что с введением в 1878 г. всеобщей воинской повинности прекращают свое существование даже ранее сформированные полки из традиционного мусульманского населения.

Таким образом, нужно констатировать, что несмотря на все затруднения в истории совместного присутствия в Российской армии лиц мусульманского и православного вероисповедания, между ними никогда не возникало конфликтов на религиозной почве³⁷⁸. В целом, положение солдат-мусульман в армии было неоднозначным. С одной стороны, солдатам разрешалось исповедовать ислам, а с другой – всячески приветствовалось и стимулировалось обращение в православие. Острой оставалась проблема назначения священнослужителей в регулярные войска, положение которых оставалась слабо регламентировано.

Мусульманское духовенство, ставшее орудием в руках государства по контролю за мусульманским населением страны, само оказалось в подчиненном положении. Созданное еще при Екатерине II Оренбургское магометанское собрание не способствовало укреплению позиций духовенства в мусульманской среде, а население зачастую видело в его руководителях государственных чиновников. Однако исполнение религиозных обрядов требовало постоянной борьбы инородческого населения за отстаивание своих прав перед правительством и возможности утверждения в должности мулл наиболее достойных, по мнению общины, лиц.

³⁷⁵ Жильцов К.В. Генералы мусульманского вероисповедания в российской армии в 1905–1914 годах // Вопросы истории. 2007. №12. С. 130.

³⁷⁶ Исхаков С.М. Вместе или порознь. Тюрки-мусульмане в российской армии в 1914–1918 годы // Татарский мир. 2004. №15. С. 422.

³⁷⁷ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 81–81об.

³⁷⁸ Сенюткина О.Н. Ислам и мусульмане в Вооруженных Силах России: история и современность // Рамазановские чтения. 2006. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_cult.

Глава 3

Социально-экономическая жизнь мусульманских общин в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

3.1. Мусульманское образование в Западной Сибири

Одним из главных направлений в государственно-конфессиональной политике Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. было реформирование образовательной системы мусульманских народов. Основная цель преобразований в данной социальной системе российского общества – укрепление границ Российской империи при помощи упрочения позиций русского населения среди местных жителей в регионах. Имперская власть видела в образовании средство сближения мусульманского и славянского компонентов, а затем и полного исчезновения первого. Начиная с 60-х гг. XIX в. правительство ставило перед собой задачу просвещения населения многонационального государства, поэтому возникла необходимость создания единой системы школьного образования. Именно школа в XIX в. становится объектом разногласий между правительством и прогрессивными слоями мусульманского общества. Идея подготовки национальной интеллигенции шла вразрез с политикой государства, которое видело в школе орудие политико-идеологического воздействия³⁷⁹. Особенно остро эта проблема начала ощущаться в начале XX в., когда страна подверглась существенным внутри-политическим потрясениям.

Исламская религия всегда способствовала формированию воспитательных и образовательных традиций в обществе³⁸⁰, поэтому не учитывать данный фактор в этом процессе было невозможно. В исламе ученость и образованность считались особо ценными добродетелями. Стремление к знанию рассматривается в мусульманском вероучении как часть религиозного долга и нравственная обязанность мусульманина. В самом учении Муххамеда было заложено стремление к знаниям – «человек образованный стоит выше даже тех людей, которые посвятили свою жизнь молитвам Богу»³⁸¹. Учебным заведениям отводилась ведущая роль по воспитанию подрастающего поколения³⁸². Согласно имеющимся сведениям, например, в Томске при мечети имелась женская мусульманская школа, а также проводились вечерние курсы.

Особенно ярко стремление к грамоте наблюдалось среди татарского народа. Система татарского образования включала два вида учебных заведений: медресе и мектебе³⁸³. Данные школы целиком находились в ведении духовенства и создавались для получения конфессионального образования. В связи с этим духовенство играло важную роль в жизни мусульманского населения страны, придерживающегося религиозных традиций и обычаев³⁸⁴. По данным Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества известно, что мальчики изначально обучались у грамотных татар, сосланных в Сибирь на поселение. С момента построения мечети обучением начали заниматься муллы и муэдзины. Данное образование дети получали бесплатно, оно напрямую зависело от добро-

³⁷⁹ Сафиуллина Р. Система мусульманского образования у сибирских татар в поликонфессиональной среде // Татарские мусульманские приходы в Российской империи : материалы научно-практ. конф. (27–28 сентября 2005 г., Казань) / отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань, 2006. С. 218.

³⁸⁰ Духовные ценности ислама и образование: историко-культурная традиции и современность / отв. ред. С.С. Аванесов, Т.А. Костюкова. Томск, 2008. С. 37–38.

³⁸¹ Баязинов М.А. Отношения ислама к науке и инородцам. СПб., 1887. С. 21.

³⁸² Кобзев А.В. Мусульманская община как центр организации обучения и воспитания (по материалам Симбирской губернии XIX – начала XX века) // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.). Казань, 2006. С. 225.

³⁸³ Нам И.В. Татарские школы в дореволюционном Томске // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) / под ред. Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова. Томск, 2000. С. 73.

³⁸⁴ Духовные ценности ислама и образование: историко-культурная традиции и современность / отв. ред. С.С. Аванесов, Т.А. Костюкова. Томск, 2008. С. 39.

совестности общинников. Назначая учителя мектебе в приход, прихожане на сходе могли определить его годовое жалованье. Хотя в некоторых местностях определенного вознаграждения учителю общины не назначали, но зато предоставляли право принимать подношения от учеников³⁸⁵. Таким образом, оплата за обучение в разных местах была различной.

Следует подчеркнуть, что открытие мусульманских учебных заведений целиком было связано с существованием прихода³⁸⁶. Данный факт подтверждается, например, обращениями татар-переселенцев Каменской волости Тюменского уезда Тобольской губернии. Мусульмане, стремясь организовать свою духовную жизнь, обратились к губернскому начальству с ходатайствами об устройстве мечети и открытии при ней школы. В ходатайстве к заведующему землеустройством и переселением в Тобольской губернии указывалось, что переселенцы обратились с просьбой выдать им безвозмездное пособие для устройства мечети и русско-татарской школы. В связи с тем, что ближайшая школа находится в 60 верстах от поселка, то переселенцы-мусульмане не могут удовлетворять свои религиозно-просветительские потребности. Дальнейшее содержание культового здания и школы община брала на себя³⁸⁷. Несмотря на то, что ходатайство было подано еще в 1913 г., процесс выделения ссуды со стороны государства всячески затягивался. В конечном итоге, из-за затянувшейся бюрократической волокиты и революционных потрясений, татары-переселенцы в 1919 г. отказались от поданного ими ходатайства о выдаче государственного пособия на постройку мечети и мусульманской школы³⁸⁸.

Иногда роль учителей в летнее время в мектебе исполнял учащийся медресе. Для получения должности учителя в начальной школе широкого образования не требовалось, поэтому эту должность могли занимать люди, не прошедшие полного курса наук. Если должность учителя была связана с должностью муллы, то она становилась пожизненной. Следует отметить, что процент грамотности среди мусульманского населения в XIX в. был значительно выше, чем в русском обществе. Со второй половины XIX в. мусульманское школьное образование начинает активно развиваться. Так, в 1876 г. было открыто первое мусульманское училище в Томске. К 1893 г. на территории Томской губернии действовали три мусульманских школы³⁸⁹. В деревнях Западной Сибири при мечетях открывались мектебе, которые соответствовали церковно-приходским школам³⁹⁰. В учебных заведениях данного рода не было ни программ, ни учебников. Обучение в таких школах сводилось к зазубриванию Корана и религиозных книг. Татарский литературный язык как предмет в данных школах не изучался³⁹¹.

О важности введения образования среди традиционных народов региона свидетельствует список журнала Томского губернского совета от 20–24 марта 1854 г. В нем указывалось, что на специальном заседании рассматривалось представление Томского губернского правления о мерах, направленных на постепенное развитие инородческого образования в Томской губернии. В документе отмечалось, что инородцы, т.е. традиционные народы региона, были разделены на разряды. Так, указывалось, что оседлые инородцы, проживавшие в Томском, Кольванском, Кузнецком и Бийском округах, вели преимущественно крестьянский образ жизни. Они жили среди русского населения, знали русский язык, а некоторые владели и татарской грамотой. Особой потребности в учебных заведениях, согласно указанному документу, они не испытывали, потому что могли получить образование в приходских училищах по месту жительства. Относительно инородцев-мусульман было отмечено, что они могут продолжить получать образование

³⁸⁵ Бакиева Г.Т. Реформы в системе образования у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. №8. С. 98.

³⁸⁶ Мухаметшин Р.М. Система образования у татар в начале XX века: состояние, проблемы и перспективы // Источники существования исламских институтов в Российской империи. Казань, 2009. С. 198–199.

³⁸⁷ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 580. Оп. 1. Д. 802. Л. 1а–13; Приложение 5.

³⁸⁸ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 580. Оп. 1. Д. 807. Л. 4–20.

³⁸⁹ Томилов Н.А. Общественный быт и духовная культура томских татар // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 149.

³⁹⁰ ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 6–7; Валеев Ф. Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996. С. 145; Шершнева Е.А. Мусульманское образование в Западной Сибири в XIX – начале XX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2011. №4/1. С. 68–71; Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. The Ethno-Religious Aspect of the Educational Policy of the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century (on the Example of the Muslim Education System of Western Siberia) // Bylye Gody. 2018. Vol. 47. Is. 1. P. 232–241.

³⁹¹ Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1992. С. 183; Абаева А.З. Исламские традиции в жизни томских татар // Ислам в культурном ландшафте России: история и современность. Томск, 2002. С. 81.

при мечети, а в качестве учителя может выступать сам мулла. Иностранцы второго разряда были представлены жителями Каинского округа, преимущественно татарами. Данные иностранцы были далеки по образу жизни от русских, поскольку сохраняли традиционный кочевой уклад. Иностранцы-кочевники, согласно материалам заседания, проживали рассредоточенно. Однако на заседании была отмечена возможность создания для них двух училищ – в Барабинской управе и Кирдиримских юртах Туражской управы.

При этом были также высказаны опасения о возможном противодействии со стороны мулл, так как в таких мерах они видели процесс обращения населения в христианство. В связи с этим предлагалось включить представителей определенных этнических групп в систему образования иноверцев. Для этого были необходимы учителя, хорошо знающие татарский язык, которые бы преподавали мусульманский закон, однако не касались бы религиозных убеждений. Кроме того, указывалось, что в этих училищах нужно еще преподавать основы православной веры. При этом подчеркивалась и важность введения тех предметов, которые предусмотрены учебной программой для приходских училищ. Наконец, третью и четвертую группу составляли иностранцы, которые были отнесены к идолопоклонникам, т.е. исповедующим традиционные шаманские верования. Относительно этих групп иноверцев вопрос образования отдельно на указанном заседании, вероятно, не рассматривался³⁹².

Нужно отметить, что вплоть до 80-х гг. XIX в. все мусульманские учебные заведения в Российской империи существовали под названием «медресе». При этом начальные школы имелись почти при каждой мечети. Однако до 1874 г. они не подчинялись учебной администрации³⁹³. Обучение в мектебе велось 4–5 лет, но бедное население оставляло школу через 1–2 года. Обучение девочек, в отличие от мальчиков, было непродолжительным. Приветствовались также телесное наказание учеников и привлечение их в работу по дому муллы³⁹⁴.

Медресе имели более сложную программу обучения по сравнению с мектебе, поэтому считались учебными заведениями среднего и высшего уровней. Процесс обучения в медресе был достаточно длительным и зачастую достигал 15 лет. Целью данного учебного заведения была подготовка квалифицированного муллы. В медресе изучали и светские науки – математику, философию, медицину, логику, историю, географию и т.д.³⁹⁵ Медресе были двух типов, в зависимости от того, по чьей именно инициативе открывались и на чьи средства содержались, т.е. частные и общественные³⁹⁶.

В то же время правительство всячески стремилось к ограничению роли духовенства в системе народного образования. Департаментом духовных дел иностранных исповеданий за подписью сенатора Н.А. Крыжановского, исполняющего обязанности министра внутренних дел, было указано Оренбургскому магометанскому духовному собранию принять к сведению, что преподавание не является прямой обязанностью духовенства, а в действующем законодательстве по этому вопросу никаких указаний нет³⁹⁷. После принятия в 1905 г. Указа «Об укреплении начал веротерпимости» мусульмане ожидали от правительства существенных изменений в своей жизни. Однако вместо этого государство стремилось всячески сдерживать зарождение новых идей в мусульманской общественной мысли³⁹⁸. Несмотря на то, что законодательного оформления не было, мусульманские школы подпадали под юрисдикцию Оренбургского магометанского духовного собрания. Выражалось это в том, что Оренбургское магометанское духовное собрание устанавливало испытание, присваивало учительские звания и определяло учителей в мусульманские учебные заведения во всех подведомственных ему регионах³⁹⁹.

³⁹² ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3532. Л. 24–44.

³⁹³ Духовные ценности ислама и образование: историко-культурная традиция и современность / отв. ред. С.С. Аванесов, Т.А. Костюкова. Томск, 2008. С. 41.

³⁹⁴ Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск, 1983. С. 146–147; Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 г.). М., 2004. С. 22.

³⁹⁵ Нам И.В. Татарские школы в дореволюционном Томске // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) / под ред. Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова. Томск, 2000. С. 74; Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002. С. 363–364.

³⁹⁶ Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993. С. 196.

³⁹⁷ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л.12; Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т.11. С. 135.

³⁹⁸ Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. С. 309.

³⁹⁹ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX в. Уфа, 1999. С. 144.

Важно обратить внимание на то, что во второй половине XIX в. сформировалось два взгляда на проблему государственной политики в отношении национального образования в Российской империи. Сторонники первого, официального, направления (А.Е. Алекторов, Н.И. Ильминский и др.) обосновывали необходимость проведения жесткой политики по отношению к мусульманским учебным заведениям. Они видели необходимость ассимиляции мусульман путем насаждения русскоязычных школ. Представители демократического направления (Х. Атласи, И.Б. Гаспринский) рассматривали политику властей как антинародную⁴⁰⁰. Правительство активно стремилось к ликвидации национального образования с помощью внедрения так называемых русско-инородческих школ. Идея создания такого рода учебных заведений была разработана миссионером Н.И. Ильминским.

Следует отметить, что политика, проводимая государством в отношении школьного образования, не была единой. На начальной стадии реформирования системы образования при министре народного просвещения А.В. Головнине вмешательство государства в систему образования сводилось к минимуму. В данный период правительство видело своей задачей выстроить систему народного просвещения в Российской империи по европейской модели, поощряя при этом инициативы по созданию образовательных учреждений⁴⁰¹.

Именно обучение русскому языку рассматривалось правительством как одна из основных задач развития инородческой системы образования. Согласно Положению о начальных народных училищах, принятому 14 июля 1864 г., в обществе утверждалось религиозное и нравственное воспитание. При этом обучение в училищах должно было вестись на русском языке для лиц любого вероисповедания⁴⁰². Однако в рамках Указа от 26 марта 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» детям татар-мусульман, другим инородцам нехристианского вероисповедания, обучающимся в учебных заведениях страны, разрешалось не посещать уроки Закона Божьего и не изучать церковнославянский язык⁴⁰³.

Радикальными взглядами в реформировании школьного инородческого образования можно считать идеи Н.И. Ильминского, заключающиеся в отрицании будущего у нерусских народов. Он исключал развитие национальных культур, поэтому основной своей задачей считал осуществление русификаторской политики государства с помощью системы образования. Для реализации поставленных задач служила руководимая миссионером Казанская учительская инородческая семинария, начавшая функционировать с осени 1872 г., а также церковно-приходские школы. Важное значение имело развитие религиозно-миссионерского направления деятельности инородческой школы. Согласно концепции Н.И. Ильминского просвещение инородцев по своей природе должно быть «неизгладимо религиозным». Новым школам отводилась роль центров, призванных, опираясь на учение православной церкви, способствовать единению россиян и ограждению детей от влияния мусульманства.

Главной задачей осуществления инородческого образования Н.И. Ильминский видел формирование преподавательских кадров из инородческой среды. Именно с помощью своих соплеменников инородцы могли изменить свои религиозные представления, соединиться в духовном союзе с русским народом в общем государстве⁴⁰⁴. Процесс русификации, по мнению Н.И. Ильминского, должен протекать постепенно, что свидетельствует об умелом и тщательно завуалированном методе работы среди традиционных этносов региона. При этом один народ противопоставлялся другому или одна часть народа – другой его части⁴⁰⁵.

⁴⁰⁰ Бакиева Г.Т. Реформы в системе образования у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. №8. С. 97.

⁴⁰¹ Аллагуров А.М. Государственная концепция образовательной политики в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. №4. С. 153.

⁴⁰² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1876, С. 1342–1350. URL: <http://istmat.info/node/33408> (дата обращения: 27.11.2017).

⁴⁰³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1874. Собрание 2. Т. XLV. С. 314.

⁴⁰⁴ Поплавская Х.В. К вопросу о православном миссионерстве на Алтае (30–60-е гг. XIX в.) // ЭО. 1995. №5. С. 105.

⁴⁰⁵ Нафигов Р.И. Н.И. Ильминский – кто он на самом деле? // Исламско-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения / под ред. Я.Г. Абдуллина. Казань, 1994. С. 128; Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX вв. : сборник материалов и документов / сост. Р.Р. Исхаков. Казань, 2012. С. 18–25.

Система Н.И. Ильминского была одобрена и узаконена в 1870 г. в правилах «О мерах к образованию инородцев, относительно татар-магометан»⁴⁰⁶. Основная цель русско-инородческих школ – внедрение русского языка для дальнейшей русификации инородческого населения. Важно отметить, что российское правительство и не скрывало своих целей в отношении мусульманского меньшинства. Так, министром народного просвещения графом Д.А. Толстым были предприняты меры в системе образования мусульманского населения, целью которых было «обрусение мусульман и слияние их с русским народом»⁴⁰⁷. Таким образом, на всей территории Российской империи начинают появляться русско-татарские школы, которые подчинялись Министерству народного просвещения. Исключением не стала и Западная Сибирь, тем более, что именно этот приграничный с Центральной Азией регион всегда рассматривался как политически наиболее неблагонадежный.

Особое место в системе школьного образования отводилось Русской православной церкви. Правительством были приняты меры по сокращению часов на изучение основ «инородческих» вероисповеданий. Естественно, такая ситуация закономерно вызывала недовольство со стороны родителей детей, воспитывающих их в иной конфессиональной среде⁴⁰⁸.

В 1874 г. было принято постановление, по которому все мусульманские школы, в том числе мектебе и медресе, передавались в ведение Министерства народного просвещения. Царское правительство, ведя такую политику в сфере образования, стремилось заручиться поддержкой со стороны самого мусульманского духовенства, что и было сделано достаточно успешно. Так, в своем наставлении муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания всецело поддерживает русское правительство. В этом обращении он обвинял ахунов и мулл в незнании русской грамоты. Духовные лица, по его мнению, должны содействовать введению русской грамоты во вновь отрываемых при мечетях училищах⁴⁰⁹.

К тому же появляется необходимость наблюдения за татарскими школами, которая вызвана тем, что в мусульманской среде к XIX в. начинают наблюдаться антиправительственные настроения. Об этом можно судить из предписаний Томского губернатора бийскому исправнику. В результате проверки, проведенной Министерством народного просвещения, во многих мусульманских школах была обнаружена рукописная литература на татарском языке, в которой содержалось недовольство российским правительством и его политикой в отношении мусульманского населения. Кроме этого, были также обнаружены константинопольские издания, в которых проводятся мысли, прямо враждебные русскому народу и государственным началам. Данная проверка показала, что учителями в мусульманских школах иногда состояли лица, получившие образование за пределами России и даже не имеющие русского подданства⁴¹⁰. Безусловно, такое отношение татарского населения к правительству и русскому народу было обусловлено реакцией на русификаторскую политику царского правительства.

Важно подчеркнуть, что ужесточения правил по организации учебных заведений в конечном итоге привело к ведению тайного обучения, что заставило правительство 3 апреля 1892 г. принять «Временные правила о взысканиях за тайное обучение». Согласно принятому документу виновные подвергались аресту до трех месяцев либо денежному штрафу до 300 рублей⁴¹¹.

Особенно остро с данной проблемой столкнулись мусульманские школы Степного края (Казахстан), где большинство из них работало нелегально⁴¹². Нужно учесть, что государство опасалось вли-

⁴⁰⁶ Бакиева Г.Т. Реформы в системе образования у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. №8. С. 101.

⁴⁰⁷ Нам И.В. Татарские школы в дореволюционном Томске // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) / под ред. Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова. Томск, 2000. С. 74.

⁴⁰⁸ Левашов Д. Е. Этноконфессиональные особенности народного образования в Российской империи начала XX века (на примере Саратовской губернии) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического ун-та. 2010. № 4. С. 135.

⁴⁰⁹ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 607. Л. 5; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1876. Собрание 2. Т. XLIX. С. 834–840.

⁴¹⁰ ГААК. Ф. 181. Оп. 1. Д. 41. Л. 69.

⁴¹¹ Уварова Н.А. Государственная политика в сфере образования на западных окраинах России в конце XIX – начале XX в. как часть национальной политики // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2012. №1. С. 76; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1895. Собрание 3. Т. XII. С. 223–224.

⁴¹² Раздыкова Г.М. Материальное и правовое положение мусульманских школ в Казахстане в конце XIX – начале XX вв. // Источники существования исламских институтов в Российской империи. Казань, 2009. С. 219–220; Блинова О.В. Этноконфессиональные школы Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.: положение и роль учителей и особенности образования // Вестник Омского ун-та. 2010. №2. С. 161.

яния мулл на казахское население, о чем свидетельствует обращение военного губернатора Акмолинской области к семипалатинскому губернатору. Военным генерал-губернатором предлагалось ввести некоторые меры для сокращения влияния мусульманских духовных лиц из татар на казахское население. Для того чтобы оценить всю опасность со стороны духовенства и татар, генерал-губернатором Западной Сибири был сделан запрос семипалатинскому губернатору. В запросе генерал-губернатор просил уточнить программу обучения детей казахов, а также преподавался ли им русский язык. Кроме того, свой запрос губернаторам Томской, Тобольской губерний, а также Семипалатинской и Акмолинской областей направило Министерство внутренних дел, которое просило сообщить сведения о том, как открываются школы при мечетях, кто контролирует данные учебные заведения. В этом запросе просили уточнить, кто именно преподает в мусульманских школах, кто назначал учителей на эти должности и преподается ли в них русский язык⁴¹³. Аналогичный запрос был сделан в 1878 г. томскому и тобольскому губернаторам.

Главное управление Западной Сибири, в свою очередь, просило ускорить предоставление запрашиваемых данных, а томского, семипалатинского и тобольского губернаторов внести свои предложения по организации инородческого образования в управляемых ими губерниях⁴¹⁴. В результате было установлено, что главной проблемой в регионе, отмеченной губернатором Семипалатинской области, являлась малограмотность учителей, деятельность которых к тому же плохо оплачивалась. Более того, русский язык, как правило, не преподавали, поскольку учителя, которые работали в этих заведениях, сами плохо его знали. Отмечалось также, что невозможно провести полностью замену кадрового состава учебных заведений на учителей, которые были бы русскими в этническом отношении, так как в школьной программе предусмотрено изучение мусульманского закона. В то же время признавалось целесообразным введение в штатный состав по одному русскому учителю. Относительно степени контроля над такими школами было установлено, что его фактически нет, так как эти школы содержались на добровольные пожертвования.

В результате анализа собранной информации был сделан вывод о том, что преподавание русского языка следует вводить с помощью Оренбургского магометанского духовного собрания, а не местной полиции, как это было предложено акмолинским военным губернатором⁴¹⁵. О сложностях в преподавании русского языка в мусульманских школах сообщал и томский губернатор, поскольку имеющиеся учителя из инородческой среды плохо им владеют. При этом губернатор подчеркивал, что в Томской губернии все учителя в мусульманских школах утверждаются Оренбургским магометанским духовным собранием и указом Томского губернского правления⁴¹⁶.

В 1897 г. были приняты Примерные программы предметов, преподаваемых в начальных народных училищах, которые предусматривали 45% учебного времени отвести на религиозное образование. Указанные меры свидетельствовали о консервативной линии, выбранной правительством в организации школьной системы⁴¹⁷. Следует подчеркнуть, что вмешательство Русской православной церкви в дела образования при поддержке правительства наиболее хорошо видно на примере создания учебных заведений во второй половине XIX в. для населения, проживающего на окраинах Российской империи. В обязанности миссионеров, проповедующих среди населения Киргизской степи (Казахстана), входило создание учебных заведений и приютов, находившихся в ведении Министерства народного просвещения, для приобщения казахского населения к русской культуре, а в дальнейшем и к полному их обрусению⁴¹⁸.

На протяжении XIX – начала XX в. правительство стремилось установить контроль над национальным образованием, подчинив всю эту систему государственным интересам. В этот период было

⁴¹³ ИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 8–9.

⁴¹⁴ ИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 10–14.

⁴¹⁵ ИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 23–26об.

⁴¹⁶ ИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 18–20.

⁴¹⁷ Богуславский М.В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // Вопросы образования. 2006. №3. С. 14.

⁴¹⁸ Стурова М.В. Конфессиональная доминанта в интеграции славянского населения: церковно-школьное строительство в Степном крае (80-е гг. XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского гос. ун-та. 2014. №4. С. 214–215; Она же. Система начального школьного образования в Степном крае во второй половине XIX – начале XX века: этноконфессиональный аспект : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 220 с.

принято четыре закона о просвещении нерусских народов. На последний из этих законов от 14 июня 1913 г. – «Правила о начальных училищах для инородцев» – и опирается И.В. Нам, говоря о том, что имперская власть строго отслеживала, какие предметы и кем преподаются, а также кто имеет право получать образование. Так, в русско-татарских школах «...обучаться должны исключительно дети татар-мусульман, а не других народностей, как башкиры, киргизы (казахи), сарты и т.п.»⁴¹⁹.

Особое внимание государство уделяло татарскому населению Сибири. Именно в нем из всей среды мусульманского населения Российской империи оно видело угрозу власти. Считалось, что татары, населяющие Западную Сибирь, которая граничит с подвластной России Киргизской степью, способствовали воспитанию в киргизах (казахах) религиозного фанатизма. Предотвратить это влияние было возможно только с введением русского языка в учебных заведениях. Так, именно инициатива введения русского языка и овладение им мусульманским населением стала основной проблемой, стоящей перед государством. В отчете министра народного просвещения по осмотру Оренбургского учебного округа, предоставленного генерал-губернатору Западной Сибири, говорится о следующих проблемах. Фанатичные ученики медресе переселяются из Западной Сибири в северную Киргизскую степь и живут там под видом кузнецов, что приводит к отатариванию казахского населения. Кроме того, по мнению министра, употребление татарского языка, а также работу татарских переводчиков в Степи можно рассматривать как административную ошибку⁴²⁰. Для того чтобы приостановить нежелательные для правительства процессы, военный губернатор Акмолинской области в предложениях, хранившихся под грифом «секретно», писал о необходимости внедрения русского алфавита в Киргизской степи, а также об ограничении просветительской деятельности татар среди местного населения. Губернатор видел решение этого сложного вопроса в постепенном и осторожном введении данной политики, поскольку мусульманское население было склонно к религиозному фанатизму⁴²¹.

Нельзя не отметить, что реализации образовательных задач в отношении инородческого населения должна была способствовать и деятельность Духовной миссии Русской православной церкви. Последняя была заинтересована в создании в Киргизской степи православных школ, которые постепенно вытеснили бы мусульманские образовательные учреждения и, соответственно, помешали бы «омусульманиванию» Степи⁴²².

Изложенная образовательная политика вызывала справедливые опасения со стороны части населения региона, исповедующего ислам. Особенно настороженно оно относилось к русско-татарским школам. Здесь переплелись воедино разные факторы. С одной стороны, боязнь крещения из-за русификаторской политики царского правительства, а с другой – агитация мулл и вековое недоверие мусульман к русским властям как колонизаторам. Особые требования выдвигались и к учителям. Во-первых, они должны были, кроме русского языка, владеть татарским или казахским, а также не иметь духовного звания. В наиболее жесткой форме это требование применялось к учителям мусульманского закона и татарского языка⁴²³. Это связано с убеждением имперской власти в том, что в данных школах часто ведется обучение мусульманскому праву. При этом при проведении занятий основное учебное время отведено молитвам на татарском языке, а не наукам. Образование в таком виде никак не могло способствовать обрусению мусульманского населения⁴²⁴.

Важно обратить внимание на то, что данные о количестве мусульманских школ, числе учеников и средствах их содержания не всегда были доступны местному руководству. Об этом можно судить

⁴¹⁹ Нам И.В. Татарские школы в дореволюционном Томске // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) / под ред. Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова. Томск, 2000. С. 82; Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Мусульманское образование в Западной Сибири в XIX – начале XX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2011. №4/1(72/1).

⁴²⁰ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 597.

⁴²¹ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 597. Л. 22–22об.

⁴²² Маняхина М.Р. Просветительская деятельность Алтайской духовной миссии // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы научно-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Барнаул, 2001. Вып. 4. С. 263; Шершнева Е.А. Проблемы реформирования мусульманского образования в Российской империи в начале XX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2012. №4/1 (76).

⁴²³ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 17. Л. 65.

⁴²⁴ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 505.

из письма, присланного на имя главного инспектора училищ Западной Сибири, высланного департаментом Министерства народного просвещения. По данным, предоставленным в Департамент народного просвещения, на 1 января 1877 г. в Акмолинской области насчитывалось 17 низших мусульманских учебных заведений, в Тобольской губернии – 30, в Томской – 4 и в Семипалатинской области – 11. Кроме того, имелась также одна киргизская (казахская) школа в Омске, насчитывающая 25 учеников⁴²⁵. Первые русско-киргизские (казахские) школы, где главным условием было обучение казахских детей русским учителем, появились в Семипалатинской области в 1867 г. В эту школу набирали по два мальчика с волости. Однако наряду с казахами в школу принимались и вольноприсланные ученики из русского населения. Первое мусульманское (позже русско-татарское) училище было открыто в Томске в 1876 г. К 1912 г. в городе действовало уже 4 татарских училища, на содержание которых город выделял 300 рублей. В училищах была открыта отдельная комната для пятикратного намаза⁴²⁶. При этом единых правил в отношении объема курсов и продолжительности обучения выработано не было, что давало возможность на местах формировать учебную программу в соответствии с задачами образовательной и религиозной политики Российской империи.

В то же время проконтролировать деятельность данных школ, а также оценить, насколько составленная ими программа соответствует интересам государства, не представлялось возможным. Связано это было с удаленностью учебных заведений и недостаточностью средств для их проверки. В частности, например, надзор за Кокпектинской школой возложили на зайсанского пристава.

Однако возникающие трудности не могли остановить образовательной реформы, начатой правительством. В 1870 г. появляется еще одна школа в Семипалатинске, образованная по образцу Кокпектинской школы. К 1874 г. на территории Семипалатинской области действовало четыре школы с интернатами. Обучение русскому языку и грамоте осуществлялось в местных приходских училищах Министерства народного просвещения⁴²⁷. Кроме школ, учрежденных при мечетях и находящихся вне всякого влияния правительства, создавались школы по распоряжению военного губернатора. Данные учебные заведения также недолгое время находились в юрисдикции Министерства народного образования, а управлялись приставом. Материальное оснащение подобного рода учебные заведения получали от мусульманского общества⁴²⁸.

В отличие от русских школ, мектебы и медресе практически полностью содержались за счет самого мусульманского населения. Дело в том, что, согласно различным правилам и инструкциям, мусульманские школы могли финансироваться лишь при условии открытия при них русских классов и подчинения их Министерству народного просвещения. Однако даже открываемые русско-татарские и русско-киргизские школы в реальности все равно содержались за счет общин либо пожертвований. Подтверждением принципа финансирования учебных заведений за счет самих обучающихся является, например, отчет на имя петропавловского полицмейстера от 1875 г., в котором указывается, что существующее в городе мусульманское училище находилось под наблюдением указных мулл, а содержание их производилось преимущественно за счет учащихся⁴²⁹.

В процессе изучения положения русско-татарских школ в Тобольской губернии, а также отношения в них к русским учителям было установлено, что тюменские татары относились к школе с доверием и ждали от нее для себя помощи в знании русского языка. Такая позиция традиционных народов региона объясняется тем, что большинство из них являлись служащими в промышленных учреждениях, где знание русского языка крайне необходимо. Было также замечено, что к учителю русского происхождения татары относились бы недоверчиво. Ходатайствуя об открытии школы, татары убедительно просили назначать им учителя также из татар. В противном случае число учащихся было бы

⁴²⁵ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 725. Л. 1–2; Приложение 4.

⁴²⁶ Томские татары в прошлом и настоящем: сб. док. / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2000. С. 40; Гарипов М.М. К истории ислама и образования в Томской губернии // Ислам в культурном ландшафте России: история и современность. Томск, 2002. С. 218.

⁴²⁷ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 507.

⁴²⁸ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 505. Л. 8.

⁴²⁹ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 505. Л.17; Кобзев А.В. Мусульманская община как центр организации обучения и воспитания (по материалам Симбирской губернии XIX – начала XX века) // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.). Казань, 2006. С. 227.

сравнительно небольшим. Кроме того, община считала содержание школы наиболее уместным именно за счет средств государства. Инспектор при проведении проверки также подчеркнул, что тюменские татары имеют большое стремление в устройстве подобного рода школ, которые весьма способствуют сближению инородцев с русским населением. Однако деревенские татары опасались школы, которая может затронуть их религию. В этой связи инспектор разъяснял татарам, что обучение не предусматривает изучения немусульманской веры. Это вызвало положительную реакцию и стремление подготовить ходатайство об открытии таких школ.

В определенной степени свободные в своих суждениях городские татары очень упорно добивались открытия Тюменской русско-татарской школы. Однако, как это часто и бывало, они не представляли собой организованного общества. К тому же содержание данной школы за средства общины было весьма затруднительным. Вследствие проверки было установлено, что городская управа не считала своей обязанностью давать средства на содержание татарской школы. Кроме того, выяснилось, что школа в Тюмени открыта городским управлением в порядке создания школьной сети, но с тем условием, что город будет давать только жалование учителям, а содержать школу должны местные татары. По просьбе татар помещение для школы на время бесплатно предоставил тюменский купец А.И. Текутьев. Отопление помещения и прислуга финансировались за счет благотворителей. В то же время комиссия, которая занималась изучением системы народного образования в Тобольской губернии, отметила, что данная система управления школьным образованием являлась крайне непрочной, и сама община может привести учебное заведение только к упадку⁴³⁰.

Важно подчеркнуть, что обеспокоенность правительства в отношении зарождающейся в начале XX в. политической активности в мусульманской среде побудила приступить к активному реформированию системы конфессионального образования. В 1904 г. Министерством народного просвещения была организована комиссия по изучению состояния народного образования, возглавляемая тайным советником А.С. Буделовичем. По итогам проведенной проверки в мае 1905 г. состоялось собрание, на котором решался вопрос дальнейшего отношения правительства к системе инородческого образования: следует ли придерживаться политики невмешательства либо необходимо активно оказывать влияние на формирование системы мусульманского образования, но не вторгаясь в область религиозных убеждений⁴³¹. Правительством было принято решение занять все-таки активную позицию, итогом которой стали Правила о контроле Министерством народного просвещения начальных училищ для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России от 31 марта 1906 г.

Представителями мусульманского общества данные правила были восприняты крайне враждебно. В них видели способ искусственного приобщения мусульманского народа к русской культуре. Мусульманская общественность считала, что следовало принять во внимание уже существующие учебные заведения, такие как медресе и мектебе. Программы данных учебных заведений основывались на национальной литературе и достаточно высокой, по сравнению с другими инородцами, культуре. Правила в отношении мусульманских школ должны резко отличаться от правил формирования школ других инородцев, не имеющих ни своей литературы, ни стройной системы, стоящих значительно ниже по уровню образованности, чем мусульмане.

В этой связи мусульмане требовали, чтобы для них были составлены особые правила. Существующие на протяжении длительного времени мусульманские школы, по их мнению, не могут соответствовать предложенным правительством предписаниям. По правилам 31 марта 1906 г. ученик получает отрывочные знания по всем предметам, которые, как полагала мусульманская общественность, не помогают ему бороться с деревенской нуждой. Считая задачи мусульманской школы священно-религиозными, традиционное мусульманское общество не может их передать в ведение неизвестных чинов Министерства народного просвещения. Данные школы могут подчиняться только ведению Оренбургского

⁴³⁰ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 5. Оп. 1 Д. 77.

⁴³¹ Бурдина Е.Л. Позиции российского правительства по вопросу «инородческого» образования в начале XX в. // Вопросы образования. 2007. №3. С. 278–279.

магометанского духовного собрания, соответственно, ни о каком совмещении со светской школой здесь не может быть и речи. Мусульманская общественность обратила внимание на такой предмет, как пение, который вообще не дает никакой пользы в деле образования мусульманского юношества. Решение в данном споре представители мусульманской общественности видели в некотором сокращении срока обучения в конфессиональной школе, а затем поступлении в гимназии, реальные училища и университеты, где мусульманскому населению должна даваться льгота по возрасту. Для мусульман важнее было устройство сельскохозяйственных и технических школ, которые позволят им приспособиться к условиям жизни⁴³².

Представителями мусульманской общественности было составлено обращение к царскому правительству, в котором очень подробно рассматривались те пункты Правил 31 марта 1906 г., которые особенно противоречили мусульманскому устройству жизни. Согласно п. 2 указанных правил начальные училища направлены на содействие нравственному и умственному развитию традиционных народов региона, улучшению их быта, а также на распространение знания русского языка и «сближение их с русским народом на почве любви к общему Отечеству»⁴³³. Однако в такой ситуации сразу же возникают противоречия, ведь за шесть лет обучения инородцам не дают знаний по земледелию или технике, поэтому о каком улучшении жизни можно говорить? Исключение родного языка из программы данных школ также свидетельствует о потере связи с родной культурой и религией. Обращаясь ко второй части данного пункта, следует обратить внимание на то, что на территории Российской империи проживали не только российский народ, но и другие этносы. Соответственно, правомернее было бы говорить о сближении со всеми народами, населяющими полиэтничное государство. Вся формулировка данного пункта обвиняет мусульманское население в невежестве и неприязненном отношении к коренному русскоязычному населению и нелюбви к Отечеству⁴³⁴. Классные училища, по мнению авторов данного обращения, следует заменить профессиональными школами. На этом должен быть сделан акцент в п. 5 Правил⁴³⁵. В п. 7 остро встает вопрос о преподавании родного языка. Авторы обращения говорили о тенденциозности этих правил, связанных с несоразмерностью времени, отведенной на изучение русского и родного языков. Особенно много споров вызвал п. 13 Правил от 31 марта 1906 г., в котором говорилось: «Для облегчения учащимся инородцам перехода к изучению русского языка учебные книги и пособия печатаются на инородческом наречии русскими буквами; для народностей, имеющих национальный алфавит, книги эти печатаются по двойной транскрипции – русской и инородческой. Учебные книги и пособия издаются с переводом на русский язык или без перевода»⁴³⁶.

Следует отметить, что введение русского алфавита рассматривалось мусульманами сибирского региона как искоренение арабского языка. Связано это и с тем, что мусульмане имели свою литературу, написанную на арабском языке, которую следовало изучать в школах. Арабский язык считается священным, так как это язык священного писания мусульман – Корана, поэтому данная мера рассматривалась как ущемление религиозных прав инородческого населения⁴³⁷. Принятыми Правилами запрещалось употребление в школах литературы, изданной за пределами страны, что рассматривалось как «бесцельно-стеснительное» правило, так как все книги, ввозимые в Российскую империю, подвергались цензуре.

Однако следует отметить, что Правила о начальных училищах для инородцев опирались на привлечение мусульманского населения в консолидацию российского общества не через воздействие на религиозные убеждения инородцев, как предусматривалось разработанной Н.И. Ильминским системой школьного образования для традиционных народов, а через внедрение русского языка⁴³⁸. В результате недовольства принятыми Правилами представители мусульманской фракции подали на рассмотрение Государственной

⁴³² ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 95–97.

⁴³³ Эхо веков: научно-документальный журнал. 2005. №1. URL: <http://www.protas.ru/magazine/go/anonymous/main/>.

⁴³⁴ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 97–98.

⁴³⁵ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 98.

⁴³⁶ Эхо веков: научно-документальный журнал. 2005. №1. URL: <http://www.protas.ru/magazine/go/anonymous/main/>.

⁴³⁷ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 99–100.

⁴³⁸ Духовные ценности ислама и образование: историко-культурная традиции и современность / отв. ред. С.С. Аванесов, Т.А. Костюкова. Томск, 2008. С. 78.

Думы прошение об отмене Правил от 31 марта 1906 г.⁴³⁹ Благодаря активной позиции мусульман страны 1 ноября 1907 г. были приняты новые Правила о начальных училищах для инородцев. В новой редакции Правил были сделаны значительные уступки в вопросе языка обучения. По этому документу разрешалось использовать родной язык в качестве подсобного языка после двух лет пребывания в школе⁴⁴⁰.

Анализируя данные правила, муфтий М. Султанов обратился к министру народного просвещения с просьбой передать мектабе и медресе в ведение Оренбургского магометанского духовного собрания. Тем более, что в школах все мугалимы, за исключением вагайских и казанских школ, где учат сами указные муллы, никем не назначены, а обучают детей под наблюдением мулл учителя, приглашенные общиной зачастую из-за границы⁴⁴¹.

Необходимость реформирования системы школьного инородческого образования видел и министр народного просвещения граф И.И. Толстой, который занимал этот пост с октября 1905 г. по апрель 1906 г. Он выступал как сторонник равноправия всех национальностей и противник существующей системы русификации через школу. И.И. Толстой допускал преподавание на родном языке в начальной школе, но русский язык, по его мнению, в подобном рода учебных заведениях должен был стать обязательным предметом. Частные школы, в которых преподавание велось на родном языке, не обладали теми же правами, что и правительственные учебные заведения. В 1905 г. министром был издан циркуляр, по которому лицам мусульманского вероисповедания, получающим высшее образование, разрешалось получать пособия и стипендии⁴⁴².

Однако не следует видеть в мусульманской системе образования строгий традиционализм. Безусловно, традиционно настроенное духовенство всячески стремилось препятствовать внедрению русского языка в мусульманское образование, в связи с чем муфтию приходилось даже разъяснять пользу и важность изучения русского языка⁴⁴³. Однако попытки реформирования мусульманских учебных заведений по европейской системе образования относятся еще к началу XIX в. В 1818 г. муфтий М. Хусаинов и профессор Казанского университета П.С. Кондырев предложили перестроить систему мусульманских школ таким образом, чтобы учащиеся в них получали не только духовное, но и светское образование⁴⁴⁴.

В начале XX в. в мусульманской среде появляются тенденции на реформирование образовательной системы. Представители прогрессивных взглядов видели необходимость в приспособлении мусульманского населения к современным условиям жизни. Таких прогрессивных взглядов придерживался И.Б. Гаспринский, посвятивший всю свою жизнь проблемам мусульманского образования в России. Им была разработана новая система мусульманского образования, которая получила в дальнейшем название новометодных школ.

В результате преобразований мусульманской системы образования произошло упорядочивание организации учебного процесса в мектебе и медресе. Был установлен твердый учебный год, осуществлялся переход к классово-урочной системе, вводились расписание занятий, экзамены, ограничивалось применение телесных наказаний. Таким образом, «новый метод» преобразовывал архаичную мусульманскую школу в европейскую⁴⁴⁵. Именно в стенах новометодных школ в первые полтора десятилетия XX в. зародилась новая прослойка мусульманской интеллигенции⁴⁴⁶.

⁴³⁹ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 115–117об.

⁴⁴⁰ Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 132; Гатин А. «Бюрократия нас уничтожит, сотрет нашу религию и нацию...» (Проблема образования татар в дискуссиях в начале XX в.) // Эхо веков: научно-документальный журнал. 2005. № 1. URL: <http://www.archive.gov.tatarstan.ru> (дата обращения: 25.10.2014).

⁴⁴¹ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 2. Оп. 1. Д. 182.

⁴⁴² Бабин В.Г. Национальный и вероисповедный вопросы в школьной политике министра народного просвещения графа И.И. Толстого. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-455441.html>.

⁴⁴³ Духовные ценности ислама и образование: историко-культурная традиции и современность / отв. ред. С.С. Аванесов, Т.А. Костюкова. Томск, 2008. С. 51.

⁴⁴⁴ Гафаров А.А., Гафаров А.Н. Колониальная аккультурация традиционного уклада мусульман Российской империи // Вестник Казанского технического ун-та. 2012. Т. 15. №17. С. 297.

⁴⁴⁵ Бакиева Г.Т. Реформы в системе образования у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. №8. С. 103; Шершнева Е.А. Проблемы реформирования мусульманского образования в Российской империи в начале XX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2012. №4/1 (76).

⁴⁴⁶ Прахт Д.В. Традиционное образование мусульманской России на рубеже XIX–XX вв. // Религиоведение. 2011. №1. С. 34; Закиров Р. Национальное образование у татар и образовательное пространство России // Высшее образование в России. 2007. №2. С. 173.

О стремлении просвещенного мусульманского населения к реформированию системы конфессионального образования говорил и статский советник, директор народных училищ А.Е. Алекторов. Целью «прогрессивистов» стало стремление к приближению мусульманских школ к европейскому уровню. Они выступали за введение светских наук в курс медресе, однако при этом духовная составляющая должна оставаться прежней⁴⁴⁷. Особое внимание в этих учебных заведениях уделялось языку, на котором велось преподавание. И.Б. Гаспринский признавал необходимость общегосударственного языка (русского) в системе высшего образования. Однако для начальной школы им виделось более полезным использование родного языка. Вместо зубрежки русских слов обучающиеся могли «приобрести общеобразовательные сведения и некоторые прикладные знания, подвергаясь в то же время воспитательному влиянию»⁴⁴⁸. Таким образом, в Уставе Томского общества мусульман-прогрессивистов (1909 г.), целью которого было содействие в улучшении жизни мусульманского населения, было записано, что общество содействует улучшению существующих русско-мусульманских школ, мектебе, медресе и, с соблюдением установленных узаконений, открывает новые училища – как образовательного, так и профессионального характера, учебные мастерские, образцовые фермы полевого и молочного хозяйства, выдает пособия учащимся⁴⁴⁹. Однако, выступая за реформирование системы мусульманского образования, наиболее прогрессивные представители мусульманского населения стремились сохранить религиозную основу старой образовательной системы.

С появлением в конце XIX в. новометодных школ связано возникновение систематически организованного женского образования. В этот период при крупных школах открываются женские отделения. Девочки в подобного рода школах получали знания по истории и теории ислама, а также по общеобразовательным предметам⁴⁵⁰. Таким образом, первая мусульманская женская школа в Томске была открыта в 1909 г., а вторая – в 1910 г.⁴⁵¹

Однако надо отметить, что даже во второй половине XIX в. не все мусульманское население было настолько прогрессивно в своих взглядах и в осознании необходимости учета государственных интересов. Мусульманские муллы часто проводили агитационную работу среди населения, убеждая его в том, что введение светских предметов в медресе и мектебе приведет к русификации. В связи с этим обучение в мусульманских учебных заведениях по-прежнему велось на арабском языке, а родной язык вообще оказывался на третьем месте после арабского и русского. Такое положение дел в целом негативно сказывалось на уровне образования⁴⁵².

В 1913 г. на I Всероссийском съезде по народному образованию были сформулированы условия развития национальных школ, которые можно свести к следующим позициям. Во-первых, должны быть отменены все национальные и религиозные ограничения. Во-вторых, преподавание должно вестись на родном языке. И, в-третьих, необходимо предоставить право частным лицам и обществам открывать школы и содержать их⁴⁵³. Однако правительство не устраивала такая система народного образования, так как в этом случае контроль за народными школами затруднялся. К тому же, как правило, в них преподавали приглашенные учителя. К началу XX в., по сведениям Министерства внутренних дел, на территории страны получают известность мугалимы – учителя, получившие образование за границей и не подвергавшиеся проверке в Российской империи, которые занимались образованием бесконтрольно.

⁴⁴⁷ Нам И.В. Татарские школы в дореволюционном Томске // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) / под ред. Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова. Томск, 2000. С. 78; Прахт Д. В. Традиционное образование мусульманской России на рубеже XIX–XX вв. // Религиоведение. 2011. № 1. С. 34.

⁴⁴⁸ Гаспринский И.Б. Русское мусульманство // ЭО. 1992. №6. С. 111; Алов А.А., Владимиров Н.Г. Ислам в России. М., 1996. С. 53–55.

⁴⁴⁹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2508. Л. 68; Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996. С. 137.

⁴⁵⁰ Валеева А.Ф. К вопросу о женском образовании в мусульманских школах в Сибири в XIX – начале XX в. (до Октябрьской революции) // Ислам, общество, культура : материалы Междунар. науч. конф. «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (к 600-летию ислама в Сибири)» / отв. ред. Н.А. Томилов. Омск, 1994. С. 39.

⁴⁵¹ Гарипов М.М. К истории ислама и образования в Томской губернии // Ислам в культурном ландшафте России: история и современность. Томск, 2002. С. 219.

⁴⁵² Ермолов В.А. Особенности системы образования в национальных школах Российской империи: мусульманские и еврейские школы // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. №4. С. 103.

⁴⁵³ Нам И.В. Татарские школы в дореволюционном Томске // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) / под ред. Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова. Томск, 2000. С. 79.

Кроме того, по мнению Министерства внутренних дел, они могли угрожать интересам государства⁴⁵⁴. В 1905 г. правительство было вынуждено обратиться к Оренбургскому магометанскому духовному собранию с просьбой издать Циркулярное предписание. Данным указом духовенству, подведомственному Оренбургскому магометанскому духовному собранию, запрещалось выдавать какие-либо свидетельства лицам иностранного происхождения, выдающих себя за святых и ведущих просветительскую деятельность на территории империи во избежание нарушения государственного порядка⁴⁵⁵.

Получившие распространение в начале XX в. новометодные школы мало чем отличались от гимназий. К 1910 г. они реализовывали программу светского учебного заведения, заменяя изучение греческого и латинского языков арабским и персидским языками⁴⁵⁶. По мнению правительства, данные школы порождали новое поколение мусульманской интеллигенции, которое вызывало определенное опасение в среде царской администрации. В связи с этим в 1912–1913 гг. имперские власти приходят к выводу о необходимости ограничения преподавания родного языка в школах, так как это способствовало «пробуждению национального самосознания»⁴⁵⁷. Министр народного просвещения Л.А. Кассо считал, что «допущение инородческого языка при преподавании не способствовало ни интересам государства, ни достоинству русского языка, как языка государственного»⁴⁵⁸. К середине второго десятилетия XX в. усиливается контроль за деятельностью мусульманских школ. Важным положением и, пожалуй, нововведением стала организация общего руководства всеми училищами «инородцев», как казенными, так и частными, вне зависимости от того, кем они содержатся (на средства казны или учреждений и частных лиц). Теперь руководство возлагалось на инспекторов инородческих училищ и местные органы Министерства народного просвещения, т.е. было подконтрольно государству⁴⁵⁹. В 1915 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий потребовал предоставить Оренбургскому магометанскому духовному собранию книги и программы преподавания, используемые для обучения в начальных мусульманских школах, одобренных данным духовным учреждением⁴⁶⁰.

С 1909 г. правительство начинает активную кампанию по закрытию новометодных школ⁴⁶¹. Число зарегистрированных мусульманских школ, которые ввели классы русского языка и преподавание общеобразовательных предметов, росло очень медленно. Многие мусульманские общества отказывались от введения в своих школах государственного языка. К тому же не хватало учителей, имеющих свидетельство на звание учителя начальных училищ. Перед такой проблемой встало в 1913 г. Барнаульское мусульманское общество, где было открыто три начальных школы, но не имелось преподавателей⁴⁶².

Наличие мусульманских школ крайне беспокоило Российское правительство во второй половине XIX – начале XX в., о чем свидетельствуют архивные материалы. Так, в 1913 г. Тобольским полицмейстером под грифом «секретно» был направлен рапорт на имя Тобольского губернатора, в котором сообщалось, что в предоставленном списке мусульманских школ имеется учебное заведение, открытое мусульманским обществом 26 марта 1886 г. и относящееся к начальным школам. Существовало данное учебное заведение без разрешения и содержалось на средства общины, которая и контролировала его деятельность. Полицейстер отмечал, что преподавание в школе велось на арабском языке, хотя есть среди предметов и русский язык⁴⁶³.

⁴⁵⁴ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 53.

⁴⁵⁵ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 263–263об.

⁴⁵⁶ Духовные ценности ислама и образование: историко-культурная традиции и современность / отв. ред. С.С. Аванесов, Т.А. Костюкова. Томск, 2008. С. 61.

⁴⁵⁷ Нам И.В. Татарские школы в дореволюционном Томске // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) / под ред. Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова. Томск, 2000. С. 84.

⁴⁵⁸ Нам И.В. Татарские школы в дореволюционном Томске // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) / под ред. Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова. Томск, 2000. С. 82.

⁴⁵⁹ Бурдина Е.Л. Позиции российского правительства по вопросу «инородческого» образования в начале XX в. // Вопросы образования. 2007. №3. С. 280.

⁴⁶⁰ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 55.

⁴⁶¹ Нам И.В. Татарские школы в дореволюционном Томске // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) / под ред. Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова. Томск, 2000. С. 84.

⁴⁶² ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 2508. Л. 36–36об., 52–52об., 54.

⁴⁶³ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 417. Оп. 1. Д. 589. Л. 40.

Следует подчеркнуть, что вопрос о разрешении на открытие учебных заведений мусульманского вероисповедания был одним из важнейших, так как в начале XX в. в результате переписи всех школ в Тобольской губернии было установлено, что только одна школа в Ишимском уезде, а именно в д. Мавлютке, открыта с разрешения государственных органов. Все же остальные школы действуют с давнего времени без разрешения. Следует заметить, что мусульманские школы в указанной губернии можно отнести к начальным одноклассным школам, состоящим в большинстве случаев при мечетях и содержащимся на средства местных мусульманских сельских общин. Заведовали школами и преподавали в них, причем на татарском языке, имамы и муллы. Только в одной мусульманской школе в Тобольске было введено преподавание русского языка⁴⁶⁴.

Необходимо подчеркнуть, что правительство было крайне озабочено устройством мусульманских школ, особенно их благонадежностью, тем более, что часть школ, как было уже замечено, открыта мусульманами самовольно, без разрешений от губернских властей. Так, в 1878 г. тобольскому губернатору под грифом «секретно» были донесены сведения о вредном влиянии духовных лиц на саму мусульманскую общину и возбуждении в ней религиозного фанатизма. В результате данного донесения окружным исправникам было дано распоряжение собрать сведения о том, каким образом при татарских мечетях открываются школы, а также кто за школами имеет наблюдение⁴⁶⁵. Из приведенных данных можно сделать вывод о том, что правительство не в состоянии было полностью контролировать устройство духовной жизни общины. Так, согласно сведениям, полученным от исправников в Таре, имеется одно училище, открытое без разрешения и содержащееся купцом Айтылкиным на завещанные отцом средства. Учителем в этом училище состоял окружной мулла Сайтыков, определенный на должность Оренбургским магометанским духовным собранием. Кроме того, было отмечено, что школы при мусульманских мечетях открываются довольно часто, однако разрешения на их открытие мусульмане не получают⁴⁶⁶. Тюменский окружной исправник рапортовал, что все школы открыты в его округе при мечетях еще с незапамятных времен, никаких бумаг, подтверждающих их открытие, нет⁴⁶⁷. По запросу о наблюдении за данными школами все исправники отмечали, что никакого особого надзора за этими учебными заведениями также не ведется.

Государственные органы различного уровня неоднократно запрашивали у местных властей сведения о наличии мусульманских учебных заведений, а также информацию о том, каким образом они открывались и за чей счет содержались. Так, в 1855 г. министром внутренних дел было направлено предписание начальнику Тобольской губернии с запросом о наличии мусульманских школ. На данный запрос было дан ответ, что основная масса школ открывалась без веденья властей, а содержание их ведется полностью на средства самой общины. Было также отмечено, что данные учебные заведения никакому ведомству не принадлежат⁴⁶⁸.

В начале XX в. по инициативе мусульман создаются, в том числе в Западной Сибири, Общества попечения об учащих-мусульманах. Примером данного явления служит общество, открытое в 1907 г. при мектебе в Омске. Данные общества имели право на приобретение литературы для обучения, содержание здания школы и учителя. Кроме того, они оказывали материальную поддержку учащимся. Решалось также оказывать помощь способным, но бедным ученикам для дальнейшего продолжения образования⁴⁶⁹. Факт оказания состоятельной мусульманской общественностью поддержки развития школьного образования подтверждается, например, выделением казаками 40 тысяч рублей в честь столетия Внутренней Киргизской орды на учреждение стипендий учащимся. Однако в распоряжение данными средствами вмешалось Министерство внутренних дел и окружное учебное начальство, считав-

⁴⁶⁴ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 417. Оп. 1. Д. 589. Л. 50–50об.

⁴⁶⁵ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 152. Оп. 33. Д. 135. Л. 1–1 об.

⁴⁶⁶ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 152. Оп. 33. Д. 135. Л. 17–18.

⁴⁶⁷ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 152. Оп. 33. Д. 135. Л. 31–31об.

⁴⁶⁸ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 152. Оп. 31. Д. 1146.

⁴⁶⁹ Раздыкова Г.М. Материальное и правовое положение мусульманских школ в Казахстане в конце XIX – начале XX вв. // Источники существования исламских институтов в Российской империи. Казань, 2009. С. 225.

шие, что целесообразнее потратить данные средства на начальное образование в Киргизской орде⁴⁷⁰. В целом, в уставах учебных заведений прописывалось, что выделение стипендий учащимся полностью доверялось попечителям учебных округов⁴⁷¹.

Таким образом, мусульманское образование в Западной Сибири мало чем отличалось от конфессионального неправославного образования всей России. Существенная роль в реализации новой школьной политики во второй половине XIX в. отводилась самим мусульманам. Меры по реформированию системы национального образования, принимаемые правительством, вызывали лишь негативную реакцию со стороны инородческого населения. Несмотря на активное противостояние государственных властей и традиционного мусульманского общества, к началу XX в. назрела проблема реформирования национального школьного образования. В этой связи имперские власти не всегда действовали последовательно. Наряду с отказом от системы Н.И. Ильминского с начала второго десятилетия XX в. велась активная борьба с мусульманскими школами нового типа. После смерти Н.И. Ильминского систематическая целенаправленная деятельность миссионеров потеряла свою масштабность, хотя совсем не прекратилась⁴⁷². Не было единства по вопросам реформирования системы образования и в мусульманской среде. «Традиционалисты» придерживались позиции, что любые реформы мусульманского образования, которое основывается на нормах Корана, приведут к потере нравственности в мусульманской среде. Политика государства в отношении контроля учебных заведений оставалась непродуманной, что также не способствовало созданию новой системы школьного образования. Несмотря на все усилия правительства, реформирование мусульманского образования не дало ожидаемых результатов. Позиции мусульманских учебных заведений в силу особенностей религиозного сознания, национальных традиций оставались достаточно прочными.

3.2. Аграрная политика государства в отношении мусульманских народов

С того момента, как Сибирь вошла в состав Российского государства, началось тесное взаимодействие аборигенного населения региона с русскими. На первых порах применительно к народам Сибири правительство ограничивалось обложением местного инородческого населения данью (ясаком) в пользу государства. По мере вхождения аборигенного населения в систему государственных, экономических и иных связей на них начинали распространяться и другие виды повинностей, которые ничем не отличались от обязанностей крестьянского населения страны⁴⁷³. В XIX в. правительство активно начинает использовать новые методы, а именно политико-административные и экономические, для вовлечения инородческого населения в государственную систему страны.

На протяжении XVII–XIX вв. главное отличие аборигенов Сибири от прочих слоев населения России крылось в их особых правах и обязанностях, тем самым фиксируя их сословную принадлежность. Основную массу татарского населения Западной Сибири до реформ М.М. Сперанского в 60-х гг. XIX в. составляли ясачные – рядовые общинники, которые владели своими орудиями труда и самостоятельно вели свое хозяйство⁴⁷⁴. С точки зрения Л.И. Шерстовой, реформа М.М. Сперанского внесла в понимание этого термина этнический оттенок. Именно усилившееся во второй половине XIX в. переселенческое движение придало понятию «инородец» более этническую окраску⁴⁷⁵. Но все

⁴⁷⁰ Тарабановская Е.А. Элементы общественного управления в системе национального образования в России начала XX века (на примере обучения казахов в Астраханской школе фельдшеров и фельдшерц-акушеров) // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8, №1/1. 2016. С. 194.

⁴⁷¹ Сафина Е.А. Роль общественности в функционировании народного образования Российской империи // Вестник УГУЭС. 2016. №1(15). С. 127.

⁴⁷² Нафигов Р.И. Н.И. Ильминский – кто он на самом деле? // Исламско-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения / под ред. Я.Г. Абдуллина. Казань, 1994. С. 129.

⁴⁷³ Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, М.М. Дамешек, В.П. Зиновьев и др. М., 2007. С. 203; Дамешек Л.М. Проблемы интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII – начала XX в. // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв. : материалы конф. / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2003. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/index.html>.

⁴⁷⁴ Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1992. С. 130.

⁴⁷⁵ Шерстова Л. И. Аборигены южной Сибири в контексте российской модернизации начала XX в.: выбор пути // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.: материалы конф. / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2003. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/index.html>; Соколовский С.В. Образы других в российской науке, политике и праве. М., 2001. С. 48.

же на протяжении XIX столетия определяющим оставался «сословно-показательный» смысл слова «инородец».

Реформы 60-х гг. XIX в., направленные на решение проблем преодоления феодально-крепостнических отношений, не могли обойти стороной и традиционное население Сибири. Главной задачей государства в этот период является приобщение инородческого населения к российской культуре, которое особенно ярко проявилось в аграрной и административной политике самодержавия. Данная задача могла быть решена имперской властью только с помощью административного ресурса по отношению к кочевому инородческому населению. Вопрос о приобщении аборигенного населения Сибири к оседлому образу жизни всегда находился в поле зрения государства⁴⁷⁶.

Следует подчеркнуть, что «инородческий вопрос» во второй половине XIX – начале XX в. занимал важное место в умах просвещенной общественности. В этот период зарождается областническое движение, представителями которого были Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.С. Шашков. В своих работах сторонники данного направления отстаивали мнение о колониальном положении Сибири. Представители этого движения говорили о вымирании сибирских аборигенов вследствие их присоединения к России⁴⁷⁷. До второй половины XIX в. татары Сибири, по данным, приводимым Н.Я. Ядринцевым, были богатым сословием, но с началом реформ и столкновением с русским населением они стали нищать. В результате оказывается, что земли у них заложены, земледелие ничтожно, скот вымирает, а сами татары признаются ленивым и апатичным населением⁴⁷⁸.

Наиболее остро вопрос о положении инородцев в Западно-Сибирском регионе встает с введением в 1822 г. Устава «Об управлении инородцев». Данный законодательный акт стал на долгие годы важнейшим документом в Своде законов Российской империи, предназначенном для обеспечения рационального управления этносами, проживавшими на территории Российской империи. Согласно данному Уставу подробно и детально регламентировалась жизнь разных народов, населявших Российскую империю. В данном случае отметим, что инородцы были подразделены в силу их разнородности на отдельные группы. Например, все сибирские инородцы по степени их гражданского образования и образу жизни, а именно по качеству их промысла, составляющего главный предмет их пропитания, разделялись на три разряда: 1) оседлых, 2) кочевых и 3) бродячих. К первому разряду принадлежат те инородцы, которые имеют постоянную оседлость, хлебопашество и живут деревнями или в городах, занимаясь торговлей и промыслом городских обывателей. Ко второму разряду – те, кто хотя и имел постоянную оседлость, но в зависимости от времени года перемещался и не жил в деревне. К третьему разряду принадлежали инородцы, которые, не имея никакой оседлости, отдельными родами или семействами переходили с одного места на другое для звероловного и рыболовного промысла⁴⁷⁹.

По Уставу 1822 г. предусматривалось причисление оседлых инородцев к русским деревням в том случае, если количество душ в них считалось недостаточным для создания особой волости⁴⁸⁰. Согласно Уставу, сибирские татары должны были уплачивать вместо ясака подушную подать, что уравнивало бы их с крестьянами. Однако уплату ясака они рассматривали как особую привилегию инородческого сословия, а его отмена вызвала негативную реакцию с их стороны. Данный закон аборигенное население Сибири рассматривало как лишение их национальной, сословной и религиозной идентификации⁴⁸¹.

⁴⁷⁶ Шершнева Е.А. Аграрная политика государства в отношении мусульманских народов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Интеграция исторического и образовательного пространства: материалы Всерос. (с междунар. участием) научно-практ. конф., посвящ. 50-летию со дня рождения Максима Юрьевича Брандта. Новосибирск, 2011; Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. С. 127–129; Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): документы и извлечения / сост. Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В. Тарасова, М.В. Стурова. Барнаул, 2014. С. 176–300.

⁴⁷⁷ Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, М.М. Дамешек, В.П. Зиновьев и др. М., 2007. С. 205; Шашков С.С. Собрание сочинений. СПб., 1898. Т. 2. С. 561.

⁴⁷⁸ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. С. 142–143.

⁴⁷⁹ Фадеичева М.А. Этническая политика Российской империи XIX в. «Положение об инородцах» // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2003. С. 371–372.

⁴⁸⁰ Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). Тюмень, 2003. С. 52.

⁴⁸¹ Бакиева Г.Т. Сельская община сибирских татар как орган коллективного сопротивления (вторая четверть XIX – начало XX в.) // Первые исторические чтения Томского государственного педагогического университета: материалы Междунар. конф. Томск, 2005. С. 147–148.

Реформы второй половины XIX в., ставящие перед собой цель формирования переселенческого земельного фонда путем изъятия этих земель из пользования инородцев и последующей интеграции крестьянского населения в регионе, продолжили развитие идей, заложенных в Уставе 1822 г. Реформы, проводимые в Центральной России, способствовали значительному потоку переселенцев в Сибирь. Во второй половине XIX в. правительство Российской империи стало активно использовать политико-административные и экономические методы для вовлечения инородческого населения российских окраин в государственную систему страны. Особый интерес для государства представляла Сибирь с ее богатыми и слабо освоенными территориями, которые были населены разными традиционными народами. При этом в рамках процессов, направленных на освоение просторов Сибири, заметно увеличился поток пришлого населения из центральных губерний, который формировал переселенческие участки и поселки⁴⁸².

Российское правительство видело в землях Западной Сибири решение проблемы нехватки земель в центральной части империи без ликвидации помещичьего землевладения. В 1861–1895 гг. в районы Западной Сибири переселилось 750 тысяч человек⁴⁸³. С целью обеспечения населения европейской части России земельными наделами правительство стремилось стимулировать крестьянские миграции в Сибирь. Количество проследовавших сюда в 1885–1905 гг. переселенцев составило 1,5 млн человек. За 1906–1910 гг. число переселенцев составило 2,5 млн, а в 1911–1913 гг. уменьшилось в два раза и достигло 302,4 тысяч в год. В 1908 г. переселенческий поток достигает максимальной отметки в 644777 человек, в то время как число возвратившихся в исходные регионы составило 45102 человека⁴⁸⁴. В результате миграционных процессов и естественного прироста численность коренного и пришлого населения в Западной Сибири в двух губерниях – Тобольской и Томской – за XIX в. возросла в 5–6 раз, а с 1897 по 1911 г. – еще в 1,6 раза. Причем в Тобольской губернии население увеличилось в 4,5 раза, а в Томской – в 23,4 раза⁴⁸⁵.

После 1861 г. именно Томская и Тобольская губернии становятся центром переселения крестьян. Переселенческая политика Российской империи крестьянского населения происходила в условиях захвата инородческих земель. Иногда, как отмечает Л.И. Шерстова, инородцы сами составляли с пришлыми крестьянами приемные договоры. Подобная ситуация произошла, например, в 1868 г. в юртах Ургульских Барабинской инородной управы Каинского округа. В последующие годы крестьяне, уже не спрашивая дозволения инородцев, приняли к себе в поселок еще столько же пришлых крестьян, тем самым стеснив исконных владельцев этих земель⁴⁸⁶. Подобный способ приобретения и использования угодий в период русской колонизации привел к тому, что земли крестьян и аборигенов располагались чересполосно, имея общие границы, а нередко составляя одно целое⁴⁸⁷.

С увеличением числа переселенцев постепенно размывалась прослойка середняков в татарской общине. Часть наиболее бедного населения вынуждена была закладывать в аренду пашню и другие угодья. Переселенцы обострили проблему малоземелья, привели к удешевлению крестьянского труда. К тому же, как считал А.А. Кауфман, переселенческий наплыв отрицательно сказывался на сельском

⁴⁸² Бобкова Г.И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX – начало XX в.). Иркутск, 2009. С. 93.

⁴⁸³ Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002. С. 330.

⁴⁸⁴ Шиловский М.В. Основные направления политики правительства по отношению к Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв. : материалы конф. / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2003. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/index.html>.

⁴⁸⁵ Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск, 2004. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/abbr.html>.

⁴⁸⁶ Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начало XX в. Новосибирск, 2005. С. 150; Леттецкая О.М. Инородческое земледелие в Томской губернии: истоки аграрной проблемы начала XX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы Междунар. научно-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Вып. 6. Барнаул, 2005. С. 33.

⁴⁸⁷ Леттецкая О.М. Инородческое земледелие в Томской губернии: истоки аграрной проблемы начала XX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы Междунар. научно-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Барнаул, 2005. Вып. 6. С. 34; Октябрьская И.В. Казахи Юго-Восточного Алтая: этническая история и этническая идентичность // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск, 2005. С. 27.

хозяйстве края. Связывал он это с тем, что переселенцы создавали перепроизводство сельскохозяйственной продукции, тем самым осложняя ее реализацию⁴⁸⁸.

Неслучайно генерал-губернатор Западной Сибири в 1860 г. сообщал министру государственных имуществ о недоимках из-за бедности инородцев Томской губернии с целью предоставления для них некоторых налоговых послаблений. Однако было принято решение отказать в послаблении выплат, так как это дало бы повод на поблажки и другим инородцам Томской и Тобольской губерний. Со стороны Министерства государственных имуществ было предложено инородцев, имеющих годовую задолженность, зачислять в войска, как это делалось в отношении государственных крестьян. К тому же государство обращало внимание на то, что выселять инородцев следует в Восточную Сибирь, так как в Киргизской степи (т.е. в Казахстане) преобладало мусульманское население, что считалось недопустимым в рамках проводимой государством политики⁴⁸⁹. Подобные меры были направлены на лишение инородцев особого сословного статуса и уравнивание их в правах с крестьянами. По мнению инородцев, к их обнищанию и разорению хозяйств также приводило стремление правительства изменить быт традиционных этносов региона, присоединив к русским волостям. В связи с этим в 1873 г. инородцами юрт Больше-Красноярских Калогмской волости было отправлено прошение Тобольскому губернатору с просьбой исключить их из русских селений, к которым они были причислены ранее⁴⁹⁰.

Согласно данным переписи 1897 г., основная масса мусульманского населения Западной Сибири, представленная татарами, киргизами (казахами), бухарцами и другими выходцами из Средней Азии, была занята в аграрном секторе страны⁴⁹¹.

Однако из отчета генерал-губернатора Западной Сибири за 1858 г., отправленного на имя министра государственных имуществ, видно, что в середине XIX в. среди инородцев Западной Сибири хлебопашеством занимались только татары. При этом, как указывалось в отчете, татары серьезных успехов в данной области не достигли из-за своей беспечности. При этом особое внимание было уделено «бродячим», т.е. кочевым инородцам Березовского, Туринского и Томского округов, которых пытались привлечь к оседлому образу жизни. Отдельной проблемой являлось расселение их между русскими волостями, к которым их следовало отнести по месту расположения. В отчете указывалось также, что допускалось существование инородных управ для компактно проживающего мусульманского населения. При этом подчеркивалось, что тобольскому и томскому губернаторам существенное внимание нужно было обратить на татарское хлебопашество и развитие в их среде промышленности. Это нужно было для того, чтобы улучшить быт инородцев и обеспечить исправную выплату податей⁴⁹².

В начале XIX в. обостряется ситуация в приграничных районах России с Цинской империей, в результате которой увеличился приток кочевого казахского населения на Алтай. В 1880 г. было легализовано пребывание казахов в Алтайском округе. Они должны были платить по 3 рубля с кибитки, но при этом ограничивался район их пребывания. Связано это было также с тем, что традиционная территория их кочевий была занята русскими переселенцами. Все попытки обосноваться на кабинетных землях встречали сопротивление со стороны государства. Исключение делалось лишь для тех казахов, которые вступали в крестьянское сословие и выполняли заводские работы и повинности⁴⁹³. Казахи неоднократно обращались с просьбой закрепить за ними земли на местах их теперешних кочевий, и только в 1909 г. им было отдано в аренду 60 тыс. десятин земли на плоскогорье Укок⁴⁹⁴. Нужно обра-

⁴⁸⁸ Яловская Г.В., Нагорнов В.И. «Сибирские вопросы» о роли самоуправления в аграрном развитии Сибири (начало XX в.) // Известия Томского политехнического университета. Т. 305. Вып. 7: Сибирь в евразийском пространстве. 2002. С. 41.

⁴⁸⁹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4610. Л. 1а–2.

⁴⁹⁰ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Фи. 152. Оп. 39. Д. 171. Л. 103, 261.

⁴⁹¹ Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1992. С. 193.

⁴⁹² ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4217. Л. 1–6.

⁴⁹³ Октябрьская И.В. Казахи Юго-Восточного Алтая: этническая история и этническая идентичность // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск, 2005. С. 29.

⁴⁹⁴ Карих Е.В. Проникновение казахов на Алтай в XIX в. и их хозяйственное взаимодействие с русскими // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы Междунар. научно-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 50–51; Чур-

тратить внимание на то, что политика, проводимая правительством в отношении кочевого мусульманского населения, не была единообразной. Так, в степных областях идея привлечения казахского населения к оседлому образу жизни считалась вредной. Практика переселения в данные районы также вызывала определенные опасения в правительственных кругах⁴⁹⁵.

Ликвидация льгот для бухарцев в первой половине XIX в. в определенной степени приводит к переходу данной категории мусульманского населения к оседлому образу жизни. Наблюдались случаи вливания их в группы сибирских татар с целью получения земли⁴⁹⁶. В отношении прав на земельные угодья инородческое население также было неоднородным. Бухарцы вплоть до 20-х гг. XX в. не имели права на землю, а пользовались ею лишь на правах арендаторов⁴⁹⁷. Соответственно, именно в этой сфере очень остро сталкивались интересы двух культур – мусульманской и православной.

Несмотря на то, что государство признавало за татарами право на земли и разрешало переселенцам селиться лишь на свободных территориях, нередко были случаи передачи земель в пользование монастырей, церквей, русских слобод, городов, под дороги и т.п. Не было равномерным и расселение коренного и пришлого населения. В Томской губернии наиболее высокий удельный вес коренного населения был в Бийском округе – 13%. В остальных округах колебался от 1% (Барнаульский) до 5–6% (Кузнецкий) от общего числа народонаселения региона⁴⁹⁸. В этой ситуации быстро провести размежевание земли не удавалось. В связи с этим многие земельные дела середины XIX в. откладывались до генерального размежевания Сибири, т.е. на неопределенный срок⁴⁹⁹.

Важно обратить внимание на то, что непрекращающийся приток русского населения в Сибирь приводит к созданию ряда аграрных законов в отношении инородческого мусульманского населения. В сельских общинах постепенно обостряется борьба за земли между переселенцами и исконным аборигенным населением. Интересно отметить впечатления Н.М. Ядринцева, который поражен поведением со стороны русских переселенцев: «...в то время как на каждой из горных террас можно построить Петербург... мы встречаем борьбу за землю, за долину, за пядь земли, борьбу ожесточенную между русским и инородческим населением»⁵⁰⁰. По его мнению, русские не могли принести в Сибирь ничего положительного, а наоборот – аборигены погибали от соприкосновения с русской цивилизацией. Однако с таким бездоказательным утверждением нельзя согласиться, так как, по данным переписей, с 1795 по 1897 г. численность аборигенного населения в Томской губернии возросла вдвое. Как полагает С.К. Патканова, утверждение Н.М. Ядринцева нельзя считать правомерным, и связано это в первую очередь с тем, что только с 1795–1797 гг. данные по переписи населения Сибирского региона становятся более точными, поэтому их можно сопоставить с данными переписи 1897 г. В среднем по всем группам мусульманского населения в XIX в. наблюдается прирост в 4–8%⁵⁰¹. Отмечается также численное соотношение мужского и женского населения, которое способствовало подобного рода приросту. В Томской губернии от количества жителей мужского пола женщины составляли 97,9%⁵⁰².

кин М.К., Токмурз Б.С. Перспективы аграрного освоения территорий Степного края в колонизационных планах российской власти во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 401. С. 197.

⁴⁹⁵ Чуркин М.К., Токмурз Б.С. Перспективы аграрного освоения территорий Степного края в колонизационных планах российской власти во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 401. С. 197

⁴⁹⁶ Валеев Ф. Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996. С. 47.

⁴⁹⁷ Гарифуллин И.Б. Из истории земельных отношений у татар Тюменского региона // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / отв. ред. А.В. Нескоров. Тобольск; Омск, 2002. С. 155.

⁴⁹⁸ Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, М.М. Дамешек, В.П. Зиновьев и др. М., 2007. С. 206; Гарифуллин И.Б. Из истории земельных отношений у татар Тюменского региона // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / отв. ред. А.В. Нескоров. Тобольск; Омск, 2002. С. 155.

⁴⁹⁹ Шерстова Л.И. Аграрный вопрос и межэтнические отношения в Южной Сибири в XIX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы Междунар. научно-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Вып. 6. Барнаул, 2005. С. 64.

⁵⁰⁰ Ядринцев Н.М. Алтай и его инородческое царство // Исторический вестник. 1885. Т. XX, №6. С. 613.

⁵⁰¹ Патканов С.К. О природе инородческого населения Сибири. СПб., 1911. С. 6.

⁵⁰² Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, М.М. Дамешек, В.П. Зиновьев и др. М., 2007. С. 206; Шершнева Е.А. Аграрная политика государства в отношении мусульманских народов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Интеграция исторического и образовательного пространства: материалы Всерос. (с междунар. участием) научно-практ. конф., посвящ. 50-летию со дня рождения Максима Юрьевича Брандта. Новосибирск, 2011.

Аграрные реформы XIX в. были направлены на уравнивание прав крестьянского и инородческого населения, а также на их слияние⁵⁰³. Со второй половины XIX в. наблюдаются некоторые изменения в политике государства по отношению к мусульманским народам. В хозяйственном плане это выразилось в том, что аборигенное население должно было подчиняться общим крестьянским законам и учреждениям⁵⁰⁴. Особое недовольство в татарской среде вызвал Указ 1861 г. «О преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири». Татары стремились всячески препятствовать объединению с русскими волостями по этому закону, поскольку боялись лишения всех своих земель. Несмотря на это, в 1864 г. в Западной Сибири начинается процесс упразднения инородных волостей с присоединением проживающего в них населения к русским деревням⁵⁰⁵. Данные меры нашли свое законодательное подкрепление в Положении об инородцах (1892 г.), где указывалось, что если инородцы не могут составить отдельного селения, то должны быть причислены к русским деревням⁵⁰⁶. Несмотря на все препятствия со стороны инородческого населения, процесс объединения их с русскими селениями был неизбежен в связи с тем, что, например, плотность коренного татарского населения в конце XIX в. составляла около 0,15 человека на 1 кв. км⁵⁰⁷.

По законам конца XIX – начала XX в. все земли принадлежали государству, а аборигенное население являлось только арендатором этих земель наравне с крестьянами в размере не более 15 десятин (включая все виды земель)⁵⁰⁸. При этом население выступало только арендатором, который должен согласовывать свои действия с государственными органами. Однако данный факт не всегда учитывался населением при приеме на жительство своих соплеменников. Так, в 1877 г. кабинетному сельскому старшине было направлено распоряжение волостного правления. Оно касалось вопроса контроля за сельскими обществами, так как инородцами, проживающими на кабинетных землях, принимались на жительство все без исключения. При этом никакого согласования с начальством по этому вопросу не проводилось. Сельские образования в черневых стойбищах, как подчеркивалось в распоряжении, были подчинены полиции и Духовной миссии. В связи с этим только они могли решать вопрос о возможности поселения в них⁵⁰⁹. Государство, в свою очередь, приветствовало выдачу земли в пользование именно крестьянам, тем самым ограничивая инородцев в праве пользования землей. Например, летом 1878 г. Алтайским горным правлением крестьяне были допущены на заводские земли, ранее принадлежащие кочующим киргизам (казахам)⁵¹⁰.

Однако в связи с непрекращающимся притоком русского населения в Сибирь площадь земельных наделов постепенно начинает сокращаться. В Бийском округе, например, к 80-м гг. XIX в. вместо положенных по закону 15 десятин надел составлял всего 13 десятин⁵¹¹. Подобного рода деление земли не распространялось на кочевое население Западно-Сибирского региона. Недовольство аборигенного населения таким делением земли приводит к тому, что 5 июня 1900 г. утверждается Закон «О главном основании поземельного устройства населения Забайкальской области», имевший определенные отличия от предшествующих законодательных актов. Максимальная величина надела для аборигенов увеличивалась до 30 десятин. При этом не требовалось их обязательного причисления в категорию оседлых⁵¹². Однако вопрос о соблюдении данного закона оставался открытым.

⁵⁰³ Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005. С. 150.

⁵⁰⁴ Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. С. 532.

⁵⁰⁵ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск, 1986. С. 59.

⁵⁰⁶ Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 2. С. 534.

⁵⁰⁷ Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1992. С. 212.

⁵⁰⁸ Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, М.М. Дамешек, В.П. Зиновьев и др. М., 2007. С. 213; Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002. С. 339.

⁵⁰⁹ ГАСПД РА. Ф. 1. Оп. 1 Д. 1.

⁵¹⁰ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 545.

⁵¹¹ Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005. С. 152.

⁵¹² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1902. Собрание. III. Т. XX, ч. 1. С. 598–601.

Другой закон от 8 июля 1901 г. «Об отводе частным лицам земель в Сибири» подтверждал запрет аборигенам приобретать землю в собственность⁵¹³. Важно отметить, что запрет на приобретение земли в собственность лицами нехристианского вероисповедания касался не только Сибири, но и Степного края. Только в начале XX в. в связи с наметившимися в стране политическими преобразованиями в 1906 г. были поданы прошения министру внутренних дел от лиц мусульманского вероисповедания – жителей Оренбургской губернии с просьбой отменить ограничительные законы о владении землей в Степном крае. Опираясь на Манифест 17 октября 1905 г., Министерство внутренних дел сочло возможным приступить к подготовке проекта об отмене ранее существующих запретительных законов. В рамках подготовки проекта следовало оценить, возможна ли данная процедура или же закон по каким-либо важным причинам должен был сохранить свою силу⁵¹⁴.

Мусульманское население ограничивалось и в использовании сельскохозяйственных угодий. Так, Алтайское горное правление поднимало вопрос о допуске летом 1878 г. крестьянами на заводские земли кочующих киргизов (казахов). Данная кочевка составляла 50 юрт со скотом⁵¹⁵. Всю вину за незаконное пребывание на заводских землях Алтайское горное правление возлагало на киргизов (казахов), которые оплачивали свое пребывание на этих землях.

Реализация перечисленных выше нормативных актов привела к существенному сокращению землепользования большинства коренных жителей юга Сибири. Переселения и землеустройство, вынуждавшие кочевников к переходу на оседлость, многими исследователями рассматривались как главные элементы их русификации, усиления русского присутствия на восточной окраине империи. Например, Л.М. Горюшкин замечал по этому поводу: «В процессе колонизации и освоения Сибирь стала неразрывной частью России, населенной преимущественно русскими. Сибирская окраина была тесно связана с Европейской Россией единством экономического и политического развития, общностью духовной и материальной культуры основной части населения»⁵¹⁶. В свою очередь переход к оседлому образу жизни и земледелию, а также появление переселенцев в местах компактного проживания аборигенов не означали их автоматической русификации и аккультуризации. Тем не менее в долгосрочной перспективе указанные мероприятия способствовали их постепенной ассимиляции⁵¹⁷. Порожденное массовым переселением землеустройство с ограничением наделов способствовало противостоянию между старожилками и аборигенами, с одной стороны, и переселенцами – с другой.

Главной задачей правительства в пореформенный период стал процесс перевода всего инородческого сословия в крестьянское, с общей унификацией прав, обязанностей и органов управления. Способствовать данной уравнивательной политике государства могла только глубокая аграрная реформа, которая одновременно содействовала бы решению проблемы избытка сельскохозяйственного населения европейской части России при нехватке там земли. Последнюю проблему также можно было решить через отождествление инородческого и крестьянского землепользования и выделение «свободных земель» из инородческих территорий⁵¹⁸. На основании закона от 19 января 1898 г. «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственной и земельной податью»⁵¹⁹ инородческое население Сибири уравнивалось в своих правах и обязанностях с крестьянским населением Российской империи.

В 1876 г. генерал-губернатор Западной Сибири обратился в Министерство внутренних дел и государственных имуществ с предложением, не дожидаясь решения вопроса о поземельном устройстве крестьян и аборигенов, причислить к русским волостям оседлых аборигенов Томской и Тобольской

⁵¹³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1903. Собрание III. Т. XXI, ч. 1. С. 614–617.

⁵¹⁴ ИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2360. Л. 1–2.

⁵¹⁵ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 545.

⁵¹⁶ Горюшкин Л.М. Переселенческое движение и сельское хозяйство Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 1989. С. 22.

⁵¹⁷ Резун Д. Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.

⁵¹⁸ Шерстова Л. И. Аборигены Южной Сибири в контексте российской модернизации начала XX в.: выбор пути // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.: материалы конф. / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2003 URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/index.html>.

⁵¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1901. Собрание III. Т. XVIII, ч. 1. С. 40–43.

губерний. При выборе должностных лиц волостного управления он предлагал уравнивать крестьян с аборигенами, оговорив при этом преимущество крещеных инородцев⁵²⁰. Подобного рода требования были обоснованы частыми столкновениями между инородческим и соседствующим с ним русским населением. Недовольство со стороны крестьян вызывал отказ инородцев от уплаты поземельного сбора, хотя аборигенное население пользовались теми же землями. Постоянные споры возникали между крестьянами и инородцами и по поводу владения землей⁵²¹.

Ранее тобольским губернатором в 1873 г. было направлено распоряжение тобольскому, тюменскому, ялутовскому и тарскому окружным исправникам собрать сведения о так называемых татарских и бухарских волостях и возможности их причисления к русским поселениям. Указанные волости ранее были сформированы по этническому принципу и состояли либо из татар, либо из бухарцев – выходцев из Средней Азии. Данная мера, рассматриваемая правительством как способствующая более усердному ведению хозяйства инородческим населением, должна была содействовать исправной выплате податей и других сборов. Кроме того, отмечалось, что содержание инородческих волостей и управ «несостоятельно по малочисленности душ». В распоряжении указывалось, что следует определить, к каким русским волостям они могут быть отнесены для скорейшего устройства оседлого быта инородцев Западной Сибири⁵²².

О сложности отношения инородцев с русским населением свидетельствует также проведенное в 1910 г. дознание по делу о нападении чернораевского поселкового атамана с 8 казаками на казахские зимовки. Данное дело было направлено уездному начальнику Петропавловска с целью дать распоряжение о запрете казахам свободного пользования землями, которые принадлежали казакам, так как за нее была установлена плата⁵²³. Сложность отношений подтверждал и обер-квартирмейстер корпусного штаба в Омске генерал И.Ф. Бабков. Главную проблему отношений между казахским и русским (казацким) населением он видел в том, что казаки обрабатывали лучшие земли. Казахи же очень часто переходили самовольно в приграничные местности Томской губернии⁵²⁴. Именно несоблюдение законов обеими сторонами и приводило к постоянным столкновениям.

Несмотря на недовольство традиционных этносов региона данными мерами, процесс их объединения с русскими поселениями был неизбежен. Это было связано с тем, что коренное татарское население в процессе проведения переселенческой политики оказалось в конце XIX в. в меньшинстве по отношению к русским переселенцам⁵²⁵. Это противоречило российскому законодательству, регламентирующему существование самостоятельных селений⁵²⁶.

До принятия Устава «Об управлении инородцев» (1822 г.) сибирские аборигены имели свою древле сложившуюся систему управления. Татары представляли собой замкнутую и обособленную общину, все вопросы в которой решались на общих сходах-собраниях. Особенно ярко такая замкнутость проявлялась по отношению к пришлому, как русскому, так и татарскому, населению. Старики, зажиточные татары и служители культа имели права накладывать наказания за мелкие проступки, которые противоречили мусульманским законам⁵²⁷. По новому закону в XIX в. татары должны были создавать свои волостные управления. Во главе волостного управления, по принципу русских волостей, сроком на три года избирался волостной голова, который получал жалованье за службу. Данное государственное устройство было воспринято не всеми общинами, однако это не остановило продолжающейся реформы в сфере административного устройства сибирских татар⁵²⁸.

⁵²⁰ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX–XX вв.). Иркутск, 1986. С. 61–62.

⁵²¹ Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005. С. 156–157.

⁵²² ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 152. Оп. 39. Д. 171. Л. 8–9.

⁵²³ ИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2608.

⁵²⁴ Чуркин М.К., Токмурз Б.С. Перспективы аграрного освоения территорий Степного края в колонизационных планах российской власти во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 401. С. 200.

⁵²⁵ Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1992. С. 212.

⁵²⁶ Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 2. С. 534.

⁵²⁷ Томилов Н.А. Общественный быт и культура томских татар // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 138–139.

⁵²⁸ Бакиева Т.Г. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). Тюмень, 2003. С. 74–75.

В первое пореформенное десятилетие управление коренными народами Сибири основывается на Уставе «Об управлении инородцев» (1822 г.). Однако в дальнейшем с принятием ряда законодательных актов перед правительством встает вопрос о пересмотре ряда положений, изложенных в Уставе. Главные вопросы, которые встают перед правительством уже в середине XIX в., касаются полного подчинения инородцев имперскому законодательству. Основные направления административных преобразований в крае были предложены иркутским генерал-губернатором А.П. Игнатьевым, и именно его предложения легли в основу закона от 2 июня 1898 г., получившего название «Временное положение о крестьянских начальниках»⁵²⁹. Данный закон стал началом полного подчинения аборигенов общероссийскому законодательству.

Согласно данному закону крестьянским начальникам поручался надзор за всеми установлениями крестьянского и инородческого самоуправления. Главной обязанностью чиновников стал контроль за нравственностью сельских жителей. Возросла роль крестьянских начальников в судебных делах коренного населения. Крестьянские начальники наделялись административными правами в отношении всех должностных лиц сельского самоуправления. В Томской губернии в рамках указанного закона было введено 29 новых должностей. Инородческое население всячески сопротивлялось созданию новой системы управления: затягивали процедуру открытия новых волостных правлений, не отдавали печатей своих родовых старшин, не давали денег на образование волостных органов самоуправления, отказывались приобретать необходимую волостную документацию и т.д.⁵³⁰

Сельских старост по-прежнему должны были избирать на сельских сходах простым большинством голосов с дальнейшим обязательным утверждением в этой должности крестьянским начальником. Функции волостного старшины носили административно-полицейский характер. Он контролировал деятельность сельских старост, вел посемейные списки аборигенов, наблюдал за поступлением податных сборов и исполнением натуральных повинностей⁵³¹. Статус волости как основной податной единицы закреплялся в Уставе 1822 г.

Слиянию с русским населением способствовало не только изменение по русскому образцу инородческой системы управления, но и уравнивание в правах аборигенного населения с крестьянами. Таким образом, татары уравнивались в выплате податей и выполнении повинностей, за исключением рекрутской, с русским крестьянским населением. Все подати собирались со всей общины, таким образом, она была связана круговой порукой⁵³².

С введением нового порядка управления у оседлых аборигенов должна была пройти, по мнению правительства, если не унификация, то значительное сближение форм крестьянского и инородческого самоуправления. Государственным советом было решено распространить на Сибирь положения об административном и поземельном устройстве государственных крестьян Европейской России⁵³³. С целью скорейшей русификации инородческого населения весной 1896 г. Государственным советом принимается решение об упразднении поразрядной системы управления аборигенами. К концу XIX столетия общей чертой всех инородцев стало освобождение от рекрутской повинности и наличие особенностей в системе самоуправления и суда⁵³⁴.

Во второй половине XIX в. произошли также некоторые изменения в системе функционирования волостного схода. Решения на сходе начинали принимать только должностные лица волостного

⁵²⁹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1901. Собрание III. Т. XVIII, ч. 1. С. 403–416.

⁵³⁰ Шерстова Л. И. Аборигены Южной Сибири в контексте российской модернизации начала XX в.: выбор пути // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.: материалы конф. / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2003. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/index.html>; Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX–XX вв.). Иркутск, 1986. С. 107.

⁵³¹ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX–XX вв.). Иркутск, 1986. С. 107; Бакиева Т.Г. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). Тюмень, 2003. С. 94.

⁵³² Бакиева Т.Г. К вопросу о фискальной политике Российского государства в отношении сибирских татар (XVII – начало XX в.) // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / отв. ред. А.В. Нескоров. Тобольск; Омск, 2002. С. 129–130.

⁵³³ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX–XX вв.). Иркутск, 1986. С. 57.

⁵³⁴ Конев А.Ю. Влияние религиозного фактора на правовой статус сибирских аборигенов (XVIII–XIX вв.) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX в.): сб. ст. / отв. ред. А.В. Бауло. Новосибирск, 2008. С. 315.

и сельского управления и представители от каждых 10 дворов селений, входящих в волость. Десятидворовые избирались сельскими общинами из числа домохозяев сроком на один год. Посещение волостного схода считалось обязательным, а непосещение его без уважительной причины отслеживало государство⁵³⁵.

Возглавлял волостной сход старшина, обязанности которого были обширны. В частности, он отвечал за выполнение общинниками повинностей, готовил созыв схода и председательствовал на нем. Кроме того, волостные старшины наделялись судебными полномочиями. Старшина следил, чтобы все должностные лица в общине исполняли добросовестно свои обязанности. Власти видели в волостных старшинах своих агентов⁵³⁶. Несмотря на то, что волостные писари не наделялись никакой властью, они занимали важное положение в системе волостного управления. Как правило, писарями были русские либо лица, хорошо владеющие русской грамотой, поэтому не случайно они отвечали за ведение документации в волостном правлении.

Проект правил об управлении инородцев не мог обойти вопрос об организации судопроизводства. Существовал волостной суд, в компетенцию которого входило рассмотрение маловажных дел. Введение данного суда считали возможным только в тех областях, где действовало «Временное положение о крестьянских начальниках». Данный суд избирался на волостном сходе, по одному судье от каждого сельского общества. Судью предлагалось избирать из инородцев. При этом кандидат должен пользоваться уважением и быть не моложе 40 лет. Предусматривалось также создание посреднического суда для рассмотрения дел между жителями разных волостей. На посредника в данном случае налагались ограничения. Так, в частности, запрещалось выступать в качестве посредника татарам, башкирам, евреям и служителям инородческих культов. Решение посреднического суда обжалованию уже не подлежало и считалось окончательным⁵³⁷.

Несмотря на принятые законодательные акты, в первом десятилетии XX в. по-прежнему продолжали функционировать инородческие управы. Однако процесс реформирования аграрного сектора страны продолжался, и в июне 1910 г. был принят закон, во многом изменивший волостное устройство⁵³⁸. В рамках продолжающихся в начале XX в. реформ в основу разграничения волостей был положен территориальный принцип. До этого времени волости имели сословно однородный характер⁵³⁹. В пореформенный период в сибирских деревнях проходил процесс социального расслоения. Земельные угодья концентрировались в руках зажиточных татар⁵⁴⁰. В 1911 г. Думой был принят закон о землеустройстве, по которому владельцу выдавалось свидетельство с границами его участка, что удостоверяло передачу земли в частную собственность. Следует подчеркнуть, что и переселенцы в большинстве своем предпочитали общинные порядки, поэтому вполне закономерно, что славянско-православная колонизация сопровождалась переносом на новые территории такого важного атрибута российской традиции, как корпоративность, т.е. общинную организацию⁵⁴¹.

Наличие в собственности земельных наделов позволяло инородцам принимать активное участие в политической жизни страны. Данное утверждение подтверждается отправленным тобольским губернатором запроса в Министерство внутренних дел о возможности участия инородцев Тобольской губернии в Думских выборах⁵⁴². Политический статус владеющего землей инородческого населения привел к новым столкновениям внутри сельских общин в борьбе за владение землей. Так, в 1910 г. крестьянским начальником I участка Тобольского уезда было проведено разбирательство по жалобе татар

⁵³⁵ Бакиева Г.Т. Волостное управление у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. №1(12). С. 157.

⁵³⁶ Бакиева Г.Т. Волостное управление у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. №1(12). С. 160–161.

⁵³⁷ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – XX вв.). Иркутск, 1986. С. 110.

⁵³⁸ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1910. Собрание III. Т. XXX. С. 746–753.

⁵³⁹ Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). Тюмень, 2003. С. 58.

⁵⁴⁰ Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002. С. 340.

⁵⁴¹ Резун Д. Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. С. 104.

⁵⁴² ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фи. 463. Оп. 1. Д. 6. Л. 12–14.

Шамшинских юрт Вагайской волости. В своей жалобе ясачные татары указывали, что после 1909 г. они оказались ограничены в пользовании землей, так как в юртах еще проживали бухарцы и казаки. До 1909 г. деление земли происходило по лицам мужского пола, достигших 18-летнего возраста. 21 февраля 1909 г. было принято постановление, после которого казаки и бухарцы получили землю на всех лиц мужского пола, а ясачные татары по-прежнему с учетом возрастного ценза. В конечном итоге было решено пересмотреть данное наделение землей и переделить все земельные угодья без различия по возрасту на душу мужского населения⁵⁴³.

Новая административная реформа выходила за рамки уже сложившейся практики перехода инородцев в крестьянские волости. Во-первых, она касалась как оседлого, так и кочевого инородческого населения. Во-вторых, она меняла бы этнополитическую ситуацию в Сибири, открывая возможности дальнейшей русификации аборигенного населения, лишая их права на собственную социальную и этнополитическую организацию⁵⁴⁴. Уже к концу XIX в. сибирские татары в значительной степени утратили черты своего хозяйственного уклада. Основная масса инородческого населения начинает искать отхожие промыслы⁵⁴⁵. К примеру, в 1904 г. на 17 алтайских приисках работало 34,8% мусульман⁵⁴⁶.

В начале XX в. в Сибири по-прежнему сохраняются подушная система обложения вместо поземельной, а также натуральные повинности. Изменения в практике налогового обложения в Сибири могли произойти лишь с введением новых принципов в систему землеустройства. Однако новая система землеустройства Сибири, принятая законами 1898 и 1899 гг., не устраивала старожилов, которые всячески препятствовали внедрению данных законов в жизнь, в связи с чем даже к 1917 г. эти реформы не были завершены⁵⁴⁷.

Все проводимые в данном секторе реформы в Сибири получают конфессиональную окраску. Со второй половины XIX в. встает вопрос усиления политического влияния русского населения на инородцев Сибири и проникновения православной культуры в среду аборигенов. Принятие православия аборигенным населением региона рассматривалось российским правительством как составной элемент политики интеграции. Распространение нового типа хозяйства у коренных народов Сибири предполагало их социокультурное вливание в состав империи. В связи с этим особая роль отводилась русскому крестьянину, который, по мнению правительства, должен был сплотить империю. Его целью было не столько научить аборигенное население вести хозяйство, сколько научить его говорить, думать и даже молиться по-русски⁵⁴⁸. По данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., количество инородцев, признавших своим родным русский язык, в Томской губернии составило 22% всего инородческого населения⁵⁴⁹. Однако все проводимые правительством реформы не имели успеха, поскольку число инородцев, перешедших в разряд крестьян, было незначительно. Основная масса мусульманского населения Томской губернии, по данным переписи, относилась к сословию инородцев (татары – 89,09%, киргиз-кайсаки – 96,12%)⁵⁵⁰.

Характер проводимых российским правительством реформ закономерно приводит к обострению в инородческой среде чувства этнического самосознания. Вера и культура для мусульманских народов Сибири становятся синонимами. Следует также отметить, что основная масса магометанского населения проживала в деревнях. Согласно данным переписи 1897 г. городское магометанское население

⁵⁴³ ГБУТО ГАв г. Тобольске. Фи. 345. Оп. 1. Д. 76. Л. 12–13об.

⁵⁴⁴ Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005. С. 158.

⁵⁴⁵ Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002. С. 336–337.

⁵⁴⁶ Карих Е.В. Проникновение казахов на Алтай в XIX в. и их хозяйственное взаимодействие с русскими // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы Междунар. научно-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Вып. 5. Барнаул, 2003. С. 52.

⁵⁴⁷ Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002. С. 380.

⁵⁴⁸ Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, М.М. Дамешек, В.П. Зиновьев и др. М., 2007. С. 209; Дамешек И.Л. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в.: сб. науч. тр. / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2005. С. 260.

⁵⁴⁹ Дамешек Л.М. Проблемы интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII – начала XX в. // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.: материалы конф. / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2003. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/index.html>

⁵⁵⁰ Первая всероссийская перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. С. XVII; Приложение 4.

в Томской губернии составляло 1,74%, в то время как сельское – 2,11%⁵⁵¹. Особенно ярко эта проблема наблюдается в аграрном секторе страны. К тому же и само правительство видело своей задачей вмешательство в духовную жизнь инородческого населения. Однако даже, по мнению современников, меры по реформированию сельских инородческих общин оказались безуспешными в силу фанатичности татарского населения⁵⁵². Сами мусульмане говорили о несостоятельности проводимых правительством реформ, так как, несмотря на совместное проживание с русскими, инородцы привыкли подчиняться единоверческому (мусульманскому) старшине, а не христианскому старосте.

Посягательство русских на земли мусульман обострило этническое самосознание, которое впоследствии дополнилось конфессиональным, образовав защитный механизм. В сельских общинах обостряется борьба за земли между переселенцами и исконным аборигенным населением⁵⁵³. Увеличившийся приток мусульманского населения из европейской части России также способствовал укреплению ислама в инородческой среде. По данным переписи, лишь 17,4% татарского населения от всего тюрко-татарского населения Томской губернии назвали себя магометанами. Следует отметить, что преимущественно это было пришлое татарское население⁵⁵⁴.

Одновременно с процессом укрепления национального самосознания проходил и процесс стирания этнографических границ между Европейской Россией и Сибирью. Начинают наблюдаться процессы «обрусения» в инородческой среде и в первую очередь в ее культурно-бытовом устройстве⁵⁵⁵. Н.М. Ядринцев отмечает склонность к русской культуре, а наряду с ней и к православию, только у черневых татар. Что же касается северной части Западной Сибири, а именно значительной части Томской и Тобольской губерний, то магометанство здесь окрепло⁵⁵⁶. Проводимые реформы привели только к усилению этнического и религиозного самосознания в инородческой среде. При этом инородцы по-прежнему подчинялись единоверческому (мусульманскому) старшине, а не христианскому старосте. Миграционные процессы, поддерживаемые правительством, приводили к институционализации этнических диаспор по конфессиональному признаку. В результате в населенных пунктах, где появлялись переселенцы, наблюдался процесс организации духовной жизни, а жители стремились к открытию культовых зданий⁵⁵⁷.

В целом аграрная политика государства в рассматриваемый период тесным образом была связана с национальным и религиозным вопросами. Притеснения со стороны российского правительства по отношению к инородцам приводят к отказу мусульман переходить в православие. Не оставалась в стороне от аграрной политики и православная церковь. Не принесло положительных результатов и решение правительства о назначении на должность управления инородцами лиц из инородцев-христиан. В такой политике государства инородцы видели ущемление своих религиозных прав. Во второй половине XIX в. меняется отношение государства к мусульманам, а их поселения обособляются от православных деревень и становятся не только моноэтническими, но и моноконфессиональными. Однако если создание собственного селения по каким-то причинам было невозможно, то мусульманское население причислялось к русским деревням.

3.3. Взаимодействие мусульманской общины с Русской православной церковью

В России как в полинациональном и поликонфессиональном государстве всегда очень остро стоял вопрос межконфессионального взаимодействия. На протяжении всего периода совместного суще-

⁵⁵¹ Первая всероссийская перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. С. XIX; Приложение 4.

⁵⁵² Ядринцев Н.М. Сочинение : в 2 т. Т. 2: Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень, 2000; Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск, 1993. С. 94.

⁵⁵³ Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1992. С. 194.

⁵⁵⁴ Первая всероссийская перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. С. XX; Приложение 4.

⁵⁵⁵ Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, М.М. Дамешек, В.П. Зиновьев и др. М., 2007.

⁵⁵⁶ Ядринцев Н.М. Об алтайцах и черневых татарах (Отчет в ЗСОИГО – отдел этнографии). 1881. С. 15–21.

⁵⁵⁷ Нам И.В. Институционализация этничности в сибирском переселенческом обществе (конец XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского гос. ун-та. 2014. Т. 10. Серия: Политология. Религиоведение. С. 42; Бобкова Г.И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX – начало XX в.). Иркутск, 2009. С. 101–103.

ствования различных конфессий на одной территории имперской власти не удалось избежать определенных проблем, связанных с включением инородческого компонента в систему государственного управления. С введением в состав Российской империи новых земель встал вопрос отношения государственной власти к находящимся на этих территориях конфессиям, который остается актуальным и сегодня. В состав Российского государства, являющегося в значительной степени православным, входили территории Поволжья, Кавказа, Сибири, на которых проживало население, исповедующее ислам. В связи с этим «мусульманский вопрос» был одной из ведущих проблем, стоящих перед государством. Кроме того, важнейшей проблемой в Российской империи было взаимодействие внутри одной страны прозелитарных религий, так как главной их задачей являлось не только сохранение, но и распространение своей веры через миссионерскую деятельность.

Имперская власть, как отмечалось выше, видела решение этих проблем в слиянии инородческого компонента со славянскими народами. С этой целью особое внимание уделялось миссионерской деятельности Русской православной церкви среди мусульман. Долгие годы в рамках государственной политики проводилась христианизация инородческого населения империи. Начиная с периода правления Екатерины II давление со стороны государственной власти на мусульманские народы было несколько ослаблено. Именно Указ от 1773 г., который в определенной степени можно считать законом об ограниченной веротерпимости, внес коррективы в жизнь мусульманских общин России⁵⁵⁸. С этого момента христианизация инородческого населения могла вестись только по личному желанию самой церкви, которую никак не поддерживала государственная власть. Несмотря на это, миссионерство оставалось делом государственным, а не церковным. Именно через христианизацию инородческого населения государство преследовало определенные цели, которые были связаны в первую очередь с русификацией этих народов, а также с формированием социокультурной среды в многонациональном Российском государстве⁵⁵⁹.

В XIX в. политика Российской империи в отношении ислама становится сложной и противоречивой. Мусульманская вера рассматривалась имперской властью в большей мере как угроза самодержавной власти, а не как чужеродное православному государству вероисповедание. Такое отношение было вызвано в первую очередь Крымской войной, которая привела к недовольству со стороны мусульманского населения и массовому возвращению новокрещенных мусульман в свою родную веру. Политика империи, тем не менее, не предполагала насильственного искоренения ислама как религии⁵⁶⁰. Тем более, что по материалам переписи 1897 г. мусульмане являлись второй по численности после православных вероисповеданий группой населения⁵⁶¹.

Важно отметить, что имперская власть стремилась к идее централизации контроля над конфессиями, которая была реализована в начале XIX в. с учреждением Управления делами инородцев, преобразованного впоследствии в Департамент духовных дел иностранных исповеданий, вошедшего в Министерство внутренних дел. В 1857 г. был принят Устав духовных дел иностранных исповеданий, специальный раздел которого посвящался мусульманам⁵⁶². Открытие муфтиятов в Российском государстве дало определенную свободу мусульманам. Однако многие российские деятели считали это решение серьезной государственной ошибкой. Полная же либерализация политики в отношении ислама исключалась, так как с 70-х гг. XIX в. правительство стало опасаться «татаро-мусульманского сепаратизма», который во второй половине XIX в. стал набирать обороты. В 60–70-е гг. XIX в. происходит

⁵⁵⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Собрание I. Т. XIX. С. 775–776.

⁵⁵⁹ Бессмертная О.Ю., Журавский А.В., Смирнов А.В., Федорова Ю.Е., Чалисова Н.Ю. Россия и мусульманский мир: Инаковость как проблема. М., 2010. С. 132; Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, М.М. Дамешек, В.П. Зиновьев и др. М., 2007. С. 218.

⁵⁶⁰ Алексеев И.Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX – начале XX в. // Религиоведение. 2002. №2. С. 34; Октябрьская И.В. Ислам и православие: опыт взаимодействия в свете стратегий межэтнической коммуникации (на примере казахов Алтая) // Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межэтнической коммуникации (XVII – начало XX в.): сб. ст. / отв. ред. А.В. Бауло. Новосибирск, 2008. С. 342.

⁵⁶¹ Ибрагимова З.Х. Ислам и христианство на Северном Кавказе: история взаимоотношений // Религия и право. 2006. №1–2. URL: <http://www.sclj.ru/news/detail>.

⁵⁶² Арапов Д. Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика). М., 2001. С. 20.

поворот от политики веротерпимости и даже в некоторой степени покровительства исламу к ограничению мусульманского влияния на инородческое население страны⁵⁶³. В связи с этим в 1870 г. в Москве было учреждено Всероссийское православное миссионерское общество, отделения которого были открыты во всех сибирских епархиях. Необходимо подчеркнуть, что имперская власть оказывала финансовую поддержку миссиям. При этом 50% всего финансирования миссий приходилось на содержание сибирских миссионерских обществ. К началу XX в. на территории Сибири действовало восемь православных миссий, наиболее крупными из которых считались Алтайская, Иркутская и Забайкальская⁵⁶⁴.

Для сохранения стабильности внутри государства делается ставка на привлечение духовенства, а также верхушки мусульманской общины на свою сторону. Однако и в армии, и на государственной службе мусульмане могли подняться по иерархической лестнице только до определенного уровня. Достаточно глубокому укоренению ислама в сознании инородцев способствовала политика, проводимая правительством в отношении мусульман России. Во второй половине XIX в. еще более ослаб контроль со стороны государства за мусульманскими народами империи. К тому же внешнеполитические события (Крымская война) в определенной степени усилили влияние исламского фактора. Кроме того, в мусульманской среде зарождаются идеи братства народов, исповедующих ислам, и поддержки инородцев Российской империи их единоверцами из-за рубежа. Усиление мусульманского компонента в государстве подтверждается данными о бесконтрольном строительстве мечетей. Так, например, в 1866 г. в Поволжье числились 244 незаконно существующих мечети⁵⁶⁵.

В данный период усиливается процесс возвращения новокрещенных инородцев в мусульманскую веру, наметившейся еще в 60-е гг. XVIII в. При этом важно подчеркнуть, что смена вероисповедания в Российской империи, если это не касалось только принятия православия, была очень сложным делом даже на рубеже XIX–XX вв.⁵⁶⁶ В то же время не мешало возврату в прежнюю веру предков даже уголовное преследование, закрепленное на определенном этапе законодательно. Точных сведений о количестве отпавших из христианской веры не существует. Однако из деятельности Русской православной церкви и вопросов, которые высшее православное духовенство ставило перед священниками, можно сделать вывод о том, что переход из православия в ислам носил масштабный характер. Массовое отречение мусульман от христианства во второй половине XIX в. вызвало опасение со стороны не только Русской православной церкви, но и государственной власти.

Необходимо отметить, что во второй половине XIX в. усиливается мусульманская пропаганда среди татарского населения. Муллы активно распространяли слухи о массовой христианизации и всячески старались способствовать переходу крещеных татар в ислам. Они обходили деревни, уверяя жителей, что крещеным татарам разрешен переход в мусульманство, а правительством готовится Указ о свободе вероисповедания. Особенно ревностную проповедническую деятельность осуществляли представители казанского духовенства⁵⁶⁷.

Начиная с 80-х гг. XIX в. отношение к исламу со стороны государственной власти в Российской империи становится более жестким, поэтому вполне закономерно принимается ряд мер, ущемляющих свободу духовно-религиозной жизни. В частности, были введены ограничения на создание просветительских обществ, совершение паломничеств в Мекку⁵⁶⁸. Последние два десятилетия XIX в. характеризуются охранительной политикой «православного консерватизма» и попытками наступления на права неправославного населения со стороны государства. Религиозной свободой мусульмане были наделены только

⁵⁶³ Ремнев А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. №4. С. 14.

⁵⁶⁴ Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, М.М. Дамешек, В.П. Зиновьев и др. М., 2007. С. 219.

⁵⁶⁵ Тихонов А.К. Исламский фактор в Поволжье в 1860–1870-е гг. // Отечественная история. 2007. №3. С. 61.

⁵⁶⁶ Недзельюк Т.Г. Смена вероисповедной принадлежности в российской империи на примере Западной Сибири: потенциальные возможности, нормативное регулирование, практика применения // Народы и религии Евразии. 2019. №4 (21). С. 128–139.

⁵⁶⁷ Тихонов А.К. Исламский фактор в Поволжье в 1860–1870-е гг. // Отечественная история. 2007. №3. С. 61–62; Шерстова Л.И. Влияние государственной политики на этнические процессы в Южной Сибири в первой половине XIX в. // ЭО. 2000. №4. С. 106; Шершнева Е.А. Некоторые факторы, влияющие на возвращение крещеных инородцев в мусульманскую веру в XIX – начале XX в. в Западной Сибири // Религия в истории народов России и Центральной Азии. Барнаул, 2011; Верт П. Православие, инославиe, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 97.

⁵⁶⁸ Султангалиева А. Эволюция ислама в Казахстане // Воронежский тюркологический сборник. Воронеж, 2007. Вып. 7. С. 14.

в 1905 г. после выхода Указа «О веротерпимости»⁵⁶⁹, который еще больше усилил проповедь ислама среди инородческого населения. Данный Указ осложнил деятельность Алтайской духовной миссии в Сибири и вызвал достаточно сильную волну обращения в прежнюю веру. С этого момента мусульмане начали обращаться к миссионерам с вопросом о разрешении проповеди ислама среди православного населения. Теперь все более агрессивно начинает восприниматься христианская проповедь в инородческой среде⁵⁷⁰.

Подобные процессы взаимоотношений православия и ислама в контексте государственно-конфессиональной политики можно хорошо проследить и в Западной Сибири. С момента включения в состав Российского государства Сибирского ханства начинается тесное взаимодействие двух конфессий – ислама и православия. Такое соприкосновение заметно усиливается в XIX в., когда на территории Западной Сибири активизировала свою деятельность Русская православная церковь, создав Алтайскую духовную миссию для ведения активной миссионерской политики среди инородческого населения российских окраин, основную массу которого составляло мусульманское население. Весьма показательны данные о количестве мусульман среди инородцев Западной Сибири. Так, согласно сведениям Н.М. Ядринцева, из 142191 инородцев Тобольской и Томской губерний 126 126 человек исповедывали ислам⁵⁷¹.

Из-за отсутствия в первой половине XIX в. активного содействия со стороны государственной власти, в 1830 г. была приостановлена деятельность Алтайской духовной миссии на территории Киргизской степи (Казахстан). Необходимо подчеркнуть, что неоднозначной была политика государственной власти по вопросу веротерпимости в отношении инородческого населения. С одной стороны, отказ от помощи православной церкви в ее миссионерской деятельности, а с другой – активное насаждение ислама в Киргизской степи. Вмешательство в конфессиональную жизнь инородцев привело к тому, что находившаяся в Санкт-Петербурге киргизская (казахская) депутация направила прошение на имя императора с просьбой: «...мечетей и школ у них не заводить, ахунов и указных мулл не отправлять и позволить детей своих не отдавать учиться в школы...»⁵⁷². Представители Русской православной церкви не поддерживали деятельность правительства по строительству мечетей и назначению указных мулл в Киргизской степи⁵⁷³. Так, главой Алтайской духовной миссии в отчете о ее деятельности осуждалась вероисповедная политика государства и то, что «...у нас религия есть средство, а не цель»⁵⁷⁴. Имперская власть, способствуя распространению ислама в Степи, стремилась укрепить свои позиции в инородческой среде. Считалось, что именно ислам поможет в управлении инородческим компонентом, не имеющим на тот момент никакого закона.

Не следует, однако, в полной мере опираться на мнения представителей Русской православной церкви, которые утверждали, что киргизы мало знакомы с учением Мухаммеда, а еще меньше с религиозными обрядами ислама. В 1859 г. генерал-губернатор Западной Сибири на встрече с миссионером в Усть-Каменогорске отмечал обратную тенденцию, в частности, то, что начинать христианизацию киргизцев (казахов) уже поздно. Данные действия будут иметь, по его мнению, успех только в отдаленных районах, куда ислам еще не проник⁵⁷⁵.

Отношение к исламу в Российском государстве определялось социально-экономическими и геополитическими реалиями, соответственно, неоднократно менялось в зависимости от характера отношений с народами Центрально-Азиатского региона. На протяжении всей истории ислам представлялся дестабилизирующим фактором власти Российского государства. Для обеспечения своей безопасности правительство осуществляло русификаторскую политику, способствовало разжиганию религиозной и этнической розни, старалось препятствовать взаимодействию между собой различных групп

⁵⁶⁹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1908. Собрание III. Т. XXV. С. 258–262.

⁵⁷⁰ Мавлютова Г.Ш. Об обращении в православие татар Западной Сибири // Тюркские народы : материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 2002. С. 196.

⁵⁷¹ Ядринцев Н.М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень, 2000. С. 219.

⁵⁷² ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 82. Л. 6.

⁵⁷³ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 82. Л. 7об.

⁵⁷⁴ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 82. Л. 9об.

⁵⁷⁵ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 82. Л. 7.

мусульманского населения⁵⁷⁶. Русская православная церковь в России как часть государственного организма взяла на себя задачу по унификации инородческого населения и приведения его к единой государственной вере. В дореволюционной России в отношении внутренней религиозной политики «утверждался принцип веротерпимости при твердом господстве православного вероисповедания»⁵⁷⁷.

Несмотря на активную поддержку со стороны государства, Русская православная церковь чувствовала себя не очень уверенно на инородческой территории. Зато ислам, приобретая значение этноформирующего фактора, уже к началу XIX в. занимал ведущее место среди части населения Сибири. Это привело к пресечению активной русификаторской политики имперской власти. Определенную роль в процессе пресечения активной христианизации мусульманского населения сыграли и мусульмане, сосланные из европейской части России⁵⁷⁸.

К середине XIX в. в Западной Сибири начался новый этап развития отношений между исламом и православием. Правительство, а вместе с ним и Русская православная церковь демонстрировали в определенном смысле новые тенденции национальной и религиозной политики. Однако идеи создания государства с единой религией и с «размытыми» национальными признаками не покидают ни правительство, ни деятелей церкви. В этот период началась теоретическая разработка миссионерской программы. Основные положения по ведению миссионерской деятельности были изложены архимандритом М. Глухаревым и заключались в воцерковлении инородческого населения и его просветительстве на основах христианской морали при сохранении языковой самобытности⁵⁷⁹.

Деятельность Русской православной церкви активно поддерживает государство, в том числе и на Алтае. Так, в 1856 г. российские власти пытались нейтрализовать усиление ислама вдоль казачьих линий на территории пограничных регионов. Еще ранее, в 1844–1848 гг., в долине реки Черги было основано Черно-Ануйское отделение Алтайской духовной миссии, которому было суждено стать основой противомусульманского центра. В 1882 г. Синодом было разрешено открыть Киргизскую миссию, которая входила в состав Алтайской духовной миссии. Деятельность этой миссии также была направлена на борьбу с распространением ислама в Степи⁵⁸⁰. В рамках содействия просветительской деятельности миссионеров с 1873 г. начинает регулярно выходить «Миссионерский противомусульманский сборник». С 1855 г. в Казани издавался ежемесячный журнал «Православный собеседник», приложением к которому с 1912 г. выпускался журнал «Инородческое образование»⁵⁸¹.

На протяжении всего XIX в. в Сибирском регионе наблюдалась перестройка церковного управления. В рамках подобного рода изменений количество епархий в Сибири с пяти в 1840 г. увеличилась к началу XX в. до 11. Определенное распространение получили и миссионерские станы⁵⁸². В 1854 и 1863 гг. утверждаются новые, более упрощенные правила перехода в православие. По этим правилам священникам разрешалось крестить без предварительного разрешения российских властей. При крещении детей отменялось разрешение родовых старшин. Для детей в возрасте 14 лет не требовалось согласия родителей⁵⁸³. Алтайская духовная миссия всецело препятствовала расширению сферы влияния ислама. Однако до последней трети XIX в. активная миссионерская деятельность не велась среди

⁵⁷⁶ Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск, 1993. С. 95.

⁵⁷⁷ Поплавская Х.В. К вопросу о православном миссионерстве на Алтае (30–60-е гг. XIX в.) // Этнографическое обозрение. 1995. №5. С. 101.

⁵⁷⁸ Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005. С. 124; Шерстова Л.И. Влияние государственной политики на этнические процессы в Южной Сибири в первой половине XIX в. // ЭО. 2000. №4. С. 106.

⁵⁷⁹ Глухарев М. Мысли о способах к дальнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской империи. М., 1894.

⁵⁸⁰ Октябрьская И.В. Ислам и православие на Алтае. История и специфика диалога // Сибирь на перекрестке мировых религий: материалы межрегион. научно-практ. конф. Новосибирск, 2002.

⁵⁸¹ Бессмертная О.Ю., Журавский А.В., Смирнов А.В., Федорова Ю.Е., Чалисова Н.Ю. Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема. М., 2010. С. 140.

⁵⁸² Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, М.М. Дамешек, В.П. Зиновьев и др. М., 2007. С. 219; Дамешек И.Л. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в.: сб. науч. тр. / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2005. С. 260; Октябрьская И.В. Ислам и православие: опыт взаимодействия в свете стратегий межэтнической коммуникации (на примере казахов Алтая) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межэтнической коммуникации (XVII – начало XX в.): сб. ст. / отв. ред. А.В. Бауло. Новосибирск, 2008. С. 347.

⁵⁸³ Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010. С. 37.

кочевого казахского населения, и только экономический кризис и разорение казахов Младшего жуза подтолкнули казахское население к принятию православия, так как это давало определенные льготы⁵⁸⁴. Все же не следует считать, что крещение в мусульманской среде носило массовый характер. Даже экономические проблемы не могли привести к отступлению большого количества мусульман от «веры отцов». При этом в 1868 г. был отмечен особый всплеск желающих принять христианство среди киргизов (казахов). Такое желание кочевого мусульманского населения было связано с ухудшившимися отношениями в приграничных с Китаем районах. С того момента, как китайским правительством были приняты меры по улучшению жизни своих подданных, количество желающих принять православие резко сократилось. Если изначально число стремящихся принять новую веру составляло 1037 душ, то после всех событий оно сократилось в три раза и не превышало 328 душ⁵⁸⁵. При этом отметим, что в основном обращались в православие представители низших слоев. По данным Н.М. Ядринцева, «с 1860 по 1869 г. из среды татар Тобольской губернии, составляющей 40000 сплоченного фанатического магометанского населения, крещено было только 300 человек, а в последнее время, в 5 лет, – 58 человек»⁵⁸⁶.

Следует обратить внимание на то, что принявшие христианство мусульмане часто оставались верны своим традициям и обычаям. Правительство призывало духовенство быть менее строгими к инородческому населению в силу того, что несоблюдение церковных правил может быть вызвано условиями жизни, а священнослужители должны были увещевать, а не наказывать невежественных и упорных инородцев. В Положении об инородцах (1892 г.) особо выделялся вопрос отправления религиозных культов, в рамках которого давалась отсылка к Уставу духовных дел иностранных исповеданий. В Уставе говорилось о том, что духовенство имело право только с помощью убеждений обращать инородцев в христианское вероисповедание. Кроме того, священники должны были обращаться в инородные управы, чтобы волостные начальники принудили к исполнению христианского долга инородца, уклоняющегося от соблюдения религиозных обрядов⁵⁸⁷.

Постепенно в миссионерской среде сложилось убеждение о необходимости подготовки кадров для работы в миссии из местного населения. Миссионеры понимали, что проповедь необходимо вести на родном языке, поэтому в конце XIX в. в Тобольске было создано отделение Библейского общества, которое проповедовало Евангелие среди татар и казахов. Однако все эти меры не дали желаемого результата и не привели к массовому переходу из ислама в христианство. Так, по отчетам губернатора, за девять лет – с 1860 по 1869 г. – был крещен 331 человек⁵⁸⁸.

Мусульмане относились к своей религии очень ревностно, а к отказавшимся от нее – крайне враждебно. Зачастую дело не ограничивалось только моральным осуждением, а доходило до избиения, а в некоторых случаях и до убийства новокрещенных. Например, миссионер Е. Елисеев сообщал об убийстве в Зайсане новокрещенного казаха фанатиком-татаринем⁵⁸⁹. Немало сведений содержится в записках миссионеров об отношении мусульман к своим родственникам, принявшим православие. Так, мать, узнавшая, что ее дочь приняла православие, была огорчена настолько, что до крови исцарапала себе лицо. Были известны также случаи воровства новокрещенных и возвращение их в свои семьи, особенно это касалось женщин и детей⁵⁹⁰. Мужья похищали своих жен, принявших христианство. Зачастую эти похищения имели вид разбойничьих нападений.

Такое отношение со стороны общины приводило к тому, что новокрещенное мусульманское население охранялось государством и Русской православной церковью. При этом исламским миссионе-

⁵⁸⁴ Горбунова С.В. Крещенные казахи Российской империи // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти З.М. Залкина: материалы конф. / под ред. В.А. Моисеева. Барнаул, 2003.

⁵⁸⁵ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 82. Л.16об.; Цысь О.П. Миссионерская деятельность среди татар Тобольской епархии в конце XIX – начале XX в. // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 2002. С. 244–246; Приложение 3.

⁵⁸⁶ Ядринцев Н.М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень, 2000. С. 231.

⁵⁸⁷ Конев А.Ю. Влияние религиозного фактора на правовой статус сибирских аборигенов (XVIII–XIX вв.) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX в.): сб. ст. / отв. ред. А.В. Бауло. Новосибирск, 2008. С. 319.

⁵⁸⁸ Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002. С. 369.

⁵⁸⁹ Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х. Ислам у казахов (до 1917 г.). М., 1997. С. 123.

⁵⁹⁰ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 14.

рам запрещалось проповедовать среди новообращенных, а принявших православие по возможности старались селить среди русского православного населения⁵⁹¹. Мусульман, ведущих проповедническую деятельность среди своих соплеменников, отдавали под суд. Судопроизводство по данным вопросам было прописано в Министерстве внутренних дел и свидетельствовало о строгом наказании за отступничество от христианства. При этом духовные власти должны были принимать активное участие в таких судебных процессах и предоставлять сведения об увещании желающего перейти в ислам⁵⁹². Примером этому может служить случай, изложенный в рапорте Алтайскому горному правлению священником Змеиногорской Преображенской церкви, о том, что некий татарин Мухамет Закир Файзов бранил новокрещенных киргизцев (казахов), призывал их оставить православие и вернуться назад в мусульманскую веру. Кроме того, согласно рапорту, указанный татарин уговаривал новокрещенных казахов бежать в Киргизскую степь. При этом он утверждал, что готов проводить их туда и даже взять все расходы на себя. В итоге татарин Мухамет Закир Файзов был взят под стражу и отдан под суд⁵⁹³.

Важно отметить, что мусульмане основную проблему отхода от ислама видели в активной деятельности миссионеров. Это вызывало у них враждебное отношение к миссии, о чем можно судить по миссионерской переписке. Так, некий обращенный в ислам телеут Курма Черин старался настраивать новокрещенных инородцев против Алтайской духовной миссии и христианства⁵⁹⁴. К тому же не следует забывать, что деятельность Алтайской духовной миссии невозможно отделить от русификаторской политики государства. В этой связи мусульмане всеми силами противились слиянию с русским населением, поскольку именно ислам они воспринимали как этнический признак. На это указывает и приговор Туражской инородной управы в 1891 г.: «Если нас приписать к русской волости... то легко могут происходить между нами – магометанами – и христианами общие неудовольствия от того только, что мы два народа, хотя и находимся во взаимном друг с другом уважении, но чужды верою, языком и образом жизни»⁵⁹⁵.

Особенно сложной была конфессиональная ситуация в пограничной зоне, поэтому политический фактор играл здесь едва ли не первостепенную роль в развитии православного прозелитизма среди кочевников. Именно антиисламская составляющая обозначалась как приоритетное направление в деятельности Алтайской духовной миссии. И чем крупнее становилось казахское сообщество на Алтае, тем больше усиливалась деятельность миссии в этом направлении⁵⁹⁶. Основной задачей священников-миссионеров было странствие по инородческим поселениям, где зачастую устраивались диспуты с мусульманскими проповедниками, которые посещали Алтай, останавливаясь у исповедующих мусульманскую веру⁵⁹⁷. Миссионерам иногда доводилось побеседовать с муллой. Об одном из таких разговоров священник Иоанн Никольский упоминал в своих записках за 1891 г. Рассказывая о своей образовательной деятельности среди мусульманского населения, мулла достаточно охотно шел на контакт. Но как только зашел разговор о вере, он тотчас же поменялся в лице, стал озлобленным, старался отговариваться незнанием или ссылаясь на незначительные мелочи. Единственным его утверждением было: «...в какой вере человек родился,

⁵⁹¹ Гарифуллин И. К вопросу о христианизации сибирских татар // Проблемы истории Казани: современный взгляд : сб. ст. Казань, 2004. С. 504; Шершнева Е.А. Взаимоотношение мусульман с Русской православной церковью в XIX в. на Алтае // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. IV. Барнаул, 2010; Дашковский П.К., Шершнева Е.А. К вопросу о взаимоотношении Русской православной церкви и мусульман Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Ислам в Сибири: вызовы времени. Омск, 2016. С. 92–96; Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Мусульманские и православные общины Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: некоторые аспекты взаимоотношений // Этнокультурные и этносоциальные процессы в трансграничном пространстве России и Центральной Азии / под ред. П.К. Дашковского. Барнаул, 2016. С. 346–349.

⁵⁹² ИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 17959.

⁵⁹³ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 3-в.

⁵⁹⁴ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 4.

⁵⁹⁵ Шерстова Л.И. «Новые» этносы и «новые» религии: к проблеме генезиса этнического самосознания (на материалах тюркских сообществ Западной Сибири XIX–XX вв.) // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск, 2005. С. 75.

⁵⁹⁶ Октябрьская И.В. Крещеные казахи Алтая. Конфессиональный фактор в этнической истории XIX–XX вв. // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск, 2005. С. 82; Октябрьская И.В., Осипова Л.П., Нечипоренко О.В. Туратинские казахи. Судьбы национальных меньшинств России // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы научно-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Барнаул, 2001. Вып. 4. С. 29.

⁵⁹⁷ ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 2. Л. 950б.

в такой и должен умереть». В итоге мулла перестал отвечать на любые вопросы, заглушая речь миссионера криками⁵⁹⁸.

Необходимо отметить, что деятельность миссионеров зачастую была неумелой и только озлобляла представителей традиционных народов региона. Так, обратив незначительную часть инородцев в православие, миссионеры начинали политику гонения на остальное население. Притеснения со стороны русских священников, массовые разрушения мечетей приводили к потере авторитета православной церкви у татарского населения и укрепления среди них позиций ислама⁵⁹⁹. Не раз случались моменты, когда именно миссионеры провоцировали мусульманское население на конфликты и вызывали у них враждебные к себе чувства. Так, однажды миссионер Большенарымского стана под предлогом оценить чистоту книг, переведенных на казахский и татарский языки, пригласил к себе в дом татарина. Изначально он зачитывал и показывал ему книги нравственного содержания, но затем незаметно для гостя подменил на брошюру «Христианская вера в сравнении с Мухамедовой – лучше». После чего гость просто позеленел от злости и выбежал вон, а миссионер проговорил: «Вот она татарщина»⁶⁰⁰. Как только миссионеры задавали мусульманам вопросы, касающиеся веры, они тут же менялись в лице и смотрели на них взглядом, полным ненависти. Когда миссионеры спросили одного из татар о вере, он ответил: «Самый проклятый тот человек, который переменяет веру свою: он ни собака, ни еврей, ни магометанин, ни русский. И я никогда не соглашусь переменить веру свою, потому что во всю свою жизнь на белом свете, сколько вер я ни видел, ни одной лучше, чище и опрятнее магометанской не нашел. А ваша вера самая грязная, и грязнее веры я не видел»⁶⁰¹.

Подобное поведение татарского населения только подтверждает, что миссионеры, неумело проповедуя, часто вели себя некорректно по отношению к местному населению. Ведь проявляя не раз добродушие и гостеприимство даже к миссионерам, татарское население становилось нетерпимо и фанатично, как только затрагивались вопросы веры. Именно такое поведение и породило убеждение миссионеров в нетерпимости и фанатичности татар в вопросах веры. Однако и казахи, отличающиеся, по утверждению В.В. Радлова, меньшей фанатичностью, чем татары, привели миссионера Е. Елисева к совершенно другому мнению. Миссионер на своем личном опыте убедился, что «казахи зачастую проявляют такую же слепую преданность исламу, как фанатики-татары, и поэтому оглашение киргизских степей истинами веры Христианской нередко требует от миссионера-проповедника неимоверных усилий»⁶⁰². В записках миссионера Большенарымского стана Киргизской миссии за 1891 г. говорится следующее о фанатичности мусульман: «Мусульманству преданы киргизы настолько, насколько может быть предан человек своей вере, фанатизма в них вовсе нет. По свойствам характера киргизы фанатиками быть не могут, и это счастье наше! Именно киргизы не имеют этих свойств характера, которые питают и разогревают фанатизм: нет в них характерной стойкости и религиозности, которыми отличаются татары, турки и прочие фанатические мусульмане. Впрочем, ислам способен перевоспитать и киргизов, если только допустить его в степь во всей силе»⁶⁰³. К тому же, по мнению миссионеров, инородцы были крайне мало знакомы с исламом. Даже обрядовая сторона была им мало известна⁶⁰⁴.

С точки зрения Н.М. Ядринцева, посетившего Алтай в 1878 и 1880 гг., поддержка со стороны правительства зачастую порождала в самой миссионерской среде религиозный фанатизм, заглушая желание донести знание до инородцев и наладить их быт. Русское население не улучшало, а напротив, больше пагубно действовало на быт калмыков и «черных татар», все более вторгаясь на Алтай. Захват

⁵⁹⁸ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 47. Л. 15; Иванцова Г.И., Коновалова Е.Н. Противомусульманская миссия новокрещенного Ефрема Елисева в Тобольской епархии // Тюркские народы : материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 2002. С. 171.

⁵⁹⁹ Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1992. С. 142; Шершнева Е.А. Взаимоотношение мусульман с Русской православной церковью в XIX в. на Алтае // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. IV. Барнаул, 2010.

⁶⁰⁰ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 48.

⁶⁰¹ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 47. Л. 15об.

⁶⁰² Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х. Ислам у казахов (до 1917 г.). М., 1997. С. 122.

⁶⁰³ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 48. Л. 11.

⁶⁰⁴ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 13.

земли русским населением приводил к голоду в среде алтайских инородцев⁶⁰⁵. Так, в 1878 г. в Барнаульском округе русские крестьяне и казаки в районе озера Песчаного присвоили себе в округе все земли и пустили на это место казахов, сдавая им эти земли и продавая траву для скота⁶⁰⁶.

После враждебного отношения со стороны Русской православной церкви и правительства по отношению к мусульманскому населению сложно ждать от него в ответ благосклонности, и неудивительно, что среди городского татарского населения получила распространение литература антирусского содержания, в которой оплакивалась зависимость татар от Российского государства и восхвалялись мусульманские народы. В этих рукописных тетрадях умалялось значение русского народа, внушалась надежда на торжество мусульман над последователями других религий. Песни такого содержания пелись учениками в школах и дома, передавались из поколения в поколение. Кроме того, при проверке были обнаружены константинопольские печатные издания, в которых излагались мысли враждебного содержания к русскому народу и государственному начальству⁶⁰⁷.

Таким образом, следует отметить, что политика православных миссионеров к началу XX в. носила скорее оборонительный, чем наступательный характер. Русская православная церковь стремилась сохранить свою паству, всячески ограждая ее от влияния мусульманских проповедников, а также не принявших крещения инородцев. Для этого было введено ограничение на общение населения, принявшего православие, с мусульманами. С 1887 г. начинают проводить миссионерские съезды. На одном из таких съездов, проходившем в 1910 г. в Казани, встает вопрос об отмене любых льгот отпавшим от православия в ислам. Зачастую именно экономические поощрения привлекали мусульман в православной вере. С принятием православия мусульмане на три года освобождались от налогов, что было зафиксировано в Своде законов Российской империи⁶⁰⁸. Кроме материальных поощрений от государства, принявшие православие мусульмане, ждали помощи еще и от Русской православной церкви в лице миссионеров, тем более, что она всегда её оказывала. С 1907 г. подобного рода финансирование новокрещенных прекратилось⁶⁰⁹. Не получив материальной поддержки, мусульмане писали прошения о разрешении вернуться им в родную веру.

Следует подчеркнуть, что мусульмане часто искали выгоду для себя в принятии православной веры. В частности, кто-то ожидал получить материальное вознаграждение, кто-то – поддержку во время выборов в местные органы власти либо любовь к инородцу⁶¹⁰. В 1907 г. на имя Томского епископа поступило прошение от ссыльного крестьянина Енисейской губернии Красноярского уезда, где он общал, что из-за отсутствия возможности исполнять мусульманские обряды он решил принять одну из древних вер – православие⁶¹¹. В своем прошении крестьянин упоминал о том, что в Сибири нет мусульман и, соответственно, нет мечетей.

Подобного рода заявления напрямую противоречили реальному положению дел, так как в 1851 г. в Западной Сибири действовали 188 мечетей⁶¹². Возможно, конечно, предположить, что ссыльного мусульманина смутила вера местного мусульманского населения. В этой связи интересно мнение исследователей, которые указывали, что мусульманам Сибири был свойствен мусульманско-языческий синкретизм⁶¹³.

⁶⁰⁵ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. С. 143.

⁶⁰⁶ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 545.

⁶⁰⁷ ГААК. Ф. 181. Оп. 1. Д. 41.

⁶⁰⁸ Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 5. С. 75.

⁶⁰⁹ Мавлютова Г.Ш. Об обращении в православие татар Западной Сибири // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 196.

⁶¹⁰ Садвокасова З.Т. Интеракции ислама и православия в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы Междунар. научно-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Вып. 6. Барнаул, 2005. С. 52.

⁶¹¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3307. Л.75–75об.

⁶¹² Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002. С. 364.

⁶¹³ Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Некоторые аспекты изучения народного ислама в Сибири в свете исторических и этнографических данных (к постановке проблемы) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск, 2004. Т. 8; Валеев Ф.Т. О религиозных представлениях западносибирских татар // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1976; Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1992; Коновалов А.В. Пережитки шаманства у казахов Южного Алтая // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 127–131.

Важно отметить, что принятие христианства среди традиционных народов региона, изначально исповедующих ислам, носило поверхностный характер. Особой проблемой обращения мусульман в православие было неприятие мусульманами христианской догматики. Приняв православие, мусульмане зачастую оставались верны своим традициям. Так, в своей записке священник Черно-Ануйского отделения Алтайской духовной миссии писал о том, что «некоторые из новокрещенных киргизов высказывают сильное расположение к мусульманству, соблюдают мусульманские посты и праздники, на поминках молятся по-мусульмански». На все увещевания отвечают, что так привыкли⁶¹⁴. Кроме этого, при рассмотрении расписок о желании принять православие, отмечает священник, следует обратить внимание, что желающие это сделать находятся в возрастной группе от 20 до 30 лет. Соответственно, и возврат их в исконную веру предков был неизбежен в результате давления со стороны родственников.

Следует обратить внимание также еще на один фактор, влиявший на принятие православия местными жителями Сибири. Кроме того, что перешедшие в православие из ислама искали для себя определенных экономических выгод, они могли еще скрываться от правосудия. Например, к прошениям о принятии православия 137 зауральскими казахами была сделана приписка: «...часть преступники, искавшие спасения в отступничестве, и вообще народ порочный, по каким-либо причинам не принимаемый своими соотечественниками. По убеждению, без корыстных целей, крестился разве что каждый десятый человек»⁶¹⁵.

Обращаясь в православие, мусульмане также стремились избежать воинской повинности. Согласно Своду законов Российской империи воинская повинность для мусульман, принявших православную веру, заменялась денежным налогом⁶¹⁶. Данное положение во многом устраивало мусульман. Об этом можно судить, обращаясь к архивным данным. Так, например, мусульманин, не желающий отдавать своего сына на воинскую службу, приписал ему в паспорте 10 лет. Данный факт был раскрыт только при крещении, так как в этом случае необходимости скрывать свой возраст не было. Находясь в мусульманской вере, он вынужден был давать взятку старшине. С принятием новой веры данный инородец мог, согласно закону, выплачивать налог государству, не привлекаясь к уголовной ответственности⁶¹⁷.

Несмотря на то, что мусульмане иногда принимали православие, аргументируя это сложностью проживания мусульман среди православного населения, следует отметить, что новокрещенным зачастую было по-прежнему очень трудно примкнуть к русскому крестьянству. Подобные сложности никак не могли способствовать укреплению в православной вере. О враждебном отношении со стороны русского населения сообщали и миссионеры Алтайской духовной миссии. Это, в свою очередь, мешало удерживать мусульман, перешедших в православие. Виной отступления от веры иногда было и то, что принимающие крещения не всегда были грамотны в вопросах православия. Так, например, в архивных документах хранится прошение мусульманина о разрешении принять ему православие со снисхождением, так как живет он отдаленно, поэтому изучать Закон Божий для него не представляется возможным⁶¹⁸.

Следует подчеркнуть, что в целом политика государства в отношении крещеных татар, возвращающихся к вере предков, не останавливала перехода в ислам, а только увеличивала их количество. Не сдерживало этот процесс и то, что принявшие ислам крещеные татары становились самой неполноправной группой в Российской империи. На протяжении долгих лет данная группа населения вынуждена была бороться за свое право исповедовать ислам, а также за разрешение быть причисленными к мусульманскому населению Российского государства. Татары, желая поддержать вернувшихся в исконное вероисповедание, организовывали материальную поддержку отпавшим от православия⁶¹⁹.

⁶¹⁴ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 135. Л. 10–10об.; Юрьева В.В. Сочетание православных и исламских элементов в народной культуре туратинских казахов // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы Междунар. научно-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Вып. 5. Барнаул, 2003. С. 203.

⁶¹⁵ Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х. Ислам у казахов (до 1917 г.). М., 1997. С. 122.

⁶¹⁶ Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 5. С. 86.

⁶¹⁷ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3049. Л.13об.

⁶¹⁸ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3049. Л. 82об.

⁶¹⁹ Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010. С. 133.

В связи с участвовавшими переходами из христианской веры в мусульманскую архиепископом Томским и Барнаульским 15 июля 1905 г. были установлены правила крещения евреев и мусульман. До совершения таинства крещения священник должен был, во-первых, изучить ответы по вопросам веры, данные желающим принять православие: «как следует верить, жить и молиться?». Во-вторых, необходимо было знать, насколько мусульманин знаком с учением о спасении души. Желающий принять православие должен каждое воскресенье посещать богослужение, изучать молитвы и крестоположение. Мусульманин или еврей постом и молитвой должен был приготовиться к принятию крещения. Кроме того, обязательным считалось посещение исповеди, на которой священник должен был наставлять желающего креститься. Лишь после этого священник докладывал епархиальному начальству о желающем креститься и прилагал его расписку. После крещения на священнослужителя накладывалась обязанность внимательно следить за соблюдением всех правил⁶²⁰.

Епархиальное начальство было вынуждено принять подобные правила, так как зачастую священники ограничивались только крещением инородцев. В отличие от активной деятельности мусульманских мулл, они не вели никакой разъяснительной работы среди новокрещенных, а ограничивались строгим исполнением треб. В этой связи нельзя всю вину за возвращение в прежнюю веру возлагать на новокрещенное мусульманское население. Зачастую священники и миссионеры, стремившиеся увеличить число новокрещенных, не следовали установкам церкви. Примером может являться и случай с Василием Ложниковым, который обратился к уездному начальству с просьбой разрешить вернуться в ислам. В своем прошении он упоминал о том, что наставник его плохо просвещал в вопросах веры, да и вообще православие он принял по легкомыслию, находясь в безвыходном положении⁶²¹.

Важно отметить, что дела, касающиеся перехода в ислам из православной веры, рассматривались с особой тщательностью и вниманием. Так, в 1872 г. в Духовной консистории изучалось дело крестьянина Кирилла Нифонтова, желающего принять ислам, отказавшись от ранее принятой православной веры. Из Духовной консистории дело было передано в областное правление для выяснения всех подробностей, в чем обвинялся данный крестьянин. По результатам расследования было выяснено, что Нифонтов крещен в 1861 г., о чем есть запись в метрической книге. О своем крещении он никому не объявлял, но в результате расследования показал, что в настоящее время придерживается православия. Статистическое управление и священник после беседы и наставления его должны были присоединить его к православию со взятием с него подписки о неуклонном пребывании в православии⁶²². С аналогичной проблемой столкнулась и Тобольская духовная консистория, рассматривающая дело по несоблюдению киргизом (казахом) Федором Максимовым правил христианства. В результате расследования выяснилось, что еще и его тесть, считающийся православного вероисповедания, жил в действительности по мусульманскому обычаю, имел двух жен. Это Русской православной церковью расценивается категорично отрицательно как прелюбодеяние⁶²³.

Процесс возвращения в лоно православной церкви был делом государственной важности. Об этом можно судить, например, из дела крестьянина Илии Федорова, уклонение которого от православия рассматривала Духовная консистория. Несмотря на то, что он категорически отрицал принадлежность к православному вероисповеданию, тем не менее его надлежало отдать под суд. Для этого необходимо было приложить к делу увещательный акт и выписку из метрической книги⁶²⁴. В 1905 г. Министерством внутренних дел было сделано циркулярное предписание, согласно которому переход в иную конфессию должен был сопровождаться прошением, написанным на имя губернатора. Только после этого проводилось расследование, в ходе которого устанавливали, какого вероисповедания были предки, уклонялся ли человек от исполнения христианских обрядов⁶²⁵. Однако все старания православной

⁶²⁰ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3307. Л.20–21.

⁶²¹ Садвокасова З.Т. Интеракции ислама и православия в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2005. С. 51–52.

⁶²² ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 605. Л. 1–3.

⁶²³ ИАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 16318.

⁶²⁴ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2564. Л. 3–9.

⁶²⁵ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 495.

церкви и государства в отношении «отступников» от православной веры были бесполезны, поскольку данный процесс был необратим.

Следует отметить, что православно-мусульманские отношения в России, во-первых, складывались и воспринимались в государственной плоскости. Во-вторых, вплоть до Октябрьской революции этим отношениям был присущ вассально-сеньориальный характер⁶²⁶. Таким образом, рассматривая политику Русской православной церкви как орудия государственной власти в Западной Сибири, в особенности на Алтае, можно заключить, что именно из-за своей непродуманности она оказалась способной воспитать в мусульманской среде религиозный фанатизм и сопротивление правительству. Несмотря на активную проповедническую деятельность Русской православной церкви, количество мусульман, принявших православие, было незначительным. Неверно также утверждение, что инородцы, исповедующие ислам, слабо разбирались в этой религии, зная преимущественно обрядовую ее сторону. Мусульманское население, проживающее на территории Алтая, было более образовано, чем православное, а вследствие того, что образование велось муллами и муэдзинами, то с вопросами веры население было знакомо не хуже, чем с обрядовой стороной. К началу XX в. власть так и не смогла решить проблемы, связанной с переходом крещеного инородческого населения в ислам. Связано это было с тем, что христианизация населения зачастую была формальной, как следствие, нередко возникали случаи двоеверия. К тому же основным методом миссионерской деятельности по привлечению в православие было предоставление новокрещеным льгот. Прекращение финансирования миссии со стороны государства к началу XX в. и отмена льгот поставили православие на Алтае в один ряд с исламом, приостановив активную деятельность со стороны православной церкви, а также позволили инородческому населению региона сохранить собственное религиозное наследие. Принятый в 1905 г. Указ о веротерпимости только обострил межконфессиональные противоречия в государстве. С этого времени в Западной Сибири резко сократилось количество желающих принять православие. В 1906 г. Алтайской миссии не удалось крестить ни одного инородца, а Киргизской миссией было крещено всего 19 человек, из которых только 8 были казахами⁶²⁷. Ранее крещеное мусульманское население видело своей целью возврат к религии предков, поэтому никакое бесправное положение не могло им в этом помешать.

3.4. Миграционные процессы в жизни мусульманских общин Западной Сибири

В России как многонациональном государстве миграционный вопрос являлся одним из ведущих на протяжении всего исторического развития. Особую роль в данном случае играли мусульманские народы, которым органы власти отводили важное место в системе государственно-конфессиональных и межнациональных отношений в имперский период⁶²⁸. С конца 80-х гг. XVIII в. наблюдался активный отток мусульманского населения с территории Российской империи. Одно из ведущих мест в процессе переселения за пределы страны в данный период занимали крымские татары, так как со стороны государственной власти наблюдалось ущемление их национальных и культурных интересов⁶²⁹. Вопросы миграционной политики включали в себя проблемы не только внешней миграции, но и внутренних переселений. Государство, стремясь снизить активный отток населения за пределы страны, часто заменяло его внутримиграционными процессами. Эти тенденции стали особенно заметными во второй половине XIX в. Следует отметить, что миграции в Российском государстве носили двухсторонний

⁶²⁶ Бессмертная О.Ю., Журавский А.В., Смирнов А.В., Федорова Ю.Е., Чалисова Н.Ю. Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема. М., 2010. С. 126.

⁶²⁷ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск, 1986. С. 156.

⁶²⁸ Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Policy of the Russian state for the control of the religious life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2015. V. 36. Is. 2. P. 338–346; Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Relations between the Muslim communities and the Russian Orthodox Church in Western Siberia in the second half of XIX – early XX century in the context of confessional policy of the Russian // *Bylye Gody*. 2015. V. 39. Is. 1. P. 120–128.

⁶²⁹ Кабузан В.М. Миграция в Российской империи // *Отечественные записки*. 2005. № 4 (19). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=507> (дата обращения: 15.06.2016); Он же. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998. 350 с.; Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Исламский фактор в миграционных процессах в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // *Религиоведение*. 2015. №1. С. 48–52; Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. The role of Muslims in Migration Processes in the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44. Is. 2. P. 551–559.

характер, поэтому вопрос законодательного оформления данных процессов вставал уже на рубеже XVII–XVIII вв. Массовое появление иностранных подданных на территории государства побудило к созданию ряда законодательных актов, регламентирующих их правовой статус. Такими документами еще в XVIII в. становятся два манифеста. Так, Манифест от 4 декабря 1762 г. регламентировал расселение иностранных подданных. Второй Манифест от 22 июля 1763 г. оговаривал права иностранных граждан, проживающих на территории Российского государства⁶³⁰.

К концу XIX в. завершается процесс присоединения новых земель, ознаменовавшийся включением в состав России новых территорий, на которых проживали народы, исповедующие ислам. Данный фактор вызвал миграционные процессы среди мусульманского населения Российской империи. Наиболее привлекательными для него становятся страны Востока, которые рассматривались эмигрантами как оплот мусульманской веры. Еще одним событием, вызвавшим массовое переселение мусульманских народов, стало завершение Кавказской войны, после которой страну покинуло значительное количество кавказских горцев⁶³¹. Так, с 1859 по 1870 г. с территории Северного Кавказа в Турцию переселилось около 500 тысяч человек⁶³². Аналогичный процесс наблюдался и среди других мусульманских народов Российской империи. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. вызвала антиправительственные восстания в ряде северокавказских регионов, например, таких как Чечня и Дагестан. По итогам подавления данных восстаний наблюдались миграционные процессы на территорию Османской империи. Правительство принимающей стороны старалось разместить прибывших единоверцев преимущественно в арабских землях, Иордании, Ираке, Сирии и Палестине. В то же время встречались поселения мусульман, выходцев из России, и на других территориях, например в Болгарии. Аналогичная система размещения применялась турецким правительством еще с конца XVIII в., когда после покорения Крыма Россией прибыла первая волна мигрантов, состоящая из крымских татар и ногайцев. По некоторым данным, территорию Российской империи после завоевания западных предгорий Кавказа покидали сотни тысяч человек, переселявшихся в Турцию⁶³³.

Следует подчеркнуть, что первая массовая эмиграция мусульманских народов Российской империи датируется 1857 г., когда следом за турецкими войсками территорию российского государства покинуло около 30 тысяч крымских татар. За 1860–1865 гг. и 1874–1875 гг. в Турцию переселилось еще около 135,5 тысяч человек. В начале 90-х гг. XIX в. из Крыма в Турцию выехало еще 18 тысяч татар. Эмиграция на территорию Турции не прекратилась и в начале XX в., особенно в 1902–1903 гг. В результате указанных переселенческих процессов к началу прошлого столетия значительная часть крымских татар покинула территорию Российской империи⁶³⁴.

Миграционные процессы второй половины XIX – начала XX в. затронули также и внутреннее устройство страны. Так, согласно сведениям А.А. Кауфмана, к началу XX в. ежегодно в приграничные районы Российского государства переселялось по 200 тысяч человек, что составляло 0,14% населения страны. Особенный интерес государства в переселенческой политике представляли восточные районы, прежде всего Сибирь и Дальний Восток. Именно туда, по данным статистики, переселись в период с 1900 по 1914 г. 4,5 млн человек⁶³⁵.

Для регулирования миграционных процессов на территории страны в 1896 г. было создано Переселенческое управление при Министерстве внутренних дел. Таким образом, восточные окраины Российского государства приобретают образ колониальных образований, которые оставались верны

⁶³⁰ Иванов С.К. Правовое регулирование системы контроля за миграционными процессами в Российской империи в XVII–XVIII веках // Вестник Чувашского ун-та. 2010. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sistemy-kontrolya-za-migratsionnymi-protsessami-v-rossiyskoy-imperii-v-xvii-xviii-vekah> (дата обращения: 04.05.2016); Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание I. Т. XVI. С. 126–127, 313–316.

⁶³¹ Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Русские мусульмане в поле российской идентичности // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. М., 2008. С. 302.

⁶³² Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998. 350 с.

⁶³³ Регент Т.М. История управления миграционными процессами в царской России и СССР // Вестник Российского нового университета. 2011. №2. С. 54.

⁶³⁴ Исхаков Д. М. Татары: популярная этнография. Казань, 2005. 159 с.

⁶³⁵ Ядов В.А. Социология России. М., 1998. 722 с.

своим национальным и религиозным традициям, но уже были лишены «мусульманского фанатизма». Несмотря на это, имперская власть видела своей задачей насаждение русской культуры и быта в мусульманской среде⁶³⁶.

Еще одной особенностью миграционной политики второй половины XIX в. явился активный прием иммигрантов из европейских и так называемых мусульманских стран. О нарастающем числе иммигрантов свидетельствуют и данные статистики. Так, на территорию России в период с 1828 по 1915 г. прибыло 4,15 млн человек⁶³⁷. Преобладающим компонентом в миграционных процессах становятся граждане мусульманских стран. В начале XX в. приток иностранцев из Персии и Турции существенно увеличивается. Так, в 1901–1910 гг. он составил 708 тысяч человек, а в 1911–1915 гг. – 543 тысячи человек⁶³⁸.

Необходимо отметить, что турецкое влияние было отмечено российским правительством в ряде регионов страны. Контакты с выходцами из мусульманских стран в некоторых случаях даже приводили к зарождению революционных идей «младотурков» и панисламизма. Кроме этого, в некоторых регионах российского государства отмечалась политическая активность мусульман. Следует подчеркнуть, что опасения государственной власти в отношении турецкого влияния были небезпочвенными. В данном случае примечательно, что российская разведка имела сведения об активизирующемся панисламистском комитете на территории Османской империи, который рассылал своих агентов по странам с мусульманским населением⁶³⁹. В этой связи не случайно Министерство внутренних дел активно занималось выявлением лиц, пропагандирующих антиправительственные взгляды панисламистской направленности. Так, например, в 1870 г. генерал-губернатору Западной Сибири были предоставлены сведения о том, что прибывший из Турции Хаджи-Ахмед-Эфенди был отправлен в Сибирь в Тюменский ссыльный приказ из-за распространения антиправительственных настроений⁶⁴⁰. Еще один инцидент, связанный с деятельностью иностранных граждан на территории Российской империи, произошел в 1876 г. в Акмолинской области. У подданного Османской империи при задержании были изъяты паспорт и документы, которые он просил вернуть. Задержанный обратился с просьбой к исполняющему обязанности военного губернатора Акмолинской области разрешить беспрепятственно проживать и перемещаться по территории государства, после чего он планировал вернуться на родину. На данные запросы Департаментом полиции было предписано генерал-губернатору Западной Сибири отдать распоряжение об отправке турецкого подданного в Одессу, а затем высылке его из страны⁶⁴¹.

В начале XX в. заметно усиливается политическая активность мусульманского населения Российской империи. Одним из показателей данной тенденции стало проведение мусульманского съезда в 1906 г. в Нижнем Новгороде. В рамках программы данного мероприятия мусульманами был предложен план создания культурно-конфессиональной автономии. Задачей данного образования, во главе которого избирался духовный лидер мусульман с правом личного доклада императору, было объединить всех мусульман Российской империи. Оговаривалось также и общее устройство духовной жизни российских мусульман. В частности, для всех духовных управлений предписывалось выбирать сроком на пять лет лидеров общины, а также формировать советы (меджлисы) с представительством как духовных, так и светских лиц. Мусульмане из различных регионов страны на съезде выдвинули ряд предложений. Так, мусульмане Семиречья предложили включить в Государственную Думу представителей от каждой этнической группы, исповедующей ислам в регионе. С требованием

⁶³⁶ Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на Азиатских окраинах Российской империи // *Полития*. 2010. №3–4 (58–59). С. 154–158.

⁶³⁷ Птицын А.Н. Австро-венгерская иммиграция в Россию во второй половине XIX – начале XX в. и ее экономическое значение // *Известия Алтайского гос. ун-та*. 2009. № 4/3. С. 173.

⁶³⁸ Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998. 350 с.

⁶³⁹ Машитлев Р.М. Мусульманский вопрос в региональной политике Кубанской области в конце XIX – начале XX вв. // *Научно-творческое наследие Фёдора Андреевича Щербини и современность: сборник материалов XII Международной научно-практической конф. Краснодар, 2012*. URL: <http://zema.su/blog/musulmanskii-vopros>; Бекмаханова Н.Е., Нарбаев Н.Б. Ислам в Казахстане и российское законодательство XIX в. // *Ислам, общество, культура / отв. ред. Н.А. Томилов, А.Г. Селезнев. Омск, 1994*. С. 28.

⁶⁴⁰ ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 9679. Л. 1–10б.

⁶⁴¹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13353. Л. 2–4.

создания выборного представительства кавказских мусульманских народов в Тифлисе выступили мусульмане Кавказа⁶⁴².

Нужно подчеркнуть, что положение мусульман в Российской империи вызывало особый интерес со стороны турецкого государства во второй половине XIX – начале XX в. При султанине Абдул-Хамиде II, занимавшем османский трон с 1876 по 1909 г., была разработана политическая система, которая предполагала защиту мусульманских народов во всем мире, если не путем вмешательства в дела другого государства, то хотя бы наблюдением за положением мусульманских подданных этих стран. Данный план в определенной мере начинает реализовываться уже в конце XIX в. на территории России путем посещения османскими чиновниками молитвенных собраний мусульман Санкт-Петербурга⁶⁴³.

Активность мусульман Османской империи вызывала обоснованные опасения российского правительства, которое стремилось к скорейшему их выдворению за пределы империи. Так, в 1872 г. на имя генерал-губернатора Западной Сибири были отправлены бумаги, в которых сообщалось о проживании на территории киргизских степей (Казахстан) турецкого подданного. Согласно документам он получил паспорт от Тобольского губернатора, после чего приступил к обучению казахов мусульманской вере и их лечению. В связи с тем, что в данных районах имелись свои муллы и медики, его присутствие оценивалось как излишнее. Паспорт данного гражданина был отправлен военному губернатору Акмолинской области, а его самого рекомендовали выслать из степи для установления порядка и стабильности в регионе⁶⁴⁴. На указанных мерах настаивал и начальник полиции Тобольской губернии, так как в турецком подданном он усматривал угрозу политического спокойствия в государстве⁶⁴⁵. На данные просьбы генерал-губернатор Западной Сибири ответил согласием. В конечном итоге, обязанности по выдворению неблагонадежного иностранного подданного взяло на себя Министерство внутренних дел, обратившись с просьбой к местным властям о предоставлении его примет с целью подготовки списка на запрет въезда в пределы Российского государства⁶⁴⁶.

Еще одной особенностью рассматриваемой проблематики является то, что в конце XIX в. наблюдаются массовые посещения российских мусульман гостями из-за границы, которые называли себя родственниками, а свое пребывание на территории Российской империи фиксировали как гостевое. Подобного рода процессы наблюдались на территории всей России, при этом Сибирь не являлась исключением. Так, выходец из Ташкента просил причислить его к общине казахов после прибытия туда в гости вместе со своими родственниками. Государственными органами были установлены численность семьи, количество скота, род деятельности, а также то, что его раньше не привлекали к ответственности и не наказывали. Исполняющему обязанности военного губернатора было доложено, что казахи данного региона берут на себя ответственность за него. Кроме того, было приказано в соответствии со ст. 981 Устава о податях (1857 г.) обложить его ясаком. В итоге было решено принять данного иностранца в подданство России, приписав его к казахской общине⁶⁴⁷.

Немаловажное влияние на население страны оказывала мусульманская интеллигенция, получившая образование за рубежом, прежде всего в Османской империи⁶⁴⁸. Именно за пределами Российской империи мусульманам виделась возможность получить достойное образование. В Османской империи российские мусульмане не только получали образование, но также видные должности и награды.

⁶⁴² Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. №11–12. С. 43; Алов А.А., Владимиров Н.Г. Ислам в России. М., 1996. С. 52.

⁶⁴³ Мустакимов И. «Внешне Российское государство как будто не притесняет своих мусульманских подданных» (Татары-мусульмане глазами османских чиновников конца XIX в.) // Эхо веков. 2008. №2. URL: http://echoofcenturies.ru/2008_2/02/04/ (дата обращения: 24.10.2016).

⁶⁴⁴ ИАОО.Ф. 3. Оп. 7. Д. 10673. Л. 1–1об.

⁶⁴⁵ ИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 10673. Л. 5.

⁶⁴⁶ ИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 10673. Л. 8–9об.

⁶⁴⁷ ИАОО.Ф. 3. Оп. 3. Д. 4291.

⁶⁴⁸ Машитлев Р.М. Мусульманский вопрос в региональной политике Кубанской области в конце XIX – начале XX вв. // Научно-творческое наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность: сборник материалов XII международной научно-практической конф. Краснодар, 2012. URL: <http://zema.su/blog/musulmanskii-vopros-na-kavkaze-v-dorevoljucionnoi-rossii> (дата обращения: 15.08.2016).

Указанные процессы в определённой степени затрагивали и мусульманское духовенство. Например, муфтий М. Султанов был удостоен в 1893 г. ордена «Османи»⁶⁴⁹.

Возможность более свободного перемещения мусульманское население получило в 1890 г. В этот год российскими властями было принято решение разрешить выезд тюркских народов за рубеж, в том числе и на постоянное место жительства. Такое решение не могло не сказаться на массовом оттоке татарского населения на территорию Османской империи. Примечательно, что несколько поселений мусульман, выходцев из России, сохранилось в Турции до настоящего времени. Так, в деревне Гурсу близ города Маниса Алашахирского района проживают татары – потомки выходцев из России. Мусульманское население Российской империи, покидая пределы государства, стремилось к жизни в соответствии с предписаниями ислама. При этом мусульмане полагали, что именно исламская страна — наилучшее место для их жизни⁶⁵⁰.

Следует подчеркнуть, что сначала мусульманская интеллигенция, а затем и татарские школы становились оплотом антиправительственных настроений и призывов к образу жизни по законам, предписанным в Коране и Сунне. Департаментом полиции было неоднократно отмечено, что особенно неблагонадежным этническим компонентом в России являются волжские татары, которые оказывают влияние на все мусульманское население страны и всегда находились в тесном сотрудничестве с представителями мусульманского мира за пределами империи⁶⁵¹. Подобное утверждение подтверждала и проверка, проведенная Министерством народного просвещения в мусульманских школах, в которых была изъята рукописная литература на татарском языке. Данные источника носили антигосударственный характер, явно выражая недовольство российским правительством и осуждая проводимую им политику в отношении мусульманской уммы Российской империи. Кроме того, были изъяты издания, имеющие константинопольское происхождение, пропагандирующие идеи, явно враждебные русской государственности и русскому народу в целом. Данная проверка показала, что проблемы, с которыми столкнулось правительство в мусульманских школах, является следствием плохого контроля за назначением учителей в учебные заведения. В основном преподаватели таких школ получали образование за пределами России, а зачастую вообще являлись иностранными гражданами, не имеющими российского подданства⁶⁵².

Важно отметить, что проблема контроля контактов мусульман с единоверцами за пределами России в конце XIX – начале XX в. привела к тому, что функции выстраивания межнациональных отношений в отдельных регионах, в частности на Кавказе и в Туркестанском крае, были переданы в Военное министерство. При этом Министерством иностранных дел также уделялось особое внимание «мусульманскому вопросу». Связано это было не только с миграционными вопросами в мусульманской среде, но и с паломническими поездками, которые рассматривались мусульманами как обязательное явление духовной жизни каждого верующего человека⁶⁵³. На протяжении всего XIX – начала XX в. мусульмане с трудом добивались разрешения на выезд за пределы Российской империи. Это касалось в первую очередь посетителей традиционных мест совершения мусульманами хаджа в Мекку и Медину⁶⁵⁴. По мнению правительства, именно ограничение паломнической деятельности должно было привести к снижению общения с мусульманами за пределами Российской империи⁶⁵⁵. Таким образом, начиная с 80-х гг. XIX в. в стране вводятся ограничения на паломнические поездки в Мекку, а также на создание просветительских об-

⁶⁴⁹ Сибгатулина А.Т. Контакты тюрк-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М., 2010. С. 9.

⁶⁵⁰ Сибгатулина А.Т. Контакты тюрк-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М., 2010. 264 с.

⁶⁵¹ Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 131; Старостин А.Н. Ислам в Свердловской области. М., 2007. С. 35.

⁶⁵² ГААК.Ф. 181. Оп. 1. Д. 41. Л. 69.

⁶⁵³ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 148

⁶⁵⁴ Гусева Ю.Н. Проблема хаджа российских мусульман в решениях и документах советских государственных органов (1923 год) // Форумы российских мусульман. Ежегодный научно-аналитический бюллетень № 8 / под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. Москва ; Н. Новгород, 2012. URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?5709> (дата обращения: 12.07.2016).

⁶⁵⁵ Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. Санкт-Петербург, 2008. С. 184; Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. С. 30

ществ⁶⁵⁶. Паломнический вопрос был на особом контроле у российского правительства и в начале XX в. Так, в Уставе о паспортах 1903 г. оговаривались правила и условия, позволяющие отпускать мусульман в паломничество. Согласно данному документу отправляющиеся в паломнические поездки мусульмане Российской империи получали паспорт особого образца, установленного Министерством внутренних дел. Возвращаясь из поездки, паломники должны были пройти особый врачебно-санитарный контроль, после чего губернатор назначал контроль за прибывшими. Аналогичные требования применялись ко всем иностранным подданным мусульманского вероисповедания, оказывающимся на территории России. Уклонившийся от требований согласно Своду законов Российской империи распоряжением полиции привлекался к уголовной ответственности и соблюдению всех санитарных мер⁶⁵⁷.

Важно подчеркнуть, что с конца XIX в. вопросы, связанные с совершением хаджа русскими мусульманами, постоянно привлекали внимание региональных чиновников, они также рассматривались на более высоком государственном уровне. Проблемы, с которыми столкнулись российские мусульмане при совершении паломничества, обсуждались на уровне Министерства иностранных дел России, посольства в Константинополе и консульства в Джидде. В обсуждении данного вопроса принимали участие и представители административных органов тех российских регионов, где мусульмане проживали компактными группами, а именно новороссийский, туркестанский, бессарабский генерал-губернаторы и кавказский наместник. На местах необходимо было осуществлять контроль за совершением паломнических поездок, а затем принимать конкретные меры по регулированию данных процессов в своих регионах⁶⁵⁸.

Следует обратить внимание на то, что несмотря на введенные ограничительные меры в отношении мусульманских паломников, органы власти с крайней неохотой выдавали им паспорта. Это связано с тем, что имперские власти рассматривали хадж как мероприятие, которое приносит Турции материальную пользу, а полученные деньги затем идут на военные нужды. Кроме того, во время паломничества развивались эпидемические болезни, что создавало дополнительные проблемы органам власти в России. Однако с учетом всех опасений со стороны правительства система мусульманского паломничества оставалась слабо контролируемой. При этом передвижение паломников было слабо организовано, что приводило к ряду проблем, в том числе и бытовых⁶⁵⁹.

Вызывала беспокойство царской администрации и статистика паломнических поездок. Согласно данным за 1898 г. Мекку посетили 1795 российских подданных. При этом большая их часть являлась выходцами из Средней Азии, особенно из Ферганской долины. Данный регион в тот период считался одним из самых политически неблагонадежных в Российском государстве. При этом остановить процесс паломничества государственным органам не представлялось возможным, так как паломники часто уходили в Мекку и без паспортов. Неоднократно такие паломники из России подвергались нападению со стороны бедуинов или афганских мошенников. Об этом свидетельствовали и турецкие газеты, которые при этом обвиняли в беспорядочном положении российских мусульман органы власти, не выдавшие им паспорта⁶⁶⁰.

Следует отметить, что несмотря на попытки регламентации положения иностранных подданных на территории России, государство оставалось для них максимально закрытым. Имперская власть всячески стремилась к ограничению внешних миграций, восполняя данный процесс переселения внутри страны⁶⁶¹.

⁶⁵⁶ Султангалиева А. Эволюция ислама в Казахстане // Воронежский тюркологический сборник. Воронеж, 2007. Вып. 7. С. 14

⁶⁵⁷ Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. XIV. С. 56.

⁶⁵⁸ Нуриманов И.А. Сравнительный анализ паломнической традиции мусульман Российской империи и христианского паломничества // Современные проблемы и перспективы развития исламоведения, востоковедения и тюркологии. Москва ; Н. Новгород, 2007. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/histori_nurimanov.htm? (дата обращения: 30.10.2016).

⁶⁵⁹ Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрков-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М., 2010. С. 29.

⁶⁶⁰ Нуриманов И.А. Сравнительный анализ паломнической традиции мусульман Российской империи и христианского паломничества // Современные проблемы и перспективы развития исламоведения, востоковедения и тюркологии. Москва ; Н. Новгород, 2007. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/histori_nurimanov.htm? (дата обращения: 30.10.2016).

⁶⁶¹ Квакин А.В. Российская культура-миграционная система и Российское государство // Социум и власть. 2007. №3. С. 37–40.

Подчеркнем, что политика правительства в отношении мигрантов была крайне неоднородной. С одной стороны, оно всячески стремилось ограничить свободу передвижения населения за пределы страны. С другой стороны, государство способствовало их легальному внутреннему переселению, освобождая от налогов, воинской повинности, выдавало денежные пособия⁶⁶². Доминирующим миграционным этносом, несомненно, являлись русские. Однако и татары играли заметную роль в заселении окраин Российской империи. Некоторые послабления в отношении мусульманских народов Российской империи наблюдались уже в начале XIX в. Так, в 1802 г. в Казани была открыта типография, позволившая печатать без ограничений мусульманскую религиозную литературу. Подобные меры, применяемые правительством, были направлены на приостановление оттока мусульманского населения за пределы страны, а также снижения влияния на них мусульман из зарубежных стран⁶⁶³. Настороженное отношение правительства к туркам-мусульманам сохранялось вплоть до 1917 г., когда по данным Красного креста на территории России оказалось огромное количество военнопленных турок. Правительство стремилось к максимальному контролю за ними, видя в них угрозу для государственного устройства⁶⁶⁴.

Таким образом, следует отметить, что во второй половине XIX в. Российская империя вступила на новый этап миграционных процессов. При этом основной приток мигрантов на территорию российского государства приходится на выходцев из мусульманских государств. Данные процессы вызвали особые опасения со стороны органов власти, так как, возможно с мигрантами, стали проникать в империю антиправительственные настроения. Несмотря на все попытки ограничить мусульманское влияние из-за рубежа, в начале XX в. в России наблюдается существенный прирост мигрантов из стран, в которых ислам был доминирующей конфессией. Следует также отметить активизирующуюся в мусульманской среде миссионерскую деятельность, имевшую антиправительственную направленность. Еще один вопрос, который начал волновать правительство Российской империи во второй половине XIX в., касался внутренней миграции мусульманского населения. Все попытки ввести ограничительные меры на общение российских мусульман с единоверцами из-за рубежа не увенчались успехом. Не получил однозначного решения и вопрос внутренней миграции, так как все русификаторские меры, применяемые правительством, не имели значительного успеха в мусульманской среде.

⁶⁶² Кабузан В.М. Миграция в Российской империи // Отечественные записки. 2005. № 4 (19). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=507> (дата обращения: 15.06.2016).

⁶⁶³ Капралова А.Л., Рогожина Е.М. Национальная политика Российской империи в отношении населения, исповедующего ислам в XIX веке // Мусульманское население России: вчера и сегодня. 2015. Вып. 5. С. 29.

⁶⁶⁴ Нияз Субаев-Казанлы. Турецкие военнопленные в Поволжье: фрагменты истории (1915–1919 гг.) // Эхо веков. 1999. №1/2. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1999_1_2/14/14_4/ (дата обращения: 15.07.2016).

Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что во второй половине XIX – начале XX в. по отношению к мусульманским народам на территории Западной Сибири, как и всей Российской империи, государственная политика осуществлялась по нескольким направлениям. Во-первых, центральная и региональная власть стремилась определиться в целом с юридическим оформлением статуса мусульманского духовенства в системе общеимперских государственно-конфессиональных правовых отношений. Во-вторых, предусматривались определенные меры по развитию системы образования как важной сферы государственной политики. В-третьих, были предприняты некоторые усилия, нацеленные на формирование хозяйственной структуры инородческих волостей страны.

Для воссоздания более полной картины положения так называемого инородческого населения, т.е. традиционных для определенного региона народов, в составе Российской империи нами рассматривались особенности межконфессиональных отношений. Для государственной власти Российской империи в XIX в. одним из ключевых стал именно «инородческий вопрос», который включал в себя ряд более мелких аспектов национального либо, как в данном случае, религиозного характера. Государственным органам власти тогда было важно своевременно принять все необходимые меры, чтобы способствовать формированию «единого и неделимого» унитарного государства.

В рамках практической реализации задачи включения инородческого компонента в состав многонационального государства следует обратить внимание на динамику изменений правового статуса мусульманских народов в составе Российской империи. Начиная со второй половины XVIII в. политика государства в отношении мусульманских народов постепенно приобретает характер «скрытого преследования». С одной стороны, прекращалось открытое преследование мусульман и разрушение мечетей, даже был принят закон, позволявший свободно исповедовать ислам. Но, с другой стороны, сохраняли свою силу принятые ранее законодательные акты по ограничению прав мусульманских народов России. Например, вплоть до начала XX в. действовал указ, не допускавший строительство мечетей в селениях с населением менее 200 душ мужского пола. Политика формальной веротерпимости в отношении мусульман привела к созданию Оренбургского магометанского духовного собрания во главе с «государственным чиновником» в виде муфтия. Для мусульман – подданных Российского государства – обязательной стала «молитва за царя», которая была составлена в 1820 г. Имперской властью также принимались меры по приобщению традиционных народов Сибири (так называемые инородцы), исповедовавших ислам, к Русской православной церкви. Так, всем иноверцам, принявшим православие, гарантировались определенные льготы, в то время как за обратный переход в «магометанское вероисповедание» жестоко наказывали ссылкой на каторжные работы.

Во второй половине XIX – начале XX в. Российская империя перешла в религиозной сфере к откровенно консервативной, охранительной политике. Законодательство того времени вводило и закрепляло целый ряд ограничений деятельности представителей так называемых иноверных и инославных конфессий. В первую очередь они касались таких принципиальных для монотеистических религий вопросов, как свобода выбора той или иной веры и право на миссионерскую деятельность священнослужителей. Оренбургское магометанское духовное собрание к концу XIX в. окончательно приобрело черты административного органа, зачастую отстаивавшего интересы государственной власти.

В начале XX в., несмотря на активную позицию мусульманской интеллигенции и создание по ее инициативе влиятельных общественных движений, по действовавшему законодательству мусульманские народы в Российской империи обладали по-прежнему ограниченными возможностями даже по сравнению с другими лояльными к власти конфессиями христианского вероисповедания. Особое внимание органы имперской власти уделяли мусульманскому духовенству, в котором хотели видеть

своего верного помощника в реализации поставленных задач. В этой связи государство контролировало саму процедуру назначения приходских священнослужителей. Государственные инстанции ограничивали мусульманское духовенство в правах не случайно, так как оно в ряде регионов пользовалось серьезным влиянием на население. Вмешательство государства во внутриконфессиональную жизнь вело к неизбежному снижению авторитета мусульманского духовенства. Сами прихожане в этом случае видели в них скорее чиновников, нежели распространителей и правоверных защитников ислама.

Следует отметить, что в данный период также наблюдалось закономерное падение нравственности среди самих мусульман, но вследствие угнетенного положения исламские священнослужители никак не могли повлиять в этом отношении на своих прихожан. Показательно, что низшее духовенство не могло в таких условиях самостоятельно решать вопросы даже элементарного исполнения обрядов и треб.

С началом Первой мировой войны в 1914 г. очень остро встал вопрос присутствия мусульман в вооруженных силах Российской империи. Увеличивающаяся численность мусульман, несших военную службу, требовала от имперской власти и участия в организации их духовной жизни. Вопрос присутствия мулл в военных частях поднимался на государственном уровне, как и соблюдение мусульманами ряда правил, предписанных Кораном. Однако опасения со стороны государства в отношении неблагонадежности мусульманского населения страны не способствовали решению данных проблем. Даже подтверждение в годы войны преданности русскому государю не помогло решить всех проблем, стоящих перед мусульманами, несшими службу в вооруженных силах.

Системе духовного образования уделялось особое внимание со стороны как государства, так и мусульманского духовенства. Так, при каждой мечети действовала приходская школа. При этом обучение в ней считалось обязательным как для мальчиков, так и для девочек. Следует подчеркнуть, что школа рассматривалась имперскими органами власти как важный инструмент проведения русификаторской политики в инородческой среде. Императорская власть видела в школе не столько источник просвещения и воспитания в духе официального патриотизма, сколько средство государственной консолидации многочисленных народностей страны. Несмотря на отчетливо выраженную правительственную установку на реформирование мусульманской школы, политика государства в этой сфере далеко не всегда была последовательной и логичной. Точно так же вели себя и представители духовенства, которых не устраивала новая система образования, предлагавшаяся государством. В свою очередь государство, отказываясь от модели школы, предложенной Н.И. Ильминским и направленной на русификацию инородческого населения, одновременно не признавало и религиозно-светскую модель образования И.Б. Гаспринского. В результате к началу XX в. в Российской империи так и не было выработано четких установок по реформированию системы школьного образования.

Основная масса мусульман Западной Сибири во второй половине XIX в. была занята в аграрном секторе страны, соответственно, и начавшиеся в 1860-е гг. реформы не могли не отразиться на инородческом населении края. К тому же аграрные реформы носили и национально-религиозный характер. Согласно принятым законодательным актам (1822 и 1898 гг.), инородческое население края ограничивалось в своих правах. Для инородцев устанавливалась структура управления, характерная для русских селений. К тому же при назначении на должности особое внимание уделялось вероисповеданию кандидата.

Ужесточение мер в отношении организации жизни мусульманских общин на территории Российской империи привели к усилению миграционных процессов среди мусульманского населения. Пытаясь найти условия для лучшей жизни, мусульмане активно вступали в контакты со своими единоверцами за пределами страны. Однако миграционные процессы не ограничивались только выездами за пределы Российской империи, но и характеризовались внутригосударственными переселениями.

Главной задачей правительства было встраивание мусульманского компонента в состав Российской империи. Имперская власть видела решение данной проблемы в полном слиянии инородческого компонента с русским этносом. Основным орудием русификации стала государственная Русская православная церковь, которая должна была любыми средствами способствовать ассимиляционному

инкорпорированию традиционных этносов региона. Решая данную задачу, во второй половине XIX в. активно действовали православные миссии в Сибири и Казахстане. К тому же усилившаяся тенденция возвращения формально христианизированного ранее мусульманского населения к вере предков вызывала у имперской власти определенное опасение. Несмотря на предпринимаемые государством жесткие меры по лишению прав своих подданных, переходивших из православия в ислам, дискриминационная политика практически не повлияла на мусульманское население. Снижению активности православного миссионерства способствовало и почти полное прекращение к началу XX в. его финансирования со стороны государства. Зачастую отмечалась и низкая квалифицированность самих миссионеров в деле распространения христианской веры в инородческой среде.

Таким образом, на протяжении достаточно длительной истории совместного проживания в составе единого Российского государства мусульманские народы получили в начале XX в. некоторую свободу вероисповедания. Именно в этот период мусульманской общественностью предпринимались попытки по утверждению ислама в Российском государстве как равной с православием конфессии. Однако ислам, несмотря на послабления, продолжал оставаться лишь терпимой для официальной власти религией, но никак не равной в своих правах с государственной церковью. Такому положению мусульман в составе Российской империи способствовала непоследовательная политика властей в отношении традиционных народов Сибири на протяжении рассматриваемого исторического периода.

Conclusion

The results of the study indicate that in the second half of the XIX - beginning of XX centuries the state policy regarding the Muslim nations on the territory of Western Siberia, as well as throughout the Russian Empire, has been carried out in several directions. Firstly, the central and regional authorities sought to determine in general the legalization of status of Muslim clergy in the system of imperial state-confessional legal relations. Secondly, there were provided certain measures to develop education system as an important part of public policy. Thirdly, some efforts aimed at the formation of the economic structure of the foreign regions of the country have been made.

In order to recreate a more complete picture of position in the Russian Empire of the so-called foreign population, that is, the peoples traditional for a certain region, the features of interfaith relations were considered in the work. One of the key problems for the government of the Russian Empire in the XIX century was precisely the “foreign issue”, which included a number of smaller aspects of a national nature or, as in this case, a religious nature. State authorities thereat had to timely take all necessary measures in order to facilitate the formation of a “single and indivisible” unitary state.

As a part of practical implementation of the task to include the foreign component in the multinational state, special attention should be paid to the dynamics of changes in the legal status of Muslim nations in the Russian Empire. Starting from the second half of the XVIII century the state policy towards Muslim peoples is gradually acquiring the character of “implicit persecution”. On the one hand, the outright persecution of Muslims and destruction of mosques stopped, and even a law that allowed free practice of Islam was adopted. But, on the other hand, the adopted before legislative acts restricting the rights of Muslim peoples of Russia remained valid. For example, up to the beginning of the XX century a decree preventing building of mosques in settlements with a population of less than 200 male persons was valid. The policy of formal religious tolerance towards Muslims led to the creation of the Orenburg Mohammedan spiritual assembly led by a “state official” – a mufti. For Muslims - subjects of the Russian state – the “prayer for the tsar”, which was drawn up in 1820, became mandatory. The imperial authorities also took measures to attach the traditional peoples of Siberia (the so-called foreigners) who profess Islam to the Russian Orthodox Church. Thus, all non-believers who converted to Orthodoxy were guaranteed certain benefits, while the return to the «Mohammedan religion» was severely punished by deportation and hard labor.

In the second half of the XIX – the beginning of XX centuries the Russian Empire in the religious sphere turned to an outright conservative and protective policy. Legislation of that time introduced and enforced a number of restrictions on the activities of representatives of the so-called gentile faiths. First of all, they dealt with such fundamental issues for monotheistic religions as the freedom to choose a particular faith and the right for missionary activity of clergymen. Orenburg Mohammedan spiritual assembly at the end of the XIX century finally acquired the features of an administrative body, which often defended the position of state power.

At the beginning of the 20th century, despite the active position of the Muslim intelligentsia and the formation of influential social movements on its initiative, according to the current legislation, Muslim peoples in the Russian Empire still had limited opportunities, even in comparison with other faith-loyal Christian denominations. The imperial authorities paid special attention to the Muslim clergy, in whom they wanted to see their faithful assistant in the implementation of their tasks. In this regard, the state controlled the very procedure of appointing parish priests. The state authorities restricted the Muslim clergymen in their rights not by chance, since in some regions they had serious influence on the population. The intervention of the state in the internal confessional life led to an inevitable decline of the authority of the Muslim clergy. In this situation parishioners saw clergymen rather as officials than as propagators or devout defenders of Islam. It should be noted that during this period there was a decline in morality among the parishioners, but due to the oppressed situation, Islamic clergy could not influence their parishes in this regard. It is significant that under such circumstances the

lower clergy could not independently resolve issues of even the elementary performance of rites and demands.

With the outbreak of World War I in 1914, the question of Muslims' presence in the Russian Empire armed forces was very acute. The increasing number of Muslims who performed military service demanded imperial power and participation in the organization of their spiritual life. The issue of presence of mullahs in military units was raised at the state level, as well as was respect for Muslims set of rules prescribed by the Koran. However, the state's fears regarding the unreliability of the Muslim population of the country did not contribute to the solution of these problems. Even confirmation of devotion to the Russian sovereign during the war years did not help to solve all the problems facing Muslims who served in the military.

The system of religious education was given special attention both from the state government and from the Muslim clergy. Thus, there was a parish school at each mosque. At the same time, studying at these schools was obligatory for both boys and girls. It should be emphasized that the school was considered by the imperial authorities as an important tool for the implementation of the Russification policy in a foreign environment. The imperial authorities considered the school not only as a source of education and upbringing the spirit of official patriotism, but more as a means of state consolidation of numerous nationalities of the country. Despite the clearly expressed government policy on reforming the Muslim school, state policy in this field was far from always being consistent and logical. Representatives of the clergy, who were not satisfied with the new education system proposed by the state, behaved in exactly the same way. In its turn, the state rejected the model of the school aimed at the Russification of foreign population, proposed by N.I. Ilminsky, but at the same time did not accept the religious and secular model of education by I. B. Gasprinsky. As a result, by the beginning of the XX century no clear guidelines for reforming the school system were developed in the Russian Empire.

The majority of Muslims in Western Siberia in the second half of the XIX century were employed in the agricultural sector of the country, and the reforms started in the 1860-s could not but affect the foreign population of the region. Furthermore, agrarian reforms were of a national and religious nature. According to the adopted legislation (in 1822 and 1898), the foreign population of the region was limited in their rights. A governance structure typical for Russian villages was established for foreign population. Therewith, when appointing to the posts, special attention was paid to the religion of a candidate.

Tightening measures regarding the organization of life of Muslim communities in the Russian Empire have led to increased migration processes among the Muslim population. Trying to find conditions for a better life, Muslims actively came into contacts with their co-religionists outside the country. However, the migration processes were not limited only by trips outside the Russian Empire, but were also characterized by domestic migration.

The main task of the government was to integrate the Muslim component into the Russian state. The imperial authorities saw the solution of this problem in the complete merger of the foreign component with the Russian ethnic group. The main instrument of Russification was the Russian Orthodox Church, which was supposed to contribute by any means to the assimilative incorporation of traditional ethnic groups in the region. Solving this problem in the second half of the XIX century Orthodox missions in Siberia and Kazakhstan were being very active. Moreover, the growing tendency of the return of the previously Muslim and formally Christianized Muslim population to the faith of their ancestors caused a certain concern among the imperial authorities. Despite the tough measures taken by the state to deprive the rights of their subjects, who converted from Orthodoxy to Islam, discriminatory policies had practically no effect on the Muslim population. The almost complete cessation of state financing of the Orthodox missionary work contributed to the decrease in the activity of the latter by the beginning XX century. Low qualifications of the missionaries in the dissemination of the Christian faith among foreign population were often noted as well.

Thus, for a sufficiently long history of living together within a unified Russian state, Muslim nations have received some religious freedom at the beginning of the XX century. It was during this period when the Muslim community made attempts to establish Islam in the Russian state as a denomination equal to Orthodoxy. However despite some easing, Islam continued to remain only a religion tolerant to the official government, but in no way equal in its rights with the state church. Such position of Muslims in the Russian Empire was promoted by the inconsistent policy of the authorities towards the traditional peoples of Siberia during the historical period under review.

Библиографический список

Неопубликованные источники

6. Государственный архив Алтайского края. Ф. 164. Алтайская духовная миссия. Оп. 1 Д. 3-в.
7. Государственный архив Алтайского края. Ф. 164. Алтайская духовная миссия. Оп. 1. Д. 13.
8. Государственный архив Алтайского края. Ф. 164. Алтайская духовная миссия. Оп. 1. Д. 135.
9. Государственный архив Алтайского края. Ф. 164. Алтайская духовная миссия. Оп. 1. Д. 14.
10. Государственный архив Алтайского края. Ф. 164. Алтайская духовная миссия. Оп. 1. Д. 3.
11. Государственный архив Алтайского края. Ф. 164. Алтайская духовная миссия. Оп. 1. Д. 4.
12. Государственный архив Алтайского края. Ф. 164. Алтайская духовная миссия. Оп. 1. Д. 47.
13. Государственный архив Алтайского края. Ф. 164. Алтайская духовная миссия. Оп. 1. Д. 48.
14. Государственный архив Алтайского края. Ф. 164. Алтайская духовная миссия. Оп. 2. Д. 2.
15. Государственный архив Алтайского края. Ф. 181. Нижне-Чарышское волостное земское правление. Оп. 1. Д. 41.
16. Государственный архив Алтайского края. Ф. 3. Управление Алтайского горного округа. Оп. 1. Д. 545.
17. Государственный архив Алтайского края. Ф. 81. Алтайский подотдел Русского географического общества. Оп. 1. Д. 43.
18. Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай. Ф. 1. Верх-Бийское оседло-инородное волостное правление Бийского уезда Томской губернии. Оп. 1. Д. 1.
19. Государственный архив Томской области. Ф. 125. Главный инспектор училищ Западной Сибири, г. Томск. Оп. 1. Д. 17.
20. Государственный архив Томской области. Ф. 125. Главный инспектор училищ Западной Сибири, г. Томск. Оп. 1. Д. 505.
21. Государственный архив Томской области. Ф. 125. Главный инспектор училищ Западной Сибири, г. Томск. Оп. 1. Д. 507.
22. Государственный архив Томской области. Ф. 125. Главный инспектор училищ Западной Сибири, г. Томск. Оп. 1. Д. 597.
23. Государственный архив Томской области. Ф. 125. Главный инспектор училищ Западной Сибири, г. Томск. Оп. 1. Д. 607.
24. Государственный архив Томской области. Ф. 125. Главный инспектор училищ Западной Сибири, г. Томск. Оп. 1. Д. 725.
25. Государственный архив Томской области. Ф. 126. Управление Западно-сибирского учебного округа, г. Томск. Оп. 1. Д. 2508.
26. Государственный архив Томской области. Ф. 170. Томская духовная консистория, г. Томск. Оп. 2. Д. 82.
27. Государственный архив Томской области. Ф. 170. Томская духовная консистория, г. Томск. Оп. 2. Д. 354.
28. Государственный архив Томской области. Ф. 170. Томская духовная консистория, г. Томск. Оп. 2. Д. 605.
29. Государственный архив Томской области. Ф. 170. Томская духовная консистория, г. Томск. Оп. 2. Д. 2564.
30. Государственный архив Томской области. Ф. 170. Томская духовная консистория, г. Томск. Оп. 2. Д. 2696.
31. Государственный архив Томской области. Ф. 170. Томская духовная консистория, г. Томск. Оп. 2. Д. 3049.
32. Государственный архив Томской области. Ф. 170. Томская духовная консистория, г. Томск. Оп. 2. Д. 3307.
33. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Томское губернское управление, г. Томск. Оп. 12. Д. 480.
34. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Томское губернское управление, г. Томск. Оп. 12. Д. 521.
35. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Томское губернское управление, г. Томск. Оп. 12. Д. 716.
36. Государственный архив Томской области. Ф. 469. Томская мечеть, г. Томск. Оп. 1. Д. 1.

37. Государственный архив Томской области. Ф. 469. Томская мечеть, г. Томск. Оп. 1. Д. 2.
38. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Фи. 2. Тобольское уездное полицейское управление, г. Тобольск Тобольской губернии. Оп. 1. Д. 182.
39. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Фи.5. Тобольская Дирекция училищ / Директор народных училищ, г. Тобольск Тобольской губернии. Оп.1 Д. 77.
40. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Фи.152. Тобольское губернское управление, г. Тобольск Тобольской губернии. Оп. 31. Д. 1146.
41. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Фи. 152. Тобольское губернское управление, г. Тобольск Тобольской губернии. Оп. 33. Д. 135.
42. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Фи. 353. Строительное отделение Тобольского губернского управления, г. Тобольск Тобольской губернии. Оп. 1. Д. 783.
43. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Фи. 417. Губернский статистический комитет, г. Тобольск Тобольской губернии. Оп. 1. Д. 589.
44. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Фи. 580. Заведующий по земельно-устроительным и переселенческим делам в Тобольской губернии, г. Тобольск Тобольской губернии. Оп. 1. Д. 815.
45. Исторический архив Омской области. Ф. 3. Главное управление Западной Сибири в Омске. Оп. 3. Д. 4512.
46. Исторический архив Омской области. Ф. 3. Главное управление Западной Сибири в Омске. Оп. 3. Д. 4320.
47. Исторический архив Омской области. Ф. 3. Главное управление Западной Сибири в Омске. Оп. 8. Д. 12471.
48. Исторический архив Омской области. Ф. 3. Главное управление Западной Сибири в Омске. Оп. 8. Д. 12843.
49. Исторический архив Омской области. Ф. 3. Главное управление Западной Сибири в Омске. Оп. 9. Д. 15772а.
50. Исторический архив Омской области. Ф. 3. Главное управление Западной Сибири в Омске. Оп. 10. Д. 16318.
51. Исторический архив Омской области. Ф. 3. Главное управление Западной Сибири в Омске. Оп. 13. Д. 17959.
52. Исторический архив Омской области. Ф. 67. Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска. Оп. 1. Д. 729.
53. Исторический архив Омской области. Ф. 67. Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска. Оп. 2. Д. 3172.
54. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 295. Оренбургское магометанское духовное собрание. Оп. 2. Д. 8.
55. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 295. Оренбургское магометанское духовное собрание. Оп. 3. Д. 5746.
56. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 295. Оренбургское магометанское духовное собрание. Оп. 3. Д. 10821.
57. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 295. Оренбургское магометанское духовное собрание. Оп. 3. Д. 11492.
58. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 295. Оренбургское магометанское духовное собрание. Оп. 3. Д. 12274.
59. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 295. Оренбургское магометанское духовное собрание. Оп. 3. Д. 16080.
60. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 295. Оренбургское магометанское духовное собрание. Оп. 3. Д. 3279.
61. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 295. Оренбургское магометанское духовное собрание. Оп. 3. Д. 3284.

86. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 295. Оренбургское магометанское духовное собрание. Оп. 11. Д. 528.
87. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 295. Оренбургское магометанское духовное собрание. Оп. 11. Д. 561.
88. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 295. Оренбургское магометанское духовное собрание. Оп. 11. Д. 600.
89. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 295. Оренбургское магометанское духовное собрание. Оп. 11. Д. 993.

Опубликованные источники и материалы

1. Абакиров М.Ш. Татары Новосибирской области. – Новосибирск : Сибирское книжное издательство, 2012. – 264 с.
2. Гаспринский И.Б. Русское мусульманство // Этнографическое обозрение. – 1992. – №6. – С. 110–116.
3. Глухарев М. Мысли о способах к дальнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской империи. – М., 1894.
4. Елецкий К. Иностранцы Сибири и среднеазиатских владений России: этнографические очерки. – СПб. : изд. Д.Д. Полубояринова, 1908. – 135 с.
5. Коран / пер. И.Ю. Крпачковского. – Ростов н/Д. : Феникс, 2008. – 537 с.
6. Крымский А. Мусульманство и его будущность. – М. : Книжное дело, 1899. – 120 с.
7. Наиболее важные статистические сведения об иностранцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама / под ред. Н.В. Никольского. – Казань : тип. Губ. правл., 1912. – 322 с.
8. Наследие. Вып. 1: Религия – общество – государство: институты, процессы, мысль. Кн. 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI в.) : хрестоматия : в 2 ч. Ч. I: X – начало XX в. / сост. Ю.П. Зуев; под общ. ред. Ю.П. Зуева, В.В. Шмидта. – М. : РАГС, 2010. – 392+288 с.
9. Павлинова Р.Н., Старостин А.Н., Ярков А.П. Мусульманские общины Азиатской части Российской империи в середине XIX – начале XX в.: по материалам учетных ведомостей ОМДС. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. – 492 с.
10. Памятная книга Томской губернии на 1871 г. – Томск : Томская губернская типография, 1871. – 260 с.
11. Патканов С.К. О природе иностранческого населения Сибири. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1911. – 208 с.
12. Первая Всероссийская перепись населения Российской империи 1897 г. – СПб. : Центр. Стат. комитет М-ва вн. дел, 1904.
13. Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Собрание I. – Т. XVI. – 1016 с.
14. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – СПб. : Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Собрание I. Т. XIX. – 1081 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Собрание I. Т. XXI. – 1083 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Собрание I. Т. XXIII. – 1158 с.
17. Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Собрание I. Т. XXVIII. – 1326 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Собрание I. Т. XXXI. – 942 с.
19. Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Собрание II. Т. IV. – 968 с.
20. Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1833. – Собрание II. Т. VII. – 1044 с.

45. Полное собрание Российской империи. – СПб. : Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Собрание I. Т. XXII. – 1158 с.
46. Полный свод законов Российской империи. – СПб. : Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Собрание II. Т. III. – 1246 с.
47. Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. – М. : Наука, 1989. – 749 с.
48. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1876. – С. 1342–1350 . URL: <http://istmat.info/node/33408> (дата обращения: 27.11.2017).
49. Свод законов Российской империи. – СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – Т. 2. – 757 с.
50. Свод законов Российской империи. – СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – Т. 5. – 780 с.
51. Свод законов Российской империи. – СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – Т. 9. – 487 с.
52. Свод законов Российской империи. – СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – Т. 10. – 399 с.
53. Свод законов Российской империи. – СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – Т. 11, ч. 1. – 178 с.
54. Свод законов Российской империи. – СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – Т. 12. – 549 с.
55. Свод законов Российской империи. – СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – Т. 14. – 273 с.
56. Свод законов Российской Империи. – СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – Т. 15. – 271 с.
57. Свод законов Российской империи. – СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – Т. 16. – 729 с.
58. Томские татары в прошлом и настоящем: сб. док. и мат. / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. – Томск : Красное знамя, 2000. – 259 с.
59. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): документы и извлечения / сост. Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В. Тарасова, М.В. Стурова. – Барнаул : Азбука, 2014. – 272 с.
60. Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX вв. : сборник материалов и документов / сост. Р.Р. Исхаков. – Казань : Ихлас, 2012. – 412 с.
61. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. – М. : Наука, 1991. – Т. 1. – 768 с.
62. Шашков С.С. Собрание сочинений. – СПб. : изд. О.Н. Поповой, 1898. – Т. 2. – 667 с.
63. Ядринцев Н.М. Алтай и его инородческое царство // Исторический вестник. – 1885. – Т. XX, № 6. – С. 608–644.
64. Ядринцев Н.М. Об алтайцах и черневых татарах: (Отчет в ЗСОИГО – отдел этнографии). – СПб., 1881.
65. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. – 555 с.
66. Ядринцев Н.М. Сочинение : в 2 т. Т. 2: Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – 336 с.

Научные издания

1. Абаева А.З. Исламские традиции в жизни томских татар // Ислам в культурном ландшафте России: история и современность. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2002. – С. 78–85.
2. Абдуллин Х.М. Военная служба крымских татар в Российской империи // Военно-исторический журнал. – 2007. – №1. – С. 49–54.

3. Абдуллин Х.М. Квартирное довольствие штатного мусульманского военного духовенства Российской империи в XIX – начале XX в. // Источники существования исламских институтов в Российской империи : сборник статей / сост. и отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2009. – С. 4–8.
4. Абдуллин Х.М. Мечети и мусульманское духовенство для военнослужащих в Российской империи // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2006. – С. 206–210.
5. Абдуллин Х.М. Мусульманское военное духовенство в конце XIX – начале XX в. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи / отв. ред. и сост. И.К. Загидуллин. – Казань : Ин-т истории АН РТ, 2006. – С. 271–276.
6. Абдуллин Х.М. Мусульманское военное духовенство: состав, порядок избрания и утверждения (конец XVIII – начало XX в.) // Эхо веков: научно-документальный журнал. – URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2005_1/10/10_1/ (дата обращения: 13.07.2014).
7. Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство в военно-учебных заведениях Российской империи // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2006. – №5. – С. 16–20.
8. Абдуллин Х.М., Мустафина Г.М. Мусульмане и мусульманское духовенство в иррегулярных войсках Российской империи в XVIII – начале XX в. // Военно-исторический журнал. – 2005. – №10. – С. 46–50.
9. Абзалетдинова А.М. Религиозно-политические аспекты управления и взаимодействия мусульманского духовенства в Российской империи конца XIX – начала XX в. // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2006. – С. 253–266.
10. Агаев А. По материалам книги А. Кобзева «Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.» – URL: <http://www.islamnews.ru/news-6557.html> (дата обращения: 14.01.2015).
11. Азаматов Д.Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX в. – Уфа : Изд-во Башкирского ун-та, 2000. – 102 с.
12. Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX в. – Уфа : Гилем, 1999.
13. Алексеев А.К. К вопросу о посреднической роли исламского духовенства в Центральной Азии // Тюркологический сборник / ред. колл.: С.Г. Кляшторный, Т.Г. Султанов, В.В. Трепавлов. – М. : Восточная литература, 2011. – С. 13–24.
14. Алексеев И.Л. Институционализация ислама в имперском пространстве и эволюция системы управления мусульманским населением Центральной России // Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия / под общ.ред. Д.В. Мухетдинова. – Н. Новгород : Изд-во Нижегородского исламского медресе «Махинур», 2006. – С. 104–118.
15. Алексеев И.Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX – начале XX в. (к вопросу о взаимоотношении цивилизационных логик российской истории) // Религиоведение. – 2002. – №2. – С. 29–40.
16. Алекторов А.Е. Иностранцы в России. – СПб. : Об-во ревнителей русского исторического просвещения в память имп. Александра III, 1906. – 134 с.
17. Аллагуров А.М. Государственная концепция образовательной политики в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №4. – С. 152–155.
18. Алов А.А., Владимиров Н.Г. Ислам в России. – М. : РНИИ культурного и природного наследия, 1996. – 122 с.

19. Андреев С.М. Казаки-мусульмане в Сибирском казачьем войске (вторая половина XIX – начало XX в.) // Ислам, общество, культура / отв. ред. Н.А. Томилов, А.Г. Селезнев. – Омск : ОмГУ, 1994. – С. 5–8.
20. Арапов Д.И. Мусульманское дворянство в Российской империи // Международный исторический журнал. – 1999. – №3. – URL: <http://history.machaon.ru> (дата обращения: 02.03.2012).
21. Арапов Д.Ю. Ислам в архивных материалах высших государственных учреждений Российской империи (1721–1917) // Мусульмане в новой имперской истории: сборник статей / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, И.В. Герасимов, С.В. Глебов, А.П. Каплуновский, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнов. – М. : ООО «Салра», 2017. – С. 23–38.
22. Арапов Д.Ю. Правила устройства духовной жизни татар-мусульман в Тобольском конном полку (1853 г.) // Тюркские народы : материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / отв. ред. А.В. Нескоров. – Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2002. – С. 126–127.
23. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). – М. : Изд-во МГУ, 2004. – 288 с.
24. Артюх Е.А. Алтайский период в научной деятельности В.В. Радлова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 295 с.
25. Бабин В.Г. Национальный и вероисповедный вопросы в школьной политике министра народного просвещения графа И.И. Толстого. – URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-455441.html> (дата обращения: 17.04.2011).
26. Бакиева Г.Т. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX века. – Новосибирск : Гео, 2011. – 214 с.
27. Бакиева Г.Т. Брак у тоболо-иртышских татар в конце XVIII – начале XX в. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – №1. – С. 83–90.
28. Бакиева Г.Т. Волостное управление у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – №1(12). – С. 156–164.
29. Бакиева Г.Т. К вопросу о фискальной политике Российского государства в отношении сибирских татар (XVII – начало XX в.) // Тюркские народы : материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / отв. ред. А.В. Нескоров. – Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2002. – С. 128–130.
30. Бакиева Г.Т. Особенности развития судебной системы у сибирских татар в XVIII – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – №9. – С. 130–140.
31. Бакиева Г.Т. Приходское духовенство у сибирских татар в XVIII – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2007. – №7. – С. 166–171.
32. Бакиева Г.Т. Реформы в системе образования у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2008. – №8. – С. 97–108.
33. Бакиева Г.Т. Российское государство и сибирские татары в XVII – начале XX в.: конфессиональный аспект // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – №4. – С. 7–15.
34. Бакиева Г.Т. Сельская община сибирских татар как орган коллективного сопротивления (вторая четверть XIX – начало XX в.) // Первые исторические чтения Томского государственного педагогического университета : материалы междунар. конф. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2005. – С. 172–175.
35. Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). – Тюмень ; М. : ИНИОН РАН, 2003. – 258 с.
36. Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подданных России мусульманах. – СПб. : Типография Правительствующего сената, 1887. – 60 с.
37. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. – М. : Мысль, 1987. – 350 с.
38. Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х. Ислам у казахов (до 1917 г.). – М. : Восточная литература РАН, 1997. – 240 с.
39. Батунский М.А. Православие, ислам и проблемы модернизации в России на рубеже XIX–XX вв. // Общественные науки и современность. – 1996. – №2. – С. 81–90.

40. Батуркин А. Вероисповедная политика Российской империи во второй половине XIX в. // *Власть*. – 2009. – №2. – С. 75–80.
41. Баязинов М.А. Отношения ислама к науке и инородцам. – СПб. : Типография А.С. Суворина, 1887. – 105 с.
42. Бекмаханова Н.Е., Нарбаев Н.Б. Ислам в Казахстане и российское законодательство XIX в. // *Ислам, общество, культура* / отв. ред. Н.А. Томилов, А.Г. Селезнев. – Омск : ОмГУ, 1994. – С. 26–28.
43. Бендин А.Ю. Веротерпимость и проблемы национальной политики Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Русская православная церковь*. – URL: <http://www.church.by/resource/Dir0176/Dir0692/> (дата обращения: 24.10.2017).
44. Бессмертная О.Ю., Журавский А.В., Смирнов А.В., Федорова Ю.Е., Чалисова Н.Ю. Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 528 с.
45. Блинова О.В. Этноконфессиональные школы Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.: положение и роль учителей и особенности образования // *Вестник Омского университета*. – 2010. – №2. – С. 155–162.
46. Бобкова Г.И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX – начало XX в.). – Иркутск : Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2009. – 219 с.
47. Богуславский М.В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // *Вопросы образования*. – 2006. – №3. – С. 5–21.
48. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. – Томск : Изд-во ТГУ, 1960. – 151 с.
49. Бурдина Е.Л. Позиции российского правительства по вопросу «инородческого» образования в начале XX в. // *Вопросы образования*. – 2007. – №3. – С. 278–287.
50. Вайнштейн С.И., Кляшторный С.Г. В.В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов // *Тюркологический сборник 1971 г.* – М. : Наука, 1972. – С. 20–31.
51. Валеев Р.М., Набиев Р.А. История ислама в России // *Ислам и мусульмане в России : сборник статей / под общ. ред. М.Ф. Муртазина, А.А. Нуруллаева*. – М. : КДТ, 1999. – С. 91–117.
52. Валеев Ф.Т. О религиозных представлениях западносибирских татар // *Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.)*. – Л. : Наука, 1976. – С. 320–331.
53. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. – Казань : Татарское кн. изд-во, 1993. – 208 с.
54. Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. – Новосибирск : Наука, 1996. – 224 с.
55. Валеева А.Ф. К вопросу о женском образовании в мусульманских школах в Сибири в XIX – начале XX в. (до Октябрьской революции) // *Ислам, общество, культура* / отв. ред. Н.А. Томилов, А.Г. Селезнев. – Омск : ОмГУ, 1994. – С. 39.
56. Валиханов Ч.Ч. О мусульманах в степи // *Собрание сочинений* : в 4 т. Алма-Ата : Наука, 1985. – Т. 4. – С. 71–76.
57. Васильев Д.В. История исламской политики в Российской империи // *Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия / под общ. ред. Д.В. Мухетдинова*. – Н. Новгород : Изд-во Нижегородского исламского медресе «Махинур», 2006. – С. 27–36.
58. Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 280 с.
59. Воробьева (Кэмпбелл) Е.И. «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*. – М. : Московский обществ. науч. фонд, 2001. – С. 204–216.
60. Воробьева Е.И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // *Исторический ежегодник*. 1997. – URL: <http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles>.
61. Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Русские мусульмане в поле российской идентичности // *Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков*. – М., 2008. – Вып. 7. – С. 289–303. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gavrilov_Russkie_mus.pdf (дата обращения: 20.12.2015).

62. Галлям Р.Г., Гариф Н.Г. «Дело по прошению Казанских мурз и татар о даровании большей свободы для магометанской веры» от 1770 г. как памятник борьбы татар в Российской империи за религиозные права и свободы // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2006. – С. 43–52.
63. Ганич А.А. «Поучение» закавказского муфтия и председателя закавказского мусульманского духовного правления сунн // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа : сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. – Нальчик : Ин-т гуманитарных исследований КБНЦ РАН, 2009. – С. 328–346.
64. Гарипов М.М. К истории ислама и образования в Томской губернии // Ислам в культурном ландшафте России: история и современность. – Томск : ТГПУ, 2002. – С. 217–223.
65. Гарипов Н.К. Система религиозной иерархии у российских мусульман начала XX в. – URL: www.tataroved.ru (дата обращения: 22.05.2011).
66. Гарифуллин И.Б. Из истории земельных отношений у татар Тюменского региона // Тюркские народы : материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / отв. ред. А.В. Нескоров. – Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2002. – С. 154–155.
67. Гарифуллин И.Б. К вопросу о христианизации сибирских татар // Проблемы истории Казани: современный взгляд: сборник статей. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. – С. 503–507.
68. Гатауллина Л.Р. Татарская пресса 1914–1915 гг. об отношении российских мусульман к Первой мировой войне // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – №1. – С. 133–139.
69. Гатин А. «Бюрократия нас уничтожит, сотрет нашу религию и нацию...» (Проблема образования татар в дискуссиях в начале XX в.) // Эхо веков: научно-документальный журнал. – 2005. – № 1. – URL: <http://www.archive.gov.tatarstan.ru> (дата обращения: 25.10.2014).
70. Гафаров А.А., Гафаров А.Н. Колониальная аккультурация традиционного уклада мусульман Российской империи // Вестник Казанского технического университета. – 2012. – Т. 15. – №17. – С. 296–302.
71. Гибадуллина Э.М. Механизмы финансирования строительства и содержания сельских мечетей в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Источники существования исламских институтов в Российской империи : сборник статей. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 37–43.
72. Гильфанов Р.Т. Мечети и медресе в жизни сибирских татар // Влияние ислама на культуру народов Сибири (к 600-летию ислама в Сибири) : материалы науч.-практ. конф. / под ред. И.Б. Гарифуллина, А.Г. Градусова. – Тюмень, 1998. – С. 56–58.
73. Горбунова С.В. Крещенные казахи Российской империи // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти З.М. Залкинда : материалы конф. / под ред. В.А. Моисеева. – Барнаул : Азбука, 2003. – С. 247–252.
74. Горюшкин Л.М. Переселенческое движение и сельское хозяйство Сибири во второй половине XIX – начале XX в. – Новосибирск : АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии, 1989. – 25 с.
75. Греков Н.В. К вопросу о взаимоотношениях политической полиции и мусульманского движения на территории Западной Сибири в начале XX в. // Ислам, общество, культура / отв. ред. Н.А. Томилов, А.Г. Селезнев. – Омск : ОмГУ, 1994. – С. 52–54.
76. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. – Новосибирск : Наука, 1965. – 262 с.
77. Гусева Ю.Н. Проблема хаджа российских мусульман в решениях и документах советских государственных органов (1923 год) // Форумы российских мусульман. Ежегодный научно-аналитический бюллетень № 8 / под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. – Москва ; Н.Новгород, 2012. URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?5709> (дата обращения: 12.07.2016).
78. Дамешек И.Л. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Современное историческое

- сибиреведение XVII – начала XX в. / под ред. Ю.М. Гончарова. – Барнаул : Азбука, 2005. – С. 257–266.
79. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1986. – 168 с.
80. Дамешек Л.М. Проблемы интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII – начала XX в. // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв. : материалы конф. / под ред. В.А. Ламина. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2003. – URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/index.html> (дата обращения: 14.03.2010).
81. Дарженев С. Политика царского правительства в отношении ислама в конце XIX – начале XX в. // Ученые записки историко-юридического факультета Киргизского университета. Серия: История. – Фрунзе, 1964. – С. 165–172.
82. Дашковский П.К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 246 с.
83. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Мусульманские и православные общины Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: некоторые аспекты взаимоотношений // Этнокультурные и этносоциальные процессы в трансграничном пространстве России и Центральной Азии / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. – С. 346–349.
84. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Влияние органов государственной власти на решение мусульманских судебных процессов на территории Западной Сибири во второй половине XIX в. // Вестник Алтайской науки. – 2013. – №1. – С. 71–74.
85. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Исламский фактор в миграционных процессах в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Религиоведение. – 2015. – №1. – С. 48–52.
86. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. К вопросу о взаимоотношении Русской православной церкви и мусульман Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Ислам в Сибири: вызовы времени : сборник докладов международной научной конференции. 12 – 13 мая 2016 г. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2016. – С. 92–96.
87. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Мусульмане Западной Сибири в вооруженных силах Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник алтайской науки. – 2014. – № 1 (19). – С. 29–33.
88. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Мусульманское образование в Западной Сибири в XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – №4/1(72/1). – С. 68–71.
89. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Некоторые направления государственно-конфессиональной политики в отношении мусульман Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Академические исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы. – Владимир : ВлГУ, 2016. – Т. 4. – С. 33–54.
90. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Основные направления конфессиональной политики Российской империи в отношении мусульман Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Трансформация социальных связей в Европе и России: Средние века, Новое и Новейшее время, современность : материалы Междунар. науч. конф. – Кемерово, 2012.
91. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Основные направления конфессиональной политики Российской империи в отношении мусульманских народов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. – Т. I. – С. 94–109.
92. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Проблема формирования военного мусульманского духовенства в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Религиоведение. – 2012. – №3. – С. 24–29.
93. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Религиозная политики Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Мировоззрение насе-

- ления Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Вып. VIII. – Барнаул : Азбука, 2015. – С. 115–132.
94. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Снижение авторитета духовенства в мусульманских общинах Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи в XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – №4/1 (76). – С. 241–244.
95. Дегальцева Е.А. Религиозные общества дореволюционной Западной Сибири // Религия и право. – 2004. – №1. – URL: <http://www.rlinfo.ru/rip/2004/2004%20-%201/12%20-%20degaltseva.html> (дата обращения: 12.07.2012).
96. Добрынин Н.М. Государственное управление: Теория и практика. Современная версия новейшей истории государства : учебник. – Новосибирск : Наука, 2010. – Т. 2. – 519 с.
97. Духовные ценности ислама и образование: историко-культурная традиции и современность / отв. ред. С.С. Аванесов, Т.А. Костюкова. – Томск : Изд-во ТГУ, 2008. – 246 с.
98. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). – СПб. : ЛИСС, 1998. – 1000 с.
99. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. – 1996. – №11–12. – С. 39–52.
100. Емельянова Т.Н. Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб. : Publisher : Инфо-да, 2004. 130 с.
101. Ермолов В.А. Особенности системы образования в национальных школах Российской империи: мусульманские и еврейские школы // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2009. – №4. – С. 100–109.
102. Жильцов К.В. Генералы мусульманского вероисповедания в российской армии в 1905–1914 годах // Вопросы истории. – 2007. – №12. – С. 130–135.
103. Загидуллин И.К. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность : материалы Всерос. семинара. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – С. 44–103.
104. Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2007. – 416 с.
105. Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (европейская часть России и Сибирь). – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – 462 с.
106. Загидуллин И.К. Особенности организации религиозно-обрядовой жизни рабочих татар-мусульман в европейской части России и Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Мир ислама. – 2008. – № 1. – URL: <http://www.paxislamica.ru/arkhiv/17-12008#> (дата обращения: 12.01.2015).
107. Загидуллин И.К. Особенности соблюдения религиозных прав мусульман в российской сухопутной регулярной армии в 1874–1914 г. // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. – 2009. – Вып. 10. – URL: <http://pipss.revues.org/3745> (дата обращения: 12.04.2014).
108. Загидуллин И.К. Особенности структурирования мусульманского молитвенного дома в общеимперское правовое пространство // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.) : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – С. 124–150.
109. Загидуллин И.К. Предисловие // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX в. : материалы науч. семинара, посвященные 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 3–11.
110. Загидуллин И.К. Публичные сборы пожертвований для строительства мечетей в городах европейской части России и Сибири (XIX – начало XX в.) // Источники существования исламских институтов в Российской империи : сборник статей / сост. и отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 70–104.

111. Загидуллин И.К. Пятивременные и соборные (джами) мечети в округе Оренбургского магометанского духовного собрания // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.): материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2006. – С. 93–123.
112. Зайцев И.В. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX вв. // Отечественная история. – 2008. – №4. – С. 3–9.
113. Закиров Р. Национальное образование у татар и образовательное пространство России // Высшее образование в России. – 2007. – №2. – С. 172–174.
114. Ибрагимов З.Х. Ислам и христианство на Северном Кавказе: история взаимоотношений // Религия и право. – 2006. – №1–2. – URL: <http://www.sclj.ru/news/detail> (дата обращения: 07.12.2010).
115. Иванов С.К. Правовое регулирование системы контроля за миграционными процессами в Российской империи в XVII – XVIII веках // Вестник Чувашского университета. – 2010. – №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sistemy-kontrolya-za-migratsionnymi-protsessami-v-rossiyskoy-imperii-v-xvii-xviii-vekah>. (дата обращения: 04.05.2016).
116. Иванцова Г.И., Коновалова Е.Н. Противомусульманская миссия новокрещенного Ефрема Елисея в Тобольской епархии // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / отв. ред. А.В. Нескоров. – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. – С. 170–172.
117. Ивонин А.Р. Этноконфессиональная ситуация в городах Западной Сибири в дореформенный период // Избранные труды Александра Романовича Ивонина по истории Сибири / сост. Е.М. Гостюшева, С.Г. Щеглов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 108–113.
118. Ислам в законодательстве России: сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений Правительства России / под общ. ред. А.Б. Юнусовой. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1998. – 120 с.
119. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д.Ю. Арапов. – М.: Академкнига, 2001. – 367 с.
120. Исхаков Д.М. Татары: популярная этнография. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 159 с. – URL: <http://miraska.narod.ru/tatars/tatars2.htm> (дата обращения: 24.10.2016).
121. Исхаков С.М. Вместе или порознь. Тюрки-мусульмане в российской армии в 1914–1918 годы // Татарский мир. 2004. №15. – URL: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=592§ion=0&heading=0> (дата обращения: 24.08.2013).
122. Исхаков С.М. Первая мировая война глазами российских мусульман // Россия и Первая мировая война: материалы Международного научного colloquiuma. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 419–431.
123. Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. – М.: Социально-политическая мысль, 2007. – 400 с.
124. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 г.). – М.: Социально-политическая мысль, 2004. – 600 с.
125. Кабузан В.М. Миграция в Российской империи // Отечественные записки. – 2005. – №4 (19). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=507> (дата обращения: 15.06.2016).
126. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. – М.: Наука, 1998. – 350 с.
127. Каппелер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. – 2003. – №2. – С. 129–135.
128. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. – М.: Традиция, 2000. – 344 с.
129. Капралова А.Л., Рогожина Е.М. Национальная политика Российской империи в отношении населения, исповедующего ислам в XIX веке // Мусульманское население России: вчера и сегодня. – 2015. – Вып. 5. – С. 27–30.

130. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. – Томск : Изд-во ТГУ, 2004. – 232 с. – URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/abbr.html> (дата обращения: 14.02.2010).
131. Карих Е.В. Проникновение казахов на Алтай в XIX в. и их хозяйственное взаимодействие с русскими // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. – Вып. 5. – Барнаул : Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2003. – С. 49–52.
132. Квакин А.В. Российская культурно-миграционная система и Российское государство // Социум и власть. – 2007. – №3. – С. 37–40.
133. Климович Л. Ислам в царской России. – М. : Гос. антирелиг. изд-во, 1936. – 408 с.
134. Кобзев А.В. Возникновение мусульманских общин у «отпавших» крещеных татар Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Историко-этнографические исследования Симбирского Поволжья : сборник статей / под ред. А.Н. Зорина. – Ульяновск : УлГПУ, 2002. – С. 53–60.
135. Кобзев А.В. Мусульманская община как центр организации обучения и воспитания (по материалам Симбирской губернии XIX – начала XX века) // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.) : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – С. 225–239.
136. Кобищанов Ю.М. Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии – России // ОНС. – 1996. – №2. – С. 91–99.
137. Коваляшкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль. – Томск : ТГУ, 2005. – 323 с.
138. Конев А.Ю. Влияние религиозного фактора на правовой статус сибирских аборигенов (XVIII–XIX вв.) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX в.): сборник статей / отв. ред. А.В. Бауло. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. – С. 303–319.
139. Конев А.Ю. О роли конфессионального фактора в процессе интеграции народов Западной Сибири в состав России XVII в. // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень, 2004. – Вып. 5. – URL: <http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DM/1-kon.htm> (дата обращения: 05.06.2010).
140. Конев А.Ю., Бакиева Г.Т., Ключева В.П. Социально-правовые аспекты конфессиональной политики Российского государства в Западной Сибири XVII–XIX вв. // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – 2005. – Вып. 6. – URL: <http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DN/2-kon.htm> (дата обращения: 05.06.2010).
141. Коновалов А.В. Пережитки шаманства у казахов Южного Алтая // Этнография народов Сибири. – Новосибирск : Наука, 1984. – С. 127–131.
142. Кононов А.Н. В.В. Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник – 1971 г. – М. : Наука, 1972. С. 7-15.
143. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. – Новосибирск : Наука, 1978. – 251 с.
144. Кулиев Ф.М. Ислам в государственно-религиозной политике Российской империи на Северном Кавказе в первой половине XIX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – №3. – С. 60–64.
145. Кулиев Ф.М. Основные изменения в конфессиональном законодательстве Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №1. – URL: <http://teoria-praktica.ru/> (дата обращения: 20.11.2012).
146. Курныкин О.Ю. Из истории религиозной политики России в Казахстане в первой половине XIX в. // Востоковедные исследования на Алтае: сб. науч. ст. / под ред. В.А. Моисеева. – Вып. V. – Барнаул : Азбука, 2006. – С. 176–185.
147. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М. : Восточная литература, 1995. – 312 с.

148. Левашов Д.Е. Этноконфессиональные особенности народного образования в Российской империи начала XX века (на примере Саратовской губернии) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2010. – № 4. – С. 133–136.
149. Леттецкая О.М. Иностранческое земледелие в Томской губернии: истоки аграрной проблемы начала XX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. – Барнаул : Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2005. – Вып. 6. – С. 30–36.
150. Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.) – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 195 с.
151. Лысенко Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.). – Барнаул : Азбука, 2011. – 156 с.
152. Лысенко Ю.А. Политика России в отношении ислама в 20–60 гг. XVIII в. (по материалам Полного собрания законов Российской империи) // Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: актуальные вопросы истории и международных отношений. Четвертые научные чтения памяти Е.М. Залкинда : материалы междунар. науч. конф. / под ред. А.В. Старцева. – Барнаул : Азбука, 2009. – С. 64–69.
153. Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.) : монография. – Барнаул : Азбука, 2014. – 272 с.
154. Любичанский С.В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). – Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2018. – 264 с.
155. Мавлютова Г.Ш. Об обращении в православие татар Западной Сибири // Тюркские народы : материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / отв. ред. А.В. Нескоров. – Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2002. – С. 195–197.
156. Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. – М. : Московский центр Карнеги, 1998. – 222 с.
157. Маняхина М.Р. Просветительская деятельность Алтайской духовной миссии // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы научно-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. – Барнаул : Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2001. – Вып. 4. – С. 262–264.
158. Маркова М.Ф. Культурно-просветительская и общественная деятельность мусульман г. Томска в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 305. – С. 75–78.
159. Маркова М.Ф. Татары-мусульмане г. Томска в конце XIX – начале XX в. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. – Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2009. – С. 151–158.
160. Машитлев Р.М. Мусульманский вопрос в региональной политике Кубанской области в конце XIX – начале XX вв. // Научно-творческое наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность : сборник материалов XII Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2012. – URL: <http://zema.su/blog/musulmanskii-vopros-na-kavkaze-v-dorevolutsionnoi-rossii> (дата обращения: 15.08.2016).
161. Мустакимов И. «Внешне Российское государство как будто не притесняет своих мусульманских подданных» (Татары-мусульмане глазами османских чиновников конца XIX в.) // Эхо веков. – 2008. – №2. – URL: http://echoofcenturies.ru/2008_2/02/04/ (дата обращения: 24.10.2016).
162. Мусульманское военное духовенство: состав, порядок избрания и утверждения (конец XVIII – начало XX в.) // Эхо веков. – URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2005_1/10/10_1/ (дата обращения: 12.04.2011).
163. Мухаметзянов А.А. Экономическое положение мусульманской общины в России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Уральского государственного университета. – №49. – 2007. – С. 133–137.

164. Мухаметшин Р.М. Ислам в Российской империи. К проблеме формирования религиозных традиций у татар // Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX в. – Казань : Фэн, 2003. – URL:<http://www.archipelag.ru/authors/muhametchin/?library=2397> (дата обращения: 04.10.2009).
165. Мухаметшин Р.М. Ислам в татарской общественной мысли начала XX в. – Казань : Иман, 2000. – 160 с.
166. Мухаметшин Р.М. Система образования у татар в начале XX века: состояние, проблемы и перспективы // Источники существования исламских институтов в Российской империи. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 198–211.
167. Мухамметдинов Р.Ф. Нация и революция (Трансформация национальной идеи в татарском обществе первой трети XX в.). – Казань : Иман, 2000. – 150 с.
168. Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. – Н. Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011. – 282 с. – URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479> (дата обращения: 12.02.2009).
169. Набиев Р.А. Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2002. – 244 с.
170. Наганова Н. Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи : материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань : Ин-т истории АН РТ, 2006. – С. 101–128.
171. Нам И.В. Институционализация этничности в сибирском переселенческом обществе (конец XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 10. – С. 34–49.
172. Нам И.В. Культурно-автономическое движение мусульман России в начале XX в. // Ислам в культурном ландшафте России: история и современность. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2002. – С. 57–66.
173. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2009. – 500 с.
174. Нам И.В. Татарские школы в дореволюционном Томске // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) / под ред. Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2000. – С. 73–86.
175. Нафигов Р.И. Н.И. Ильминский – кто он на самом деле? // Исламско-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения / под ред. Я.Г. Абдуллина. – Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1994. – С. 124–131.
176. Национальная политика России: история и современность. – М. : Русский мир, 1997. – 680 с.
177. Недзелюк Т.Г. Смена вероисповедной принадлежности в Российской империи на примере Западной Сибири: потенциальные возможности, нормативное регулирование, практика применения // Народы и религии Евразии. – 2019. – №4 (21). – С. 128–139.
178. Нияз Субаев-Казанлы. Турецкие военнопленные в Поволжье: фрагменты истории (1915–1919 гг.) // Эхо веков. – 1999. – №1/2. – URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1999_1_2/14/14_4/ (дата обращения: 15.07.2016).
179. Ногуманов А. Государственно-исламские отношения в Волго-Уральском регионе в XIX в. (политико-правовой аспект) // Ислам и государство : сб. науч. ст. / отв. ред. А. Малашенко. – Уфа : Информреклама, 2007. – С. 94–116.
180. Ногуманов А. Екатерина II: «...повелеваем... наблюдать, дабы к исправлению духовных должностей магометанского закона употребляемы были люди в верности надежные и доброго поведения» // Эхо веков. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1998_1_2/05/05_1/&searched=1 (дата обращения: 14.06.2017).
181. Нуриманов И.А. Сравнительный анализ паломнической традиции мусульман Российской империи и христианского паломничества // Современные проблемы и перспективы развития исла-

- моведения, востоковедения и тюркологии : сборник материалов. – Москва ; Н. Новгород, 2007. – URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/histori_nurimanov.htm? (дата обращения: 30.10.2016).
182. Нуруллаев А.А., Нуруллаев Ал.А. Религия и политика. – М. : КМК, 2006. – 330 с.
183. Одинцов М.И., Пинкевич В.К., Редькина О.Ю. Государственно-церковные отношения в политической истории России // Государственно-церковные отношения в России : курс лекций / под ред. Ф.Г. Овсиенко, Н.А. Трофимчук. – М. : РАГС, 1995. – С. 26–73.
184. Октябрьская И.В. Ислам и православие на Алтае. История и специфика диалога // Сибирь на перекрестке мировых религий : материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Новосибирск : НГУ, 2002. – С. 205–207.
185. Октябрьская И.В. Ислам и православие: опыт взаимодействия в свете стратегий межэтнической коммуникации (на примере казахов Алтая) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межэтнической коммуникации (XVII – начало XX в.) : сб. ст. / отв. ред. А.В. Бауло. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. – С. 340–359.
186. Октябрьская И.В. Казахи Юго-Восточного Алтая: этническая история и этническая идентичность // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – С. 27–46.
187. Октябрьская И.В. Крещенные казахи Алтая. Конфессиональный фактор в этнической истории XIX–XX вв. // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – С. 78–92.
188. Октябрьская И.В., Осипова Л.П., Нечипоренко О.В. Туратинские казахи. Судьбы национальных меньшинств России // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы науч.-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. – Барнаул : Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2001. – Вып. 4. – С. 29–34.
189. Павлинова Р.Н., Старостин А.Н., Ярков А.П. Мусульманские общины азиатской части Российской империи в середине XIX – начале XX в.: по материалам учетных ведомостей ОМДС. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2018. – 492 с.
190. Пономаренко М.В. Ислам в Сибири в контексте общероссийских и региональных этноконфессиональных процессов // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX в.) : сб. ст. / отв. ред. А.В. Бауло. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. – С. 320–339.
191. Поплавская Х.В. К вопросу о православном миссионерстве на Алтае (30–60-е гг. XIX в.) // Этнографическое обозрение. – 1995. – №5. – С. 99–109.
192. Потапова Н.В. Вероисповедная политика Российской империи и религиозная жизнь Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Сахалина). – Южно-Сахалинск : Изд-во Сахалинского ун-та, 2009. – 316 с.
193. Прахт Д.В. Традиционное образование мусульманской России на рубеже XIX–XX вв. // Религиоведение. – 2011. – №1. – С. 32–38.
194. Птицын А.Н. Австро-венгерская иммиграция в Россию во второй половине XIX – начале XX в. и ее экономическое значение // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4/3. – С. 173–181.
195. Раздыкова Г.М. Материальное и правовое положение мусульманских школ в Казахстане в конце XIX – начале XX вв. // Источники существования исламских институтов в Российской империи. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 219–229.
196. Регент Т.М. История управления миграционными процессами в царской России и СССР // Вестник Российского нового университета. – 2011. – №2. – С. 54–60. – URL: <http://vestnik-rosnou.ru/pdf/n2y2011/p54.pdf>. (дата обращения: 14.09.2016).

197. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск : Сова, 2005. – 192 с.
198. Ремнев А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. – М., 2006. – №4. – С. 5–31.
199. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на Азиатских окраинах Российской империи // Полития. – 2010. – №3–4 (58–59). – С. 150–191.
200. Решетов А.М. Академик В.В. Радлов – востоковед и музеевед (основные этапы деятельности) // Радловские чтения – 2002. – СПб., 2002. – С. 95–101.
201. Садвокасова З.Т. Интеракции ислама и православия в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. – С. 51–54.
202. Сафина Е.А. Роль общественности в функционировании народного образования Российской империи // Вестник Уфимского гос. ун-та экономики и сервиса. – 2016. – №1(15). – С. 125–129.
203. Сафиуллина Р. Система мусульманского образования у сибирских татар в поликонфессиональной среде // Татарские мусульманские приходы в Российской империи / отв. ред. и сост. И.К. Загидуллин. – Казань : Ин-т истории АН РТ, 2006. – С. 217–226.
204. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Некоторые аспекты изучения народного ислама в Сибири в свете исторических и этнографических данных (к постановке проблемы) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск : Наука, 2004. – Т. 8. – С. 96–123.
205. Сенюткина О.Н. Ислам и мусульмане в Вооруженных силах России: история и современность // Рамазановские чтения : научно-богословский сборник статей и лекций. – Н. Новгород : Махинур, 2006. – №1. – С. 166–177.
206. Сибгатуллина Э.Т. Миграционная политика России в истории отечественного законодательства // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований. – Казань, 2010. – С. 182–192. – URL: <http://www.izumzum.ru/health/r-m-valeev-a-i-nogmanov-r-v-shajdullin/pg-1.html> (дата обращения: 15.07.2016).
207. Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2010. – 264 с.
208. Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, М.М. Дамешек, В.П. Зиновьев, А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова, В.П. Шахеров, М.В. Шиловский. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.
209. Синенко С.Г. Мусульманское духовное собрание. – Уфа : Башкортостан, 2008. – 272 с.
210. Соколовский С.В. Образы других в российских науке, политике и праве. – М. : Путь, 2001. – 235 с.
211. Софронов В.Ю. Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири (конец XVII – начало XX в.). – Тобольск : ТГПИ, 2005. – 152 с.
212. Старостин А.Н. Ислам в Свердловской области. – М. : Логос, 2007. – 144 с.
213. Стурова М.В. Конфессиональная доминанта в интеграции славянского населения: церковно-школьное строительство в Степном крае (80-е гг. XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – №4. – С. 212–216.
214. Стурова М.В. Система начального школьного образования в Степном крае во второй половине XIX – начале XX века: этноконфессиональный аспект : дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2017. – 220 с.
215. Стурова М.В. Система начального школьного образования в Степном крае во второй половине XIX – начале XX века: этноконфессиональный аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2017. – 24 с.
216. Сулейманова Ю. Ф. Региональная власть и мусульманское население Оренбургской губернии во второй половине XIX в. // Открытая библиотека научных сборников по гуманитарным дисциплинам. – URL: http://ms-solutions.ru/index.php?option=com_content (дата обращения: 03.12.2016).
217. Сулейманова Ю.Ф. Политика российских властей по отношению к мусульманам на Южном Урале в 30–50-е гг. XVIII в. // Государственная национальная политика, межэтнические и этноконфессиональные отношения в Оренбуржье: проблемы формирования установок толерантного сознания :

- материалы межрегион. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург : Бузулукская типография, 2011. – С. 57–62.
218. Султангалиева А. Эволюция ислама в Казахстане // Воронежский тюркологический сборник. – Вып. 7. – Воронеж, 2007. – С. 5–29.
219. Тарабановская Е.А. Элементы общественного управления в системе национального образования в России начала XX века (на примере обучения казахов в Астраханской школе фельдшеров и фельдшерниц-акушеров) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – №1/1. – С. 193–196.
220. Теплоухова М.В. Этнонациональная политика в Российской империи XIX – начала XX в. // Ойкумена. – 2011. – №2. – С. 138–144.
221. Терюкова Е.А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начало XX в.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – №4. – С. 204–208.
222. Тихонов А.К. Исламский фактор в Поволжье в 1860–1870-е гг. // Отечественная история. – 2007. – №3. – С. 60–65.
223. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. – СПб. : СПбГУ, 2008. – 368 с.
224. Томилов Н.А. Общественный быт и духовная культура томских татар // Духовная культура народов Сибири. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1980. – С. 137–167.
225. Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1983. – 215 с.
226. Томилов Н.А. Поволжские татары Западной Сибири в XVI – первой четверти XIX в. // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1983.
227. Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1993. – 222 с.
228. Томилов Н.А. Сибирские татары: опыт проживания в диаспоре // Народы Сибири: права и возможности / отв. ред. А.П. Деревянко. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – С. 30–47.
229. Томилов Н.А. Сибирь – Северо-Восточная ветвь исламской цивилизации // Ислам, общество, культура / отв. ред. Н.А. Томилов, А.Г. Селезнев. – Омск : ОмГУ, 1994. – С. 160–163.
230. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1981. – 275 с.
231. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1992. – 271 с.
232. Уварова Н.А. Государственная политика в сфере образования на западных окраинах России в конце XIX – начале XX в. как часть национальной политики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – №1. – С. 71–77.
233. Усманова Д.М. «Вайсовский Божий полк староверов-мусульман»: языки религиозного, сословного, политического и национального противостояния в Российской империи // Мусульмане в новой имперской истории : сб. статей / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, И.В. Герасимов, С.В. Глебов, А.П. Каплуновский, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнов. – М. : ООО «Салра», 2017. С. 156–171.
234. Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917). – Казань : Мастер Лайн, 1999. – 164 с.
235. Усманова Д.М. Мусульманское «сектанство» в Российской империи: «Вайсовский Божий полк староверов-мусульман». 1862–1916 гг. – Казань : Фэн, 2009. – 568 с.
236. Фадеичева М.А. Этническая политика Российской империи XIX в. // Положение об инородцах: научный ежегодник Ин-та философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2003. – С. 369–382.

237. Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). – Казань : Фэн, 2002. – 488 с.
238. Фархштанов М.Н. Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи : энциклопедический словарь. – М. : Восточная литература, 2006. – С. 286–292.
239. Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. – Н. Новгород : Махинур, 2005. – 60 с. – URL: <http://www.idmedina.ru/books/encyclopedia/?1814> (дата обращения: 12.05.2008).
240. Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Общественное движение мусульман-татар: итоги и перспективы : монография. – Н. Новгород : Махинур, 2005. – 108 с. – URL: <http://www.idmedina.ru/books/encyclopedia/?1814> (дата обращения: 12.05.2008).
241. Храмова В.В. Западносибирские татары // Народы Сибири. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. – С. 473–491.
242. Цысь О.П. Миссионерская деятельность среди татар Тобольской епархии в конце XIX – начале XX в. // Тюркские народы : материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / отв. ред. А.В. Нескоров. – Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2002. – С. 244–246.
243. Чуркин М.К., Токмурз Б.С. Перспективы аграрного освоения территорий Степного края в колониационных планах российской власти во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 401. – С. 196–206.
244. Шаблей П.С. Оренбургское магометанское духовное собрание в Казахстане (1788–1868 гг.) // Вопросы истории. – 2008. – №5. – С. 146–150.
245. Шерстова Л.И. Аборигены Южной Сибири в контексте российской модернизации начала XX в.: выбор пути // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.: материалы конф. / под ред. В.А. Ламина. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2003. – URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/index.html>. (дата обращения: 24.11.2009).
246. Шерстова Л.И. «Новые» этносы и «новые» религии: к проблеме генезиса этнического самосознания (на материалах тюркских сообществ Западной Сибири XIX–XX вв.) // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – С. 69–77.
247. Шерстова Л.И. Аграрный вопрос и межэтнические отношения в Южной Сибири в XIX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. – Вып. 6. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. – С. 63–68.
248. Шерстова Л.И. Влияние государственной политики на этнические процессы в Южной Сибири в первой половине XIX в. // Этнографическое обозрение. – 2000. – №4. – С. 102–108.
249. Шерстова Л.И. Иностранная политика государства и этнические процессы в Южной Сибири в первой половине XIX в. // Историческая наука на рубеже веков : материалы Всерос. конф. / отв. ред. А.Т. Топчий. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2001. – С. 113–117.
250. Шерстова Л.И. Русские и аборигены Сибири в XVII – начале XX в.: этногенетические истоки толерантности // Межэтнический и межконфессиональный диалог в российском обществе: проблемы толерантности : материалы межрегион. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Л.И. Шерстовой. – Томск : Дельтаплан, 2003. – С. 84–90.
251. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 311 с.
252. Шерстова Л.И. Тюркоязычное население Томской губернии и выборы в Государственную Думу (1905–1907 гг.) // По страницам истории и судьбы: к 70-летию профессора Ю.В. Куперта : сб. науч. ст. и мат. / под ред. Т.В. Галкиной, О.А. Харусь. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2001. – С. 145–150.
253. Шерстова Л.И. Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири: конец XVI – начало XX в. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2017. – 252 с.

254. Шершнева Е.А. Аграрная политика государства в отношении мусульманских народов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Интеграция исторического и образовательного пространства : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию со дня рождения Максима Юрьевича Брандта. – Новосибирск : НГПУ, 2011.
255. Шершнева Е.А. Взаимоотношение мусульман с Русской православной церковью в XIX в. на Алтае // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе / под ред. П.К. Дашковского. – Вып. IV. – Барнаул : Азбука, 2010. – С. 264–273.
256. Шершнева Е.А. Некоторые факторы, влияющие на возвращение крещеных инородцев в мусульманскую веру в XIX – начале XX в. в Западной Сибири // Религия в истории народов России и Центральной Азии : материалы Всерос. с междунар. участием конф., посвящ. 10-летию кафедры религиоведения и теологии АлтГУ. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 215–218.
257. Шершнева Е.А. Позиция государственной власти в отношении мусульманского духовенства Западной Сибири во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – №4(76). – С. 222–224.
258. Шершнева Е.А. Проблемы реформирования мусульманского образования в Российской империи в начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История и политология. – 2012. – № 4/1 (76). – С. 266–269.
259. Шершнева Е.А. Мусульманское образование в Западной Сибири в XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – №4/1. – С. 68–71.
260. Шиловский М.В. Основные направления политики правительства по отношению к Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв. : материалы конф. / под ред. В.А. Ламина. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2003. – URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/index.html>. (дата обращения: 17.09.2011).
261. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. – Новосибирск : Наука, 2008. – 138 с.
262. Щербак А.М. В.В. Радлов и изучение памятников рунической письменности // Тюркологический сборник – 1971 г. М. : Наука, 1972. С. 54–63.
263. Щербина А.В. Влияние интеграционных и модернизационных процессов на Российскую империю (вторая половина XIX – начало XX столетия) // Логос. – 2004. – №5. – С. 201–215.
264. Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революции 1917 г. / отв. ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. 384 с.
265. Юрьева В.В. Сочетание православных и исламских элементов в народной культуре туратинских казахов // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. – Вып. 5. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2003. – С. 203.
266. Ядов В.А. Социология России. – М. : Изд-во Института социологии РАН, 1998. – 722 с. – URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/jadov_sociologija/21.aspx (дата обращения: 12.07.2016).
267. Яловская Г.В., Нагорнов В.И. «Сибирские вопросы» о роли самоуправления в аграрном развитии Сибири (начало XX в.) // Известия Томского политехнического университета. – Т. 305, вып. 7: Сибирь в евразийском пространстве. – 2002. – С. 40–44.
268. Ярков А.П. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Т. 1: Источники и историография. – Тюмень : Колесо, 2007. – 418 с.
269. Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Policy of the Russian state for the control of the religious life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. – 2015. – V. 36. Is. 2. – P. 338–346.
270. Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Relations between the Muslim communities and the Russian Orthodox Church in Western Siberia in the second half of XIX – early XX century in the context of confessional policy of the Russian // *Bylye Gody*. – 2015. – V. 39. Is.1. – P. 120–128.

271. Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. The role of Muslims in Migration Processes in the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century // *Bylye Gody*. – 2017. – Vol. 44. Is. 2. – P. 551–559.
272. Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. The Influence of State-Confessional Policy on the Situation of Muslim Organizations in Western Siberia in 1905 – the beginning of 1917 years // *Bylye Gody*. – 2017. – Vol. 43. Is. 1. – P. 238–247.
273. Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. The Ethno-Religious Aspect of the Educational Policy of the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century (on the Example of the Muslim Education System of Western Siberia) // *Bylye Gody*. – 2018. – Vol. 47. Is. 1. – P. 232–241.

Список сокращений

- АДМ – Алтайская духовная миссия
АлтГУ – Алтайский государственный университет
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
ВИ – Вестник истории
ГААК – Государственный архив Алтайского края
ГАСПД РА – Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай
ГАТО – Государственный архив Томской области
ГБУТО ГА в г. Тобольске – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске
ИАОО – Исторический архив Омской области
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и искусства
МинОКН Монголии – Министерство образования, культуры и науки Монголии
НОК – Научно-образовательный комплекс
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет
ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
ОНС – Общественные науки и современность
ПСР – Программа стратегического развития
РИЦ НГУ – редакционно-издательский отдел Новосибирского государственного университета
РПЦ – Русская православная церковь
РНФ – Российский научный фонд
ТГУ – Томский государственный университет
ТМДП – Таврическое магометанское духовное правление
УлГПУ – Ульяновский государственный педагогический университет
ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан
ЭО – Этнографическое обозрение

Приложения

Приложение 1

**Свидетельство о знании русского языка
от Комиссии городского училища**

Копия

Перевод с магометанского.

Свидетельство

1902 года ноября 19 дня

Дано сие от указного Муллы Тармакульского магометанского училища Туражской инородной управы Каинского уезда Томской губернии инородцу аула юрт Тармакульских сей управы Магруф Шамшетдинову. В том, что он Шамшетдинов окончил курс науки в названной магометанской школе-училище по 1-му разряду.

В отличном виде изучил русскую и мусульманскую грамоты и хорошо может по-русски писать, читать, и говорить; а также по-магометански и вполне может исполнять обязанности муллы, имама, хатыба и мугальлима по магометанской религии. Поведения Шамшетдинов весьма хорошего и ни в чем предосудительном замечаем не был и не состоит меж совершенных.

Что удостоверяю и свидетельствую подписями на подлинном по-магометански и с приложением печати Указной мулла и преподаватель.

ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 480. Л. 13.

Свидетельства об утверждении в должности мусульманского священнослужителя

20

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

По Указу ^{№ 113} Его Императорскаго Величества, въ присутствіи Оренбургскаго Маюметанскаго Духовнаго Собранія, вслѣдствіе просьбы ишородца тошской губерніи Камыскаго уезда, деревни Гортъ Маршакуньскій Мухаммедъ-Меркура Шамситдинова согласно 1424 ст. XI тома 1 части (изд. 1896 года) было ему, Шамситдинову, учинено испытаніе въ знаніи правилъ маюметанской религіи, по которому оказался быть способнымъ: Имамъ-Хатымъ Мухаммедъ.

Въ удостовѣреніе чего и выдается ему, Шамситдинову это свидѣтельство, съ тѣмъ, что оно, показывая о его познаніяхъ, не предоставляетъ ему права исправлять духовныя требы впредь до утвержденія его въ духовномъ званіи губернскимъ начальствомъ въ приходъ, въ который будетъ избранъ. Городъ Уфа, Агуста 4^е дня, 1903 года. Гербовымъ сборомъ оплачено.

Предсѣдатель Оренбургскій Муфтій,
Хаджи М. Сулеймановъ

Члены-Ахуны:

Султановъ

Ахундовъ

У сего печать:

Секретарь Труневъ

Столочальникъ Ходжи Сулеймановъ

№ 4376

Приложение 3

Расписки магометан, желающих принять православие

Подписка

Я, нижеподписавшийся киргизец Семипалатинской области ... волости, Сантык Турсунбеков магометанской веры, с иных лет проживал и проживаю в Бийском округе Убинской волости деревни Камышиной. Холост, от рода имею 24 года. Родителей и родственников никаких не имею.

Ныне сим изъявляю решительное намерение присоединиться к православной католической восточной церкви и обещаю пребывать в послушание ея всегда неизменно; в чем и подписуюсь, а за неграмотностью его и личной просьбе расписался отставной чиновник

1882 года мая 30 дня

При даче сей подписки находился Жерновский сельский старшина Зубков.

ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2696. Л. 12.

Подписка

1868 года мая 18 дня я, нижеподписавшийся Семипалатинской области Кокпектинского округа Киреевской волости киргизец Багабуль Сартов, сим изъявляю решительное намерение оставить магометанскую веру и принять православно-христианскую веру и обещаю быть в послушании православно-католической Восточной церкви всегда неизменно. По совершении же Св. таинства Крещения долг исповеди и Св. Причастия буду исполнять ежегодно, в чем и доверяю за себя подписаться.

К сей подписи по личной просьбе неграмотного киргизца Багабула Сартова руку приложил уволенный от службы унтер-офицер Иван Пospelов.

Придаче сей подписи находился Бийского округа Убинской волости села Жерновского сельский староста Тимофей Миронов, в чем по безграмотству моему прилагаю вверенную мне.

ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 354. Л. 2.

Приложение 4

Таблица 1

ВЕДОМОСТЬ

О числе низших мусульманских школ и учащихся в них к 1-му января 1877 года, с показанием содержания назначенного от казны, земств, городских и сельских обществ и частных лиц

Губернии и уезды	Число низших учебных заведений	Число учащихся мужского пола	Число учащихся женского пола	Общее число учащихся	Средства содержания				
					От казны	От земств	От городских и земских обществ	От частных лиц	Общая сумма
Примечание. Сведения, требуемые 9-ми рубриками сей ведомости, должны быть показаны отдельно по губерниям и областям Западной Сибири, но не по уездам	14+3=17	443	172	615	3465				
Акмолинская обл.	30	417	61	478					
Тобольская губ.	4	125	не изв.	125					
Томская губ.	11	665	202	867					
Семипалатинская обл.	62	1650	435 обучаются в домах	2085		Киргизск. школа в Омске 25 учеников			

ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 725. Л. 2.

Таблица 2

Распределение населения по вероисповеданиям

в г. Колывани	в г. Нарыме	в г. Томске	1. Томский округ	в уездах без городов	в городах	ПО ГУБЕРНИИ	Округа и города		Верования
							М	Ж	
5.398	562	23.209	129.787	808.615	58.964	867.579	М	Ж	Православные и еди- новерцы
5.858	551	21.946	129.113	818.473	57.399	875.872	М	Ж	Старообрядцы и уклоняющ., от православия
146	198	177	2.201	47.022	782	47.804	М	Ж	Армяно-григориане
156	177	10	2.417	50.525	726	51.251	М	Ж	Армяно-католики
	10		13	9	12	21	М	Ж	Римско-католики
				2		2	М	Ж	Лютеране
	1	1	1	2	1	3	М	Ж	Реформаты
				1		1	М	Ж	Менониты
11	7	831	2.057	4.423	1.195	5.618	М	Ж	Англикане
4	316	316	1.121	2.621	734	3.355	М	Ж	Лица ост. христиан-ских вероисповеданий
4	1	347	657	865	438	1.303	М	Ж	Каримы
2	1	195	342	386	256	642	М	Ж	Иудеи
	7	7	11	83	7	642	М	Ж	Магометане
	5	5	6	71	5	90	М	Ж	Буддисты и ламайты
				6	3	76	М	Ж	Лица ост. нехристиан-ских вероисповеданий
			1	8		9	М	Ж	Итого
				1		8	М	Ж	
						1	М	Ж	
			1	7		0	М	Ж	
			9	7		7	М	Ж	
	6	6	9	23	6	29	М	Ж	
	6	6	6	13	6	19	М	Ж	
52	1.577	1.577	1.818	1.377	2.569	3.946	М	Ж	
72	1.625	1.625	1.865	1.366	2.587	3.953	М	Ж	
8	6	794	2.953	21.179	1.270	22.449	М	Ж	
	1	733	2.746	16.797	955	17.752	М	Ж	
	4	4	6	27	10	37	М	Ж	
	1	1	1	5	1	6	М	Ж	
	2	2	3	13.031	5	13.036	М	Ж	
5.619	576	27.006	139.517	896.670	65.262	961.932	М	Ж	
6.092	553	25.204	137.618	903.078	62.669	965.747	М	Ж	

в округе без города	в г. Бийске	3. Бийский округ	в округе без города	в г. Барнауле	2. Барнаулский округ	в округе без города	Верования
132.977	8.410	141.387	260.782	10.371	271.153	100.618	Православные и еди- новерцы
134.993	8.493	143.486	267.111	9.866	276.977	100.758	
13.377	83	13.460	14.304	211	14.515	1.857	Старообрядцы и укло- няющ. от православия
14.147	73	14.220	15.816	184	16.000	2.084	
1			2		2	3	Армяно-григориане
		1	1		1		
							Армяно-католики
69	28	97	151	46	197	1.1.188	Римско-католики
59	27	86	69	42	111	601	
23	8	31	106	32	138	305	Лютеране
13	4	17	61	31	92	144	
			79		79	4	Реформаты
			70		70	1	
	2	2	5		5		Менониты
			4		4	1	
1		1					Англикане
5		5				1	Лица ост. христиан- ских вероисповеданий
6		6	1		1		
5		5	7		7	3	Каримы
1		1	2		2		
6	15	21	85	17	102	189	Иудеи
4	14	18	94	8	102	168	
691	26	717	2.397	187	2.584	2.145	Магометане
551	21	572	1.880	78	1.958	2.012	
25	6	31				2	Буддисты и ламайты
5		5					
11.523	3	11.526					Лица ост. нехристиан- ских вероисповеданий
11.312		11.312				1	
158.702	8.581	167.283	277.918	10.864	288.782	106.36	Итого
161.092	8.632	169.724	285.109	10.209	295.318	105.769	

6. Кузнецкий округ	в округе без города	в г. Каинске	5. Каинский округ	в округе без города	в г. (сел.) Змеиногорск	4. Змеиногорский округ	Верования
76.089	81.457	2.572	84.029	96.369	3.416	99.785	Православные и еди- новерцы
78.546	80.447	2.001	82.448	97.915	3.729	101.644	
1.877	1.982	12	1.994	12.983	35	13.018	Старообрядцы и укло- няющ. от православия
1.890	2.240	3	2.243	13.658	34	13.692	
	2	2	4				Армяно-григориане
	2		2				Армяно-католики
90	2.056	141	2.197	69	3	72	Римско-католики
55	1.320	75	1.395	64	1	65	
53	276	23	299	42	6	48	Лютеране
23	104	5	109	28	9	37	
							Реформаты
	1		1				Менониты
	1		1	2		2	
							Англикане
	1		1				Лица ост. христиан- ских вероисповеданий
4	2		2	1		1	Каримы
8				2		2	
19	650	473	1.123	2	1	3	Иудеи
7	696	457	1.153				
113	5.401	96	5.497	8.481	76	8.557	Магометане
68	4.620	24	4.644	5.695	68	5.763	
							Буддисты и ламaitы
1.487	2		2	12		12	Лица ост. нехристиан- ских вероисповеданий
1.470	3		3	17		17	
79.732	91.832	3.319	95.151	117.959	3.537	121.496	
82.067	89.431	2.565	91.996	117.381	3.841	121.222	Итого

в округе без городов	в г. Мариинске	7. Мариинский округ	в округе без города	в г. Кузнецке	Верования
61.793	3.556	65.349	74.619	1.470	Православные и еди- новерцы
60.282	3.376	63.658	76.967	1.579	
649	90	739	1.870	7	Старообрядцы и укло- няющ. от православия
691	98	789	1.889	1	
2		2			Армяно-григориане
					Армяно-католики
1		1			
816	92	908	74	16	Римско-католики
469	53	522	39	16	
64	13	77	49	4	Лютеране
18	4	22	18	5	
					Реформаты
	1	1			Менониты
					Англикане
					Лица ост. христиан- ских вероисповеданий
1		1	4		Каримы
			8		
434	426	860	11	8	Иудеи
404	404	808		7	
1.955	73	2.028	109	4	Магометане
1.971	30	2.001	68		
					Буддисты и ламaitы
6		6	1.487		Лица ост. нехристиан- ских вероисповеданий
1		1	1.470		
65.720	4.251	69.971	78.223	1.509	Итого
63.837	3.965	67.802	80.459	1.608	

Первая Всероссийская перепись населения Российской империи 1897 г. –

СПб. : Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, 1904.

Таблица 3

Ведомость о численности приходов и духовных лиц в Томской губернии

№ метрики	Где находится мечеть, соборная или пятипрестольная, какие деревни причислены приходам в той или другой мечети, расстояние от мечети и когда построена мечеть	Число душ		Какой волости	Стана	Земский уязок	Имена, отчества и фамилия состоящих при мечетях духовных лиц, с обозначением должностей, в которых утверждены губернскими или областными правлениями и времени утверждения	Месяц, число и год рождения духовного лица	Отметка о смерти или удалении от должности
		Муж.	Жен.						
2540	Томской губернии гор. Томска Гор. Томска 2-я соб. мечеть Гор. Барнаул по Томс. губ. прав. 9 января 1902 г. №138 Барнаульского уезда дер. Назаровки	271	235				Х.... Хамитов Ахуном 14 октября 1889 г. №403 И.... Мухаметкурбанов С 10 мая 1890 г. №8415 Сенджарито Ахметшарифович Мулюков, утвержден имамом 25/VI – 92 г.	49 23 1903	
2541	Томского уезда Юрт Ченореченских в 1891 г. прекр. дер. 2 вер. 7 вер. 15 вер. 15 вер. 20 вер	102	95				Заридула Тухватуллин Утвержден имамом-хатыбом Томским губернским правл. от 16 октября 1912 г. №23390	1828	Устранен 8/1 – 14 г.
2542	Юрт Колтавских соб. постр. 1878 г. прикр. дер. в 70 вер. В 86 вер.	119	120				Фаттахитдин от 15 июня 1896 г. №3694 Мухаметгасым Гатауллин мулла утв. от Томск.губ. прав. 7 декабря 1910 г. за №1282	47 29	Уволен 26 июля 1902 г. Д. №148
2543	Станция Юрга собор мечеть разрешен. 6/III – 92 г. Юрт ... - Искинских соб. постр. неизвест. -/- Константиновские Тумова в 50 вер. в 9 вер.	146	116			имам хатып с 23 мая 1885 г. №2797	47	

№ метрики	Где находится мечеть, соборная или пятивременная, какие деревянные причислены приходам в той или другой мечети, расстояние от мечети и когда построена мечеть	Число душ		Какой волости	Стана	Земский участок	Имена, отчества и фамилия состоящих при мечетях духовных лиц, с обозначением должностей, в которых утверждены губернским или областным правлениями и времени утверждения	Месяц, число и год рождения духовного лица	Отметка о смерти или удалении от должности
		Муж.	Жен.						
2544	Юрты Эуштинские соб. постр. неизв.			Эуштинской			Абдуль Карым Гушаков утв. Томск.губ. правл. от 8 января 1916 г.		
	Гор. Ново-Николаевск Д. №107 – 1907 г.	380	284				Мухамед Гариф Сафаралиев утв. муллою Томс. губ.упр. от 21 декабря 1907 г.		
2545	Юрт Б.[...]ованских соб. меч. постр. неизв.	101	79				Халилла Мусин имам хатып и мударис утв. 18 ноября 1910 г. за №16734		
2546	Дре[...]ронина соб. пост. неизв.	169	94				Джамаметдин Размагуллин Кирасиров утв. имамом		Умер
	Батуриной мечети от 13 февраля 1915 г.	56	53				Томс. губ.прав. от 10 января 1916 г. №472		
2547	Юрт Текельдавских соб. постр. неизв.	130	117				[...] имам 15 января 1897 г. №384		
2548	Юрт Орских пятивр. постр. неизв.		74				Мустафа Авзалудинов Абдрахим Гумеров муэдзин утв. Томс. губ.прав. от 23 сентября 1908 г. №10119		
	Разрешение перестроить по старому плану 13/Х – 92 г. Молитвенный дом на Анжерской каменноугольной копи	78					Хатып мулла Шагивалив Мхаметов утв. имамом Томс. губ.прав. от 4 октября 1912 г. №222227		
	Судженской каменноугольной копи		80				Мулла – Ахтям Нурмухамедов утв. имамом Томс. губ.прав. от 26 марта 1914 г. №7864		
	Пос. Ново-Истамбульской	209					Мухаммет Сабир Мухаметгалеев утв. имамом Томс. губ.правл. от 6 февраля 1916 г. №2157		
	дер. Куфбакова соб. мечеть пос. Нуркаевский	203					Хасан Гильфанов Нигматулин имам от 23 мая 1918 г.		

№ метрики	Где находится мечеть, соборная или пятипрестольная, какие деревянные причислены приходам в той или другой мечети, расстояние от мечети и когда построена мечеть	Число душ		Какой волости	Стана	Земский участок	Имена, отчества и фамилия состоящих при мечетях духовных лиц, с обозначением должностей, в которых утверждены губернским или областным правлениями и времени утверждения	Месяц, число и год рождения духовного лица	Отметка о смерти или удалении от должности
		Муж.	Жен.						
		120					Султан Махмуд Мухамедов утв. имамом		
		185							
2549	Маринский уезд Юрт Серебряковских соб. постр. в 1894 г.	379	384			4	Асфендия Мухаметвалиев М[...] с 7 апреля 1870 г. №2338		
2550	Юрт Теплопоченских соб. постр. в 1884 г.	650	711		1	3	Кур[...]ашев мулла Лут[...]инг имам утв. 1 апреля 1916 г. №5	36 36	
2551		253	27[...]		1	3	Мустафа [...] имам [...] от 27 августа 1849 г. №[...]23	1878	
2552	Юрт Теплопоченских 2 соб. мечеть постр. неизв.	660	660		3	4	Кан[...]		
2553	Юрт Шу[...]датских соб. постр. в 1879 г. Поселе Нижегородский соб. меч.постр. в 1899 г.	319	258		1	3	от 28 мая 18[?]8 г. №[?] [...] имам [...] от 28 июня 18[?] [?]		Уволен от должности [...] отно- шение Тобол.губ. правления от 15 июля 1904 г. №4779
		140					Сагабдин Сулейманов утв. Томск.губ. прав. отношение 5 ноября 1902 г. №9320 Юнис Рязанов муллоу утв. Томским гу- бернским управлением от 12 ноября 1904 г. по 2 столу Мингазитдин Рязанов муэдзин кр. Тоб. губ. Пр. 1 мая 1908 г. №4522	Перемещен 1881	
	В сел. Верх-Кайсацком соборная мечеть Отношение Томского губ. Пр. от 14 дека- бря 1915 г. №14239 Сел. Тукаево соборная мечеть	219							

№ метрики	Где находится мечеть, соборная или пятивременная, какие деревья причислены приходам в той или другой мечети, расстояние от мечети и когда построена мечеть	Число душ		Какой волости	Стана	Земский участок	Имена, отчества и фамилия состоящих при мечетях духовных лиц, с обозначением должностей, в которых утверждены губернским или областным правлениями и времени утверждения	Месяц, число и год рождения духовного лица	Отметка о смерти или удалении от должности
		Муж.	Жен.						
	Придорожный поселок соборная мечеть разрешена в 1917 г. Дер. Туйле разреш. постр. соб мечети на 7/III – 913 г.	169	домов				Рафим Зюльказанав утв. имамом 29 мая 1917 г. Нугуманов Габдрахман имам утв. 19 декабря 1917 г. Габдрахман Нугуманов Сабитов утв. имамом на 19/IV – 1913		
2554	Каинского уезда Юрт Тармакульских соб постр. неизв. дер. [...]	55	30				Абдулбаригт Имамединов Каруков имам [...] от 23 августа 1913 г. №8065 Хавав[...]ила [...] имам [...] 1918 г. №3449		
2555	Юрт Бл [...] – Табинских соб. постр. в 1877 г.	67	61				Абдулкадыр Мухаметгалимов Калив хагып ут. Том. губ. упр. 27 апреля 1909 г. №5577 Нармухамет Сабага-туллин Ибрагимов		
2556	Юрт Кулбинских соб. постр. неизв.						утв. имамом мечети Томского губ. прав. 4 июля 1914 г. №850		
2557	Мало-Тибиская мечеть Томск. губ. упр. от 8 февраля 1908 г. №1235	165	157				Муртаза Багаутдинов, хагып от Тоб. губ. упр. 24/ VIII – 1913 г. №20909		
2558	Юрт Улуцких соб. постр. неизв.								
2559	Юрт Любейских соб. м. приходы Сафкинских Мангучей-максских	101	97				Зеляедин Ямалетдинов утв. имамом 5 ноября 1911 г. №7644 Муфамед[...] Шамситдинова		
2560	Юрт Саркинских соб. постр. Чайской инородной управы						утв. имамом Томским губ. управлением от 15 ноября 1904 г. №8119		
2561	При Кульчинском ауле соборная мечеть построена в 1852 г. к ней огнесены приходы аулы: Кайлинский и Убинский Юрт Канделинских соб. постр.						Абдулгаиз Сайфетдинов имам пр. Томского губернского правления от 29 июля 1907 г. №5969	Отказался 28/IV [?]. г.	Умер 1911 г.

№ метрики	Где находится мечеть, соборная или пятиременная, какие деревянные причислены приходам в той или другой мечети, расстояние от мечети и когда построена мечеть	Число душ		Какой волости	Стана	Земский участок	Имена, отчества и фамилия состоящих при мечетях духовных лиц, с обозначением должностей, в которых утверждены губернским или областным правлениями и времени утверждения	Месяц, число и год рождения духовного лица	Отметка о смерти или удалении от должности
		Муж.	Жен.						
	Юрт Мало-Учунских соб. постр.								
2562	Татарский уезд Дер. Чики соб. пост. неизв. Да[...]бывав Акбалкова Муызасава[...] Ага[...] Соре[...]к	40 13 30 17 14 67	27 14 35 11 13 71				Хайдарша Мухамедхандоров Абульхасанов утв. имамом 18/III 1922 г. Ди[...]дан Гайнетдинов [...] имам хатып 13 февраля 1897 г.	53 года 1873 г.	
2564	Юрт Кульгускар соб. постр. в 1834 г.	139	130		2	2	З[...]лькарнаи Мухамедяров Абдрашитов утв. муэззином 2/II 1919 г. Юсуф Сагитов Ибрагимов имам Том.губ. пр. 18 ноября 908 г. №12338		
2565	Юрты Бдеобинские / Тондовские/ соб. постр. неизв. Дер. Бакчин[...] в 20 вер. Но[...]нди в 20 вер. Маух К[...]ттов в 120 вер.	270	240		2	2	Ибрагим Фе[...]тдинов имам [...] от 9 декабря 1898 г.	37	Переведен в аул каф[...]ат[...] рапорт Каинского ахуна 6 февраля 1911 г.
2566	Юрт О[...]ндевских соб. постр. 1847 г.	94	108		2	2	Мухамет[...] Абдулгарифов имам хатып с 25 февраля 1883 г. Аппрахман Мухаммедкадимов имамутв. Том. губ. пр. 27 апреля 909 г. №5576 Ахун Хабидула Карюков, перемещен из Любетской мечети от 4 апреля 1913 г. №7618		Умер 10 декабря 1893 г. Умер
2567	Юрт Бергундских соб. постр. в 1847 г. дер. К[...]товские в 20 вер.	73	57				Сулейман Амакберов Каруков имам от Том.губ. пр. 27 апреля 1907 г. №7888		

№ метрики	Где находится мечеть, соборная или пятиременная, какие деревни причислены приходам в той или другой мечети, расстояние от мечети и когда построена мечеть	Число душ		Какой волости	Стана	Земский участок	Имена, отчества и фамилия состоящих при мечетях духовных лиц, с обозначением должностей, в которых утверждены губернским или областным правлениями и времени утверждения	Месяц, число и год рождения духовного лица	Отметка о смерти или удалении от должности
		Муж.	Жен.						
2568									
2569					2	2			
2570	Юрт Тевидских соб. постр. в 1802 г. дер. А[...]алова в 17 вер.	167	165				Ша[...]хитдин [...]уенитдинов муэдзин утв. 24/ VII – 1913 г.	1872	
2571	Юрт Шандинских соб. постр. в 1861 г. Юрт Урегульских соб. постр. неизв. Юрт Кул[...]манских соб. постр. неизв.				2	2	Ибрагим Шарыпов имам Том.губ. пр. 12 ноября 1910 г. №814 Рапорт Каинского уезд. ахуна 6 февраля 1911 г. №19 Нигметзян Тухватуллин утв. имам хатыпом Том.губ. упр. от 12 февраля 1914 г. №3335 Биктагир Габидуллин утв. Том.губ. упр. муэдзином 11 февраля 1916 г. №2659		
	Юрт Карастских соб. постр. неизв. Шабакские в 20 вер. Кадарские в 20 вер. Туракова в 12 вер.	35	31						
		107	87						
		117	90						

№ метрики	Где находится мечеть, соборная или пятиременная, какие деревья приислены приходом в той или другой мечети, расстояние от мечети и когда построена мечеть	Число душ		Какой волости	Стана	Земский участок	Имена, отчества и фамилия состоящих при мечетях духовных лиц, с обозначением должностей, в которых утверждены губернским или областным правлениями и времени утверждения	Месяц, число и год рождения духовного лица	Отметка о смерти или удалении от должности
		Муж.	Жен.						
	Аул Муса пятиременная мечеть Мин. внутр. дел Томск. губ. прав. от 22 августа 1913 г. №21721	177							
2572	Змеиногорского уезда Юрт Новардевых О[...] соб. постр. неизв. Зубаровой	489	455		1	2	Габалгаша Габдуллин Аргинбаев имамом 8/XII 1919 г. №409 Файзрахман Габдумаликов Амиров Хатыпов Том.губ. пр. от 20 апреля 1914 г. №10000	1880	

ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 2. Д. 8.

Приложение 5

Рис. 1. Белая соборная мечеть в Томске. Построена в 1913 г. (фото Е.А. Шершневой)

Рис. 2. Соборная мечеть в Тобольске. Построена на рубеже XIX–XX вв. (фото Е.А. Шершневой)

*Рис. 3. Мечеть Оренбургского магометанского духовного собрания в Уфе. Построена в 1890-е гг.
(фото Е.А. Шершневой)*

СЕРИЯ:
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В ЕВРАЗИИ

Редакционный совет серии:

- П.К. Дашковский (председатель), доктор исторических наук (Россия, Барнаул)
С.А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)
Н.Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)
А.П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)
А.А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)
Н.А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)
Т.Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)
О.М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)
Л.И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)
З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астана).
Н.И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)
Б. Нямдорж, доктор исторических наук (Монголия, Ховд)
Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)
Е.А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

SERIES:
ETHNO- CULTURAL AND RELIGIOUS
RESEARCHS IN EURASIA

The editorial board:

- P.K. Dashkovskiy (executive editor), doctor of historical sciences (Barnaul, Russia)
S.A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
N.L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moskow)
A.P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)
A.A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)
N.A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)
T.D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)
O.M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)
Z.S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana).
L.I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)
N.I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)
Б. Njmdorzch, doctor of historical sciences (Mongolia, Hovd)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)
E.A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

Научное издание

**Дашковский Петр Константинович
Шершнёва Елена Александровна**

**ИСЛАМ И ИМПЕРИЯ:
ПОЛОЖЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ
ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

МОНОГРАФИЯ

Редактор Л.И. Базина

Подготовка оригинал-макета Ю.В. Плетнева

Дизайн обложки П.К. Дашковский, Ю.В. Плетнева

При оформлении обложки использованы фотографии П.К. Дашковского,
Н.С. Дворянчиковой, Н.П. Зиберт, Е.А. Шершнёвой

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 15.10.2020.

Формат 60×84 ¹/₈. Усл.-печ. л. 18,8.

Тираж 500 экз. Заказ 181.

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»

г. Барнаул, пр-т Красноармейский, 98а

E-mail: azbuka@dsmail.ru